

НИНА
БЛАЗОН

ПОЩЕЛУЇ
РУСАЛКИ

Россия, 1706 год, строительство Санкт-Петербурга.

Молодой немец Иоганн Брем живет в семье своего дядя плотника Михаэля Брема, приехавшего по приглашению царя на строительство новой столицы из немецкой слободы Москвы.

Однажды из Невы поднимают утонувшую девушку, внешность которой вызывает много вопросов. По приказу полковника ДЕРЕЖЕВА покойницу до дальнейших распоряжений помещают в мастерскую Михаэля. Но ночью она таинственным образом исчезает. Тем временем по Петербургу ползут слухи, что утопленница никто иная, как русалка.

Желая докопаться до правды, Иоганн ступает на опасный путь.

Нина Блазон

Поцелуй русалки

Обложка: Schadlichin Herrlich

Перевод группы:

vk.com/true_love_books

Глава 1

ПОКОЙНИЦА ИЗ НЕВЫ

Иоганн привык к волкам и зимним буранам, к прохладе летних ночей, к болотам, к жестокости, с которой крепостных и пленных шведов заставляли работать. Но к мертвым он не привык бы никогда. Они умирали от лихорадки, от чахотки или, как эта девушка здесь, в воде. Ничего необычного в этом не было. Если на болотистой местности строишь город, волны пожирают то одного, то другого, и выплевывают его вновь, обескровленного и распухшего. «Петербург — это ад», — только вчера бормотал старик помощник, работавший в столярной мастерской дяди Иоганна. Теперь, стоя пасмурным днем на берегу Невы, пришлось признать его правоту.

Толпа людей, сгрудившаяся вокруг мертвой девушки, бушевала возле Иоганна. Его толкнули локтями в бок и грудь и отбросили назад. Многого рассмотреть он не смог, только порой мелькала в промежутке между головами картина обнаженной руки, свисавшей с доски. При мимолетном взгляде Иоганн поразился тому, какая же белая у нее кожа. Он тщетно пытался выбраться из толчеи, вместо этого толпа любопытных придвинула его еще ближе. Раздававшееся вокруг него перешептывание и усиливающееся чувство опасности заставили быстро искать запасной выход.

— Проткнули! — пробормотал крестьянин без единого зуба во рту и перекрестился. — Убийство!

Шушуканье становилось все громче, переходило из уст в уста. Иоганн оперся о коренастого смотрящего, и сумел чуть-чуть продвинуться к выходу. Настало время исчезнуть. Если русские крепостные заговорили об убийстве, он, как иностранец, не находился в безопасности. Царь Петр любил своих немецких и голландских плотников, которых он выписал из Москвы и за границы для строительства своего города. Но простой люд, рекрутированный со всех концов царской России, думал иначе.

— Теперь еретики убивают наших девочек! — проворчала какая-то крестьянка.

— Ты куда это? — произнес за спиной Иоганна хриплый голос.

Тот час же множество рук грубо схватили его за рубаху и волосы. Иоганн не дал им время, выдвинуть другие подозрения, ловко ослабил хватку и оттолкнул вымазанную грязью руку.

К счастью он был рослым парнем, и рано научился драться со своими четырьмя братьями. Ткань треснула, кто-то ударил его в бок, но он удержался на ногах. Ему часто приходилось справляться с чернью, живя еще в Немецкой слободе Москвы.

Он уже почти высвободился, когда над его головой просвистела нагайка, и с отвратительным шлепком ударила о плоть. Малый, хотевший вновь броситься на Иоганна, заорал и схватился за щеку.

Кровь сочилась у него сквозь пальцы, к ним приклеился пучок длинных, до плеч волос из головы Иоганна. Толпа смолкла. Десятки испуганных глаз уставились на верхового.

Моргая, Иоганн оглянулся и, облегченно, узнал полковника Дерезева, сворачивавшего в полной тишине свой хлыст. Дерезев напрямую подчинялся царю Петру. Но, что в данный момент важнее, он знал Иоганна и его дядю. Нельзя сказать, что он особо любил старого плотника и столяра и его ученика, но никогда бы не допустил, чтобы иностранца избил или, возможно, даже вздернула разъяренная свора. Дерезев, не удостоив Иоганна взглядом,

спрыгнул с лошади и подошел прямо к девушке. Толпа расступилась и нерешительно застыла за его спиной. Постепенно вновь поднялся шум, затем Иоганн услышал приглушенные рыдания и молитвы. Голос разума увещевал его, в конце концов, уйти, но он стоял, как вкопанный, наблюдая за людьми. Дерезев склонился в изголовье носилок с девушкой и приподнял грязное сукно, которым укрыли покойницу. Показалось растерзанное и неожиданно обескровленное плечо. Левая рука девушки безжизненно покоилась возле раны. Длинные волосы, черные и полные тины из Невы, закрывали лицо.

Иоганн замер с открытым ртом, когда увидел то, что и все увидели: пряди, не испачканные тиной, отливали черно-зеленым цветом, как вода в глубине озера под грозовым небом.

Высокий крик прервал молитву. Дерезев опустил тряпку и отошел. Рослый парень продрался сквозь толпу к носилкам и упал пред ними на колени. Его угловатое лицо можно было назвать красивым, если бы его не уродовал пылающий взгляд и гримаса безумца. Потрепанный мундир сине-голубого цвета, раньше, вероятно, принадлежавший гренадеру, болтался на теле, и вместе с грубыми, мешковатыми штанами составлял причудливую картину. Любого другого из своих солдат Дерезев бы прогнал или даже поколотил, но это был Митя, блаженный. Так что Дерезев промолчал, не препятствуя рыдающему сумасшедшему. Среди всех обычаев и манеры поведения, с которыми до сегодняшнего дня Иоганн познакомился в этой диковинной стране, данный обычай один из самых странных: даже вспыльчивый русский становился доброжелательным и снисходительным, если ему встречался слабоумный. Над ними не смеялись и их не прятали, как в родной деревне Иоганна поблизости от Магдебурга. Здесь они считались избранными Богом блаженными.

— Небо кровоточит, — бормотал Митя. — Земля в русле реки, саранча утонула в окаменевшей волне.

Слюна лилась у него изо рта и капала на обшарпанные отвороты мундира.

— Огонь падет, когда рыбы взлетят!

Его голос повысился до комариного писка, и ему стало не хватать воздуха. Толпа зашептала. Он подскочил, указал на укрытую покойницу, и, хрипло выдохнув, закричал:

— Русалка!

Рабочий, стоявший впереди, от крика так резко дернулся, что натолкнулся на Иоганна. С проклятиями мужчина грубо отпихнул его в сторону и скрылся.

— Русалка, — прошептала крестьянка и перекрестилась. Затем она протиснулась мимо Иоганна и убежала.

— Ты! Плотник! Иди сюда! — раздался громовой голос Дерезева.

Иоганн понял, что это к нему обращаются, и нерешительно двинулся сквозь толпу. Народ расступился так быстро, будто он болен чумой.

Его встретило множество недружелюбных взглядов, но люди молчали. На краю свободной площадки, образовавшийся вокруг импровизированных носилок, Иоганн остановился. Юродивый опустился на колени и причитал невнятным шепотом. Дерезев в ярости наморщил лоб. Подозрительно оглядев толпу, он громко произнес:

— Девушка утонула!

Иоганн удивился, что полковник сделал заявление. Украдкой он бросил взгляд на руку, все еще торчащую из-под грязной тряпки. Кожа очень белая, у простолюдинки такой быть не могло.

Голос Дерезева оторвал его от размышлений.

— Беги к своему дяде и скажи, чтобы он освободил место в мастерской. Быстро!

Иоганн кивнул и помчался прочь, радуясь, что может покинуть это место. Илистая тропинка привела его на южный берег Невы. В некоторых местах дорогу выложили дубовыми досками. Сегодня, как и в любой другой день, тянули лямку бурлаки, докеры сгружали бревна, кирпичи и камни на лодки и повозки, на которых перевозили строительный материал. Рабочие, выкладывая первые фундаменты для каменных домов, едва глянули на него, когда он пробежал мимо. Мастерская его дяди находилась примерно в миле от берега в северо-восточном направлении, неподалеку от болот, которые еще предстояло осушить. Однажды в дельте Невы вырастет огромный город, построенный из камня. В Москве же большинство домов деревянные. Но в данный момент из будущего великолепия еще ничего не угадывалось. Практически все здешние дома срублены из дерева, земляная насыпь наложена там, где однажды мощные городские стены прикроют город от атак. Чем дальше Иоганн удалялся от реки, тем болотистее становилась, размякшая от дождей, почва. Он уже запыхался, когда показалась маленькая группка домов, в них поселились плотники и токари из немецкой слободы Москвы. Дом, в котором жил Иоганн со своими дядей, тетей и помощниками, стоял на высоком фундаменте, поднятом на добрый кусок от земли. Крытая лестница вела прямо к двери. Благодаря возвышенности жители не мочили ноги, когда ранней весной таял лед, и начинались частые наводнения. С мастерской дела обстояли иначе, одноэтажное строение свирепым деревянным колоссом противостояло штормам.

— Марфа! — закричал Иоганн еще издалека. Его шаги тяжело застучали по ступеням.

Внутри дома царил полутьма, только в печи горел огонь. Возле нее стояла тетя Иоганна, судорожно сжимая в руках кувшин. Ее лицо, как всегда, неподвижно, но Иоганн знал, что Марфа постоянно ожидала самую худшую из возможных новостей. Он тяжело задышал.

— Дерезев принесет покойницу, — выпалил Иоганн. — Мы должны освободить место в мастерской.

Марфа нахмурила брови, поставила кувшин и убрала с лица каштановые, непослушные волосы. Ее глаза заблестели, как серый лед.

— Значит, Дерезев велел, — заметила она сухо. — Скажи Михаэлю.

Этим вечером горница оказалась набита битком. Четверо помощников, обычно ночевавших на деревянных лавках в мастерской, сегодня расположились в избе. Кроме всего прочего, здесь спали Иоганн и старый слуга Иван, отделенные лишь плотной занавеской от крошечной каморки, которую занимали дядя Иоганна Михаэль и Марфа. Маленький дом соорудили в огромной спешке, чтобы успеть до первого снежного бурана. Следующим летом, если дела пойдут хорошо, они построят новый дом. Недалеко отсюда и поближе к Неве. Нарядный, каменный и просторный.

Как только помощники уложили завернутую покойницу на один из верстаков, мастерскую заперли. До вечера крестьяне и другие любопытные прокрадывались к мастерской, перешептывались друг с другом, однако держались на безопасном расстоянии. Наступил поздний вечер, но, несмотря на это, молочная белизна просачивалась сквозь дверные щели и ставни. Это были странные северные ночи, когда солнце полностью никогда не заходило, не давая выспаться и идти утром на работу отдохнувшим. Хоть на дворе и стояло лето, Иоганн мерз, сидя с голым торсом на табуретке и наблюдая за своей малоразговорчивой тетей, зашивавшей дырку на его рубахе. Как и большинство русских

горожанок, она носила платье с длинными, широкими рукавами, не туго зашнурованное, с тканым восточным узором. Там, где раньше край декольте украшало золотое шитье, красовалась простая лента из голубой материи, единственное бедное украшение. Марфа и Михаэль поженились два года назад в том самом месяце, когда Иоганн прибыл в Россию. Тогда Марфа показалась ему высокомерной и такой же серьезной, как статуя святого. Будучи на двадцать лет моложе Михаэля, она происходила из обедневшего дворянского рода. От прежнего богатства ей достался лишь Иван. Пожилой, лет шестидесяти, с бородой, достававшей ему до груди. Иван, можно сказать, являлся частью домашнего имущества, как дубовый комод, вышитое покрывало, зеркало и три чаши для питья из горного хрусталя, полученные Марфой в качестве приданного. Крепостной, которому даже не принадлежала своя собственная жизнь. Хозяева в любое время могли его подарить, продать или истязать. Ивану, однако, повезло. Марфа рассматривала его, как слугу, и порой даже совала ему копейку. Иоганн любил свою тетю за доброе сердце, хотя до сих пор она ему казалась строгой и надменной.

— Это уже третья рубашка за два лета, — сказала она, неодобрительно прищелкнув языком.

— Не я драку начинал, — защищался он.

Марфа поджала губы и вдела новую нитку в игольное ушко. Иван хмуρο рассматривал синяк на скуле Иоганна, но молчал. Один из помощников хрипло раскашлялся. Всех беспокоил влажный климат и полчища комаров, бывшие сущей напастью и приносявшие лихорадку, которая лишь усугубляла ситуацию. Иоганн оглядел свои распухшие костяшки пальцев и вздохнул. Работать завтра будет тяжело, но он знал, что его строгий дядя разбитые пальцы в качестве оправдания не примет. Во многих жизненных вопросах Михаэль, приехавший в Россию тридцать лет назад, сам уже стал русским. В течение долгих лет учебы и работы по обретению ремесла, которым гордился, он придерживался абсолютной дисциплины, прилежания и исполнения долга, как и отец Иоганна, и другие его братья. Но Иоганн по-другому представлял себе жизнь в царской России. Приключения и новые возможности, а затем — свобода, ее он никогда не знал в тесноте родной деревни. И еще кое-что — море! Бесконечный океан, который откроется перед ним.

Если бы это зависело от Иоганна, то он бы остался на корабле, которым плыл из Гамбурга вокруг мыса Нордкап, через Северный Ледовитый океан в порт Архангельска. В свете этих воспоминаний он забыл даже о холоде и тяжелой работе на палубе и очень тосковал, рисуя в своем воображении танец волн под ногами. Вместо этого он сидел здесь, страна и люди оставались ему все еще чужими, хотя за это время он, по крайней мере, неплохо освоил язык. С тоской вспоминал Иоганн о временах в Немецкой слободе Москвы. Только в ней он чувствовал себя, как дома. Там жили аптекари и ремесленники из самых разных стран, купцы со своими семьями, а также авантюристы, наемники и, как ни странно, шотландские роялисты, сбежавшие от гражданской войны на родине и нашедшие убежище в иностранной слободе. На новом же месте Иоганн внезапно увидел ютившихся в тесноте крепостных и рабочих, крестьян и солдат со всех частей царской России. Хотя здесь кишмя кишели архитекторы, работники и специалисты из Франции, Голландии и Англии, во время обучения он частенько чувствовал, что простой люд с презрением относится к иноземцам.

Кашляющий помощник задремал, но даже во сне его била дрожь. Иоганн бросил взгляд на деревянную модель корабля, собранную еще в Москве. Она представляла собой «Святого Павла» — один из самых больших фрегатов, принадлежавших Петру I.

«Однажды... — подумал он, — однажды и у меня будет корабль. Потом я буду вспоминать Петербург и смеяться». Он нервно захрустел пальцами. Тогда ему не придется смотреть на утопленников. Не то чтобы девушка была первым покойником, которого он увидел. В Москве ему уже однажды приходилось помогать доктору, забирать из переулочка жертву жестокого убийства и класть на повозку. Но утопленница, лежавшая рядом в мастерской, беспокоила его.

На ум снова пришло лицо юродивого.

— Марфа? — спросил он тихо. — Кто такая русалка?

Тетка все еще зашивала ему рубаху.

— Суеверие, — ответила она сухо. — Говорят, русалки приходят из царства мертвых и туда же возвращаются.

— Значит, они призраки.

Марфа слабо усмехнулась и неохотно вернулась к теме.

— Крестьяне верят, что русалки — это утонувшие девушки. Считается, что они живут в прудах и имеют рыбий хвост. А летом выходят из воды и танцуют в лесу. Почему ты спрашиваешь?

Острый взгляд Марфы заставлял его нервничать, и в следующий момент он почувствовал себя загнанным в угол.

— Так называл покойницу Митя, а люди на берегу перекрестились.

— Блаженный правду говорит, потому что она от Бога, — пробормотал Иван.

Порой Иоганн чувствовал, что Иван и сам выражался, как блаженный.

— Послушай, Иоганн, — продолжила Марфа. Она не имела привычки произносить его имя по-русски, а всегда называла нормальным немецким именем. — Ты же знаешь, как царь Петр относится к таким суевериям. Не дай Бог пойдут слухи, что ты веришь в подобную чушь.

Она еще раз бросила на него резкий взгляд, который воспринимался, как будто его лоб сделан из прозрачного листа бумаги, а мысли под ним имеют очертания теневых марионеток.

— И, прошу тебя, не делай глупости, — быстро добавила она. — Я не хочу тебя застукать, когда ты прокрадываешься в мастерскую, слышишь? Кто знает, что с бедняжкой произошло. Может убийство, может... — ее голос понизился, — в ближайшие дни какой-нибудь мужик поплатится за то, что к ней прикоснулся. Но мы не вмешиваемся, ты меня понял?

Иоганн ничего не ответил и опустил взгляд. Марфа умела читать мысли, а та, которая пришла ему в голову, ей вообще не понравится.

— Ты ее видела? — спустя некоторое время спросил он.

Марфа сделала раздраженный жест.

— Нет. Зачем мне разглядывать покойницу? На что там смотреть, на что? — и более резким голосом добавила, — если бы это оказалась твоя Кристина, тебе бы понравилось, что на нее кто-нибудь тарашится?

Иоганн смущенно замолчал, рассматривая деревянную дверную ручку, вырезанную Иваном.

— Немедленно прекрати ерзать! — рявкнул дядя Михаэль, сидевший до этого молча и делая набросок строительных лесов. В свете огня его седые волосы приобрели золотой блеск, напоминая о том, как Михаэль выглядел в молодости. — Займись чем-нибудь!

Если ничего в голову не приходит, можешь поточить разделочные ножи!

Иоганн встал и выдвинул ящик, в котором лежали аккуратно рассортированные ножи. Вздыхнув, он устроился на своей лавке и аккуратно поднял крышку, чтобы пощадить свои распухшие пальцы, и украдкой наблюдал за Марфой и Михаэлем, толковавших о налогах на заточку топоров, об инструменте, который пришлось закупать заново, о новом доме, который в недалеком будущем появится на берегу Невы. Его нетерпение усиливалось, но он не должен возбуждать подозрений. Поэтому, согнувшись над работой, обдумывал, как бы незаметно прокрасться обратно в мастерскую.

Иван закончил работу над дверной ручкой, сдул опилки на пол, и любовно провел рукой по дереву. Иоганн не мог не залюбоваться искусной работой крепостного. Его кубки и чаши продавались по хорошей цене. Даже царь Петр имел нож с деревянной рукояткой, вышедший из-под ловких, мозолистых рук Ивана. То, чем другой ремесленник бы гордился, являлось для старика лишь поводом, плохо спать по ночам. Ад или дьявол его не пугали, нет, Иван боялся царя. Страх, хорошо понятный Иоганну. Гигантского роста царь производил внушительное впечатление, но вести себя мог капризно и непредсказуемо.

И Иван боялся. Царь под настроение мог бы собственноручно обрить ему бороду, как он это сделал боярам в Москве. Петр I бывал безмерно увлеченным и добросердечным, но также необузданным в своих желаниях и самоуправстве. Что ожидало убийцу, Иоганн даже не пытался себе представить.

Он содрогнулся и посмотрел в окно на деревянное строение с другой стороны, в котором находились шлифовальный станок и пилы. Возле правой стены здания под навесом сложены дрова. Перед мастерской Дерезев оставил часового, и Иоганн предположил, что где-нибудь, вероятно, под окнами с северной стороны имеется еще один страж. Слишком много усилий для охраны одной покойницы, якобы, просто утонувшей.

Что-то не сходилось. Не то, чтобы он всерьез верил, что девушка в действительности могла оказаться русалкой. Иоганн не верил в такие вещи, как Дикая охота, когда всадники скачут галопом по ночному небу, Нахцерер или мстительные души. Но если Дерезев принял такие меры, то с ней произошло что-то необычное. Предположительно, девушка являлась благородного происхождения. Тут, несомненно, пахло убийством.

Позднее, чем обычно, Марфа и дядя отправились в свою каморку, а помощники с Иваном улеглись спать на лавках и полатах. Иоганн лежал на своей койке, использовавшийся днем в качестве скамьи, и вглядывался открытыми глазами в странный полумрак за окнами, приглушенный толстыми шторами. Как всегда, в такие ночи, он пытался представить себе лицо Кристины, ее светло-каштановые волосы и нежные черты лица. Однако сегодня это ему не удавалось. Перед его глазами вставала купеческая дочь с изумрудно-черными волосами и кожей, сверкающей, как снег на солнце.

***

Несмотря на мысли, он задремал, а когда открыл глаза, в доме стояла таинственная тишина. Даже помощник больше не хрипел, а спал так тихо, что Иоганн счел его умершим. В этот момент мужчина перевернулся и громко всхрапнул. Иоганн окончательно проснулся.

Он встал и подкрался к окну. В сумрачном свете показалась фигура часового. Иоганн

прикинул в уме различные варианты проникновения в мастерскую. Дверь заперта. По приказу Дерезева дядя Михаэль отдал ключ часовым. Но вряд ли существовал такой замок, который представлял бы для ученика плотника серьезные трудности. Он тихонько нащупал свой пояс с висевшими инструментами, названный Марфой в шутку «Ключами от Петербурга». Она говорила, что ими он мог бы открыть даже небесные врата. Частенько хозяева теряли ключи от сундуков и ящиков, тогда появлялась работа для Иоганна. Ее он делал ночи напролет и являлся желанным гостем во многих домах. Иоганн знал, насколько прост был механизм, ведь существовало не слишком много видов замков. «Ты очень сообразительный, но у тебя тень вора» — считала Марфа. Однако сегодня инструменты ему не слишком помогли бы, пришлось бы выманить от двери часового.

Конечно, можно забраться на крышу, но это создало бы много шума. Вероятно, имелась еще возможность, проникнуть через заднюю стену дома. Только Иоганн и Иван знали о расшатанной доске, висевшей лишь на двух гвоздях. Иоганн наблюдал за крепостным, когда тот отжал доску от стены и, будто по мановению волшебной палочки, исчез в щели, увидев, что в мастерскую вошли люди царя Петра. Иоганн его тогда не выдал. «Всегда полезно, — подумал он, — иметь запасной выход».

Иоганн усмехнулся и продолжил свой путь.

Половица скрипнула под его ногой, и он, затаив дыхание, остановился. Но в избе все спали так же глубоко, как и покойница из Невы, лежавшая по соседству на верстаке. Иоганн осторожно ступил на порог и толкнул дверь. Она находилась в тени, и с позиции часового ее можно увидеть, лишь сильно повернув голову влево. Проворно прошмыгнув за дверь, он перепрыгнул через ступеньки и, пригнувшись, побежал вдоль стены дома. Звук шагов казался ему невероятно громким. Под окнами светелки Марфы и Михаэля он задержался, наблюдая за вторым часовым. Тот дошел до угла и повертел в руках саблю. Иоганн задержал дыхание. Еще пару шагов вперед, и солдат его обнаружит. У него имелась возможность кинуть камешек, чтобы отвлечь часового. Тем не менее, велика опасность, что солдат краем глаза мог заметить бросок. Он осторожно попытался сильнее вжаться в стену, надеясь, что часовой не посмотрит в его сторону. Ему повезло. Где-то с другой стороны мастерской что-то треснуло. Охранник прислушался и обернулся. Иоганн, воспользовавшись этим моментом, одним прыжком проскользнул за дом. Он слышал голоса часовых, обходивших мастерскую. У него появился шанс. В тот момент, когда часовые оказались вне зоны видимости, он прыгнул к задней стене дома и ловким движением отодвинул доску, но в образовавшуюся узкую щель смог протиснуться только боком.

— Там, сзади! — крикнул один из часовых.

Тяжелые шаги прогрохотали мимо Иоганна. Он расцарапал себе руки, когда спешно пролезал через щель и ставил доску на место, а сердце стучало громче плотницкого молотка дяди Михаэля. Затаив дыхание, он остановился.

Шаги становились все громче, потом внезапно стихли.

Часовые, должно быть, стояли перед доской.

Иоганн полагал, что тепло его тела чувствуется даже сквозь древесину. Мужчина, казалось, прислушивался, потом пробормотал крепкое ругательство и удалился. Иоганн выдохнул. Сейчас ему пришла в голову мысль, что он не обдумал, как возвращаться обратно в дом. В мастерской стояла темнота, но сквозь щели в досках падало достаточно света, чтобы он мог угадать очертания предметов в помещении — пилы, висящие на стенах, блестящие, как темная вода. Спящими животными притулились столы и маленькие верстаки.

Посреди них возвышалась большая скамья, на которой дядя Михаэль расклинивал большие деревянные. Она оказалась пуста. Иоганн сощурил глаза и осмотрел ее внимательнее. Без сомнения — на верстаке лежало только полотно, которым укрывали покойницу. Часть материи свесилась на пол, будто его скинул человек, когда вставал. Иоганн утратился такой мысли.

«Она не могла встать» — сказал он сам себе. Тем не менее, ему невольно вспомнились рассказы Ивана о покойниках, проснувшихся во время панихиды, стучавших зубами и вслепую, наощупь искавших живых, чтобы затащить к себе в гроб. В довершении ко всему он что-то услышал — легкий шорох, едва заметный, но ощутимый. Казалось, в комнате кто-то дышал. Он прислушался, но звук уже исчез. Возможно, это ошибка или звуки, доносившиеся снаружи, сыграли с ним злую шутку. На полусогнутых ногах он подкрался к верстаку. Новый звук заставил его вздрогнуть. Легкое похлопывание шло прямо от лавки. Нерешительно Иоганн вытянул руку и дотронулся до ткани. Она была мокрой, капли падали на пол, издавая тихий стук по дереву, именно его он и слышал. Кто-то забрал труп из мастерской.

Мокрые волосы девушки намочили ткань. Подавленно Иоганн разглядывал пустую усыпальницу и, наконец, признался себе, почему его так интересовала утопленница. Он слишком хорошо помнил, как вместе с семьей молился в пустой церкви о душе его брата. Симона тоже тянуло к морю, но он не уцелел в первом же плаванье на немецком торговом судне, утонув во время шторма возле острова Рюген.

Его тела так и не нашли.

Иоганн отодвинул тяжелые мысли о Симоне в сторону и хотел осмотреться дальше, как его взгляд упал на пол. Там было еще больше воды — лужи и капли тянулись до окна.

Пока он недоверчиво рассматривал отпечатки, за спиной раздалось шуршание, удивившее его. Он инстинктивно обернулся и, услышав тяжелое дыхание, сделал защитное движение рукой, но коснулся лишь мокрой кучи тряпок.

Затем наступила темнота. В первый момент его охватила паника, но потом он понял, что кто-то накинул ему на голову мокрый саван. Задыхаясь, он избавился от тяжелой материи и затравленно оглянулся, готовый броситься в схватку. Но все что он увидел, это щель в деревянной стене, через которую сам пришел. Злоумышленник отодвинул доску и сбежал. Снаружи раздалось крики, и возник переполох. Проснулись люди, загрохотали шаги, часовые начали погоню за незваным гостем. Иоганн сжался под маленькой лавкой, ожидая, когда распахнется дверь, и перед ним возникнет солдат с оружием наизготовку или саблей наголо. Но крики затихли, и гул голосов исчез за домом. Иоганн, воспользовавшись случаем, протиснулся в щель и сбежал. Он прибыл как раз вовремя и столкнулся с Иваном, появившимся на пороге. Старик крепостной нахмурился, но ничего не сказал и впустил его.

***

Болевшими пальцами Иоганн шлифовал поперечину, необходимую дяде для опорной рамы. О сне не могло идти и речи. Все в доме находилось в смятении. В мастерской дядя Михаэль спорил с военными, которые рассматривали болтавшуюся доску. Возле мастерской вдруг возникли бородатые рабочие в, покрытой тиной, рваной одежде. Они указывали на постройку, перешептывались и осеняли себя крестным знаменем. Иоганн не мог отделаться

от чувства опасности, когда видел, с какой враждебностью они его разглядывали. Марфа выглядела перепуганной курицей, а ее резкость переросла в неприязнь. Грубыми словами она разогнала зевак и велела помощникам отправляться работать.

Только пополудни им разрешили вернуться в мастерскую.

Иоганн заметил, что к стене прибили длинными гвоздями новую доску. Он вздрогнул, когда дядя грубо схватил его за руку.

— Гвозди были ослаблены, — произнес Михаэль угрожающим тоном. — Ты знал об этом?

Иоганн сглотнул и опустил голову.

— Да, — признался он.

На лбу дяди появилась глубокая, резкая морщина, но, по крайней мере, он отпустил руку Иоганна.

— Если ты мне сейчас соврал, я тебе больше никогда не поверю. Иван на дереве нашел светлые волосы. Благодарю Бога, что он скрыл это от людей Дерезева. Ты видел, кто утащил труп?

— Нет, — ответил Иоганн твердым голосом.

Дядя бросил на него испытующий взгляд. Затем вздохнул и потер мозолистой рукой лоб. Он выглядел уставшим.

— Ну, — наконец произнес он, — по крайней мере, ты честен. Я молюсь, чтобы с нас не требовали эту покойницу, иначе нам не поздоровится.

Никогда раньше Иоганн не видел Марфу такой бледной.

Она принесла в мастерскую кувшин с квасом, и тайком вытирая покрасневшие глаза, тяжело бухнула его на стол. Иоганн с благодарностью принялся за напиток. За это время он полюбил мутное питье, приготовленное из сухого хлеба, дрожжей, меда и пряностей, но ему долго пришлось привыкать к его странному вкусу.

— Слышал, что говорят? — спросила Марфа, обращаясь к мужу. Она понизила голос, но Иоганн все же смог разобрать ее слова. — Они говорят об убийстве! Прошел слух, что иностранец обесчестил девушку и убил, а мы помогаем ему замести следы.

Михаэль поставил свою кружку на верстак, где вчера лежала покойница.

— Болтовня работяг, — проворчал он. — Пускай говорят. Пока царь Петр сюда не придет и не обвинит меня лично, с нами ничего не случится.

Марфа прикусила губу и замолчала.

К вечеру Михаэль велел Иоганну сопровождать его на стройку на левом берегу Невы. Туда, где в будущем возведут хоромы для дворян и офицеров. Бесчисленные дома в строительных лесах, утрамбованная почва, уже сейчас можно распознать, что на этом месте через несколько лет проляжет бульжная мостовая. Вскоре в новом городе также появятся металлургический цех, ткацкое производство для обмундирования и кирпичный завод.

Прораб, вызвавший к себе дядю Иоганна, оказался тощим, в дурном настроении фламандцем.

— На той стороне, — сказал он, — понадобится таль. Завтра придет груз камней, которые мы должны втащить на фундамент. Ты справишься, Брем?

— Конечно, — пробурчал Михаэль и обернулся к Иоганну с помощником. — Сходите, принесите канат.

Его лицо оставалось невозмутимым, но Иоганн видел, что в венах Михаэля забурился гнев.

Очень часто зодчие загружали его такой подсобной работой, хотя, с какой стороны не посмотри, он являлся лучшим плотником. Однако приказ распространялся и на него. Каждый делал то, что ему приказано, для возведения нового города царя Петра требовалась любая рабочая сила.

Только они закончили кантовать поперечными балками и кронштейнами раму для каркаса, как на стройку прискакал кто-то из людей Дерезева. Иоганн полагал, что узнал в нем одного из часовых, стоявших в карауле возле мастерской. Что удивительно, его, по-видимому, не наказали за халатность. Иоганн хорошо его разглядел, пока тот вытаскивал рулон бумаги. Непроизвольно он искал следы побоев. Иногда результаты наказания замечались: люди двигались неуклюже или у них искривлялось лицо, когда болели ушибы и раны на спине, но этот совершенно спокойно сидел на лошади и читал громким голосом. Он разносился далеко по площади и парализовал окончательную работу.

— По приказу Его Императорского Величества государя, императора и самодержца Константин Дерезев уполномочен о смертельном случае с работницей, которую вчера вытащили из Невы, заявить следующее. После допроса свидетелей установлено, что утонувшую работницу из Новгорода звали Наташа НегловнаТорашкина. Она пострадала от упавшей на нее поленницы. Когда она хотела промыть рану в воде Невы, то упала без чувств и утонула. По приказу Его Императорского Величества, родственникам разрешено забрать тело.

Рабочие опустили головы, некоторые вновь перекрестились. Солдат бросил на толпу блуждающий взгляд. Голос его зазвучал еще строже:

— Его Императорское Величество не желают больше слышать никаких слухов об этом происшествии. Тот, кого застанут за распространением вранья о покойнице, будет наказан пятьюдесятью ударами кнута.

Установившаяся вдруг тишина стала красноречивее любого ругательства. Даже Иоганн вздрогнул. Пятьдесят ударов кнутом едва ли кто-то переживет. Тонкие, длинные кожаные полоски, закрепленные на короткой деревянной ручке, при каждом ударе разрезали кожу.

Иоганн поднял глаза и испугался. Посланник Дерезева смотрел прямо на него. Невысказанное, но такое явное предупреждение, будто ему по лицу ударили тонким кожаным хлыстом.

В испуге Иоганн опустил голову и покрепче ухватился за молоток. Однако где-то внутри него зажглась искорка упрямства, и внутренний голос произнес, что он не хочет подчиняться этому приказу. Воспоминание о руке покойницы стало еще отчетливее. Эта рука, такая белая, с чистыми полукруглыми ноготками никогда в жизни не касалась ни лопаты, ни деревяшек.

***

Продолжительные дожди размочили сухую, укрепленную почву.

Двоих работников, пытавшихся удрать со стройки, схватили в лесу и наказали десятком ударов кнутом, лишь третьему беглецу удалось спастись.

Единственным светлым пятном на неделе оказалась доставка товаров из окрестностей. Привезли съестные припасы: огурцы, капусту, тридцать больших клеток с курами и ящики с

водкой. Цены на повседневные товары, которые доставлялись сюда по непролазным дорогам, заставляли Иоганна каждый раз заново мошенничать. Хотя его семья и не была бедной, он искренне восхищался умением Марфы наготовить столько еды из продуктов, которые они могли себе позволить. Даже, если почти каждый день не было ничего, кроме «каши» — грубозернистого варева, Иоганну никогда не приходилось голодать. Налогом облагалось почти все: пасечники платили за добычу меда, крестьяне — за продажу своих огурцов, даже за погребение в дубовом гробу платился специальный налог. Несмотря на эти сложности, жизнь в только строящемся городе, напоминавшем во многих местах барачные поселения на илистой, зараженной мошкаркой почве, шла дальше.

Иногда вечерами, когда ветер дул с моря, Иоганну казалось, что слышно артиллерийский огонь. Устье Невы все еще оставалось местом боевых действий. Несколько лет назад примерно в восьми милях отсюда стояла шведская крепость, которую захватил царь Петр. Длившаяся годы Северная война между Швецией под предводительством короля Карла и Российской Империей давала новых пленных в качестве рабочей силы в дельте Невы. Будущий город-крепость пока еще не укрепили, и страх, что шведы могут разрушить дельту Невы, был вездесущ. Хотя, крепость Кронштадт, лежавшая в устье Невы на большом острове Котлин, и представляла собой дополнительную защиту, в тревожные ночи Иоганн чувствовал себя, будто оказался в самом аду.

Теперь в беспокойных снах его преследовала покойница. Дядя и Марфа не проронили о ней больше ни слова, вместо этого Михаэль впервые доверил своему племяннику строительство каркаса в будущем дворцовом районе, где планировали возвести летнюю резиденцию.

Как всегда, проходя утром вдоль берега Невы, Иоганн бросал полный тоски взгляд на реку, в надежде увидеть корабль царя Петра. Там, где Нева разделялась на три больших рукава, лежал маленький Заячий остров. Он казался, как бы наполовину, обнятым большими «Петербуржскими островами». Когда Иоганн сощуривал глаза, то угадывал, где располагались царские покои — его «Домик», справа от Заячьего острова, на Санкт-Петербургском. Простой рубленый дом из сосны, построенный царем собственноручно за три дня, чтобы оттуда контролировать строительство своего города. В нем имелось лишь две комнаты, а перед домом стояла простая весельная лодка.

На лежавшем впереди Заячьем острове возвышалась величественная постройка — в виде продолговатого, неправильного шестиугольника, на фундаменте из дубовых свай стояла Петропавловская крепость. Окруженная шестью бастионами и готовая бросить вызов любому противнику. Построенная, чтобы заменить насыпные валы каменными стенами. Уже сейчас крепость представляла собой грандиозный, долговременный узел обороны: перекрестный огонь из бастионов мог попасть в любую точку на воде или на суше, куда долетали пушечные ядра. Так что новый город оказался защищенным как от нападения шведского флота со стороны моря, так и от атак сухопутных войск со стороны Финляндии и Ливонии.

Слева от крепости располагался будущий центр города — Васильевский остров. Кое-кто называл его островом князя Меньшикова, лучшего друга царя Александра Меньшикова, занимавшего также должность губернатора строящегося города. Здесь, на восточном мысе, находилась гавань. Однако разочарованный Иоганн узнал, что сегодняшним утром он бы ни одного большого корабля не увидел. Только обычные караваны транспортных барж везли свои грузы по реке, так же их путь пересекали весельные лодки. Сердце Иоганна забилося

быстрее, когда он подумал о двух яхтах царя, изученных им до мельчайшего узелка на фок-парусе, о «Санкт-Петере» и «Санкт-Пауле». В Амстердаме кроме них царь Петр более десяти лет назад построил первый фрегат, заложив основу своего собственного флота, который с тех пор вырос в несколько раз. К этому флоту принадлежал также и шведский корабль, собственноручно угнанный царем. Иоганна не тянуло в морские сражения, он хорошо себя чувствовал на море, а лучше всего на судоверфи, находившейся на другом берегу реки и отделенной наискось от порта.

— Ну, опять мечтаешь? — поинтересовался дядя Михаэль.

Иоганн взял себя в руки и вернулся вновь к раме, которой сейчас занимался. Держать молоток ему сегодня было тяжело.

Михаэль бросил на него хмурый взгляд.

— Чтобы стать корабельным плотником, нужно проделать долгий путь, — произнес он, так как мысли Иоганна были написаны на лбу большими буквами. — И если ты думаешь, что, не канителясь все время со мной, попадешь туда быстрее, то глубоко ошибаешься.

— Ты же в любом случае меня не отпустишь, — пробормотал Иоганн.

Он не часто перечил дяде, но сегодня, как ни странно, в нем проснулся затаенный гнев из-за того, что его дядя такой угрюмый и неприступный.

— Из лучших побуждений, — быстро ответил Михаэль. — Во-первых, ты мне нужен в мастерской, а во-вторых, я не хочу, чтобы тебя поглотило море.

— Речь не о том, чтобы становиться матросом, — серьезно произнес Иоганн. — Я хочу строить корабли.

— Сперва ты его построишь, а потом тебя потянет в море, — сказал Михаэль. — Я знаю этот зов, но он не принес мне счастья.

Иоганн промолчал. Еще никогда он не осмеливался расспрашивать своего ворчливого дядю о его столь загадочном и авантюрном прошлом. Он знал, что эту тему при нем лучше не поднимать. Так они и стояли, никто не произносил ни слова, а незаданные вопросы роились в воздухе, как надоедливые насекомые. Михаэль постоял нерешительно, потом вздохнул и присел на нижнюю стойку рамы, над которой работал Иоганн.

— Садись, — произнес он почти дружелюбно.

Иоганн повиновался. Михаэль долго смотрел на него, затем потянулся и указал на реку.

— Твой отец тебе рассказывал, не так ли?

— О том, что ты ходил в море? Да, он упоминал об этом.

— Это не героический поступок, — продолжил Михаэль. — Просто поверь мне. Я знаю, что такое тоска по морю. Я совру, если скажу, что ее больше не чувствую. Но на самом деле, это одиночество, нужда и штормы. Море только тогда засияет яркими красками, когда ты уверен, что переживешь эти невзгоды. Оно не для тебя.

— Откуда ты знаешь? — возразил Иоганн. — Всего в одной миле отсюда царь Петр строит свой флот. Россия станет огромной морской державой! Это даст работу. Однажды и я смогу... иметь свой собственный корабль.

Михаэль бросил на него острый взгляд.

— Ты знаешь, что для этого надо учиться? — заметил он.

— Нет ничего, чего бы ни знал царь. Во время своих путешествий он учился у архитектора Бранта, и даже работал корабельным плотником в английских доках.

— Да, это так, — сказал Михаэль. Его взгляд вновь помрачнел. — Но у царя на это есть средства. У тебя денег нет, а самое ценное твое имущество — это жизнь. Береги ее, Иоганн.

Я не хочу написать твоему отцу, что ты утонул, как и твой брат.

Иоганн закусил губу. Приглушенная боль о смерти Симона возникла вновь. В этот момент он почти возненавидел Михаэля, потому что тот разбередил старую рану.

— Я не хочу тебя убеждать, что это невозможно, — продолжил Михаэль уже спокойнее. — Я лишь прошу хорошо обдумать, что ты делаешь. Я дам тебе еще два года. Если ты захочешь попытаться стать судостроителем, то твой путь будет свободен.

Иоганн поднял взгляд и недоверчиво уставился на дядю.

— Почему? — удивился он.

Михаэль вздохнул.

— Почему, почему? Потому, что ты еще больший упрямец, чем был Симон. Ты ко мне пришел бессловесным учеником, но из тебя выйдет толк.

— Спасибо! — Иоганн настолько растерялся, что позабыл другие слова.

Михаэль встал, неловко потирая руки.

— Не благодари меня раньше времени, — произнес он совсем тихо. — И люби своего царя не слишком сильно. По крайней мере, не больше своей жизни.

Резким жестом он прогнал Иоганна обратно на стройку. Тот поспешно схватил молоток и приступил к работе. Радость от предложения Михаэля дала ему чувство, работать сто дней и ночей без усталости. Внутри у него все пело. Ежедневные заботы, даже покойница из Невы и Дерезев в этот момент отошли на задний план. В мыслях он видел себя готовым работать даже в Адмиралтействе.

Судостроительная верфь находилась неподалеку.

Высокие земляные валы и ров с водой окружали здание п-образной формы. Именно сейчас, когда Иоганн стоял в миле от него и сооружал каркасы будущих домов офицеров и дворянства, во внутреннем дворе верфи строили корабли для царя Петра. Иоганн, с трудом удерживая широкую улыбку, постоянно появлявшуюся на его лице, размахнулся молотком, и в этот момент увидел мутные зеленые глаза. Молоток ушел в сторону, и он промахнулся по гвоздю, оставив некрасивую зарубку на сосне.

Юродивый Митя, уставившись на Иоганна, стоял возле каркаса.

Рваный солдатский мундир болтался на его теле. Когда он заметил, что сильно смутил Иоганна, то торжествующе усмехнулся, имея, на сей раз, пугающе разумный вид, развернулся и убежал.

***

Когда с момента происшествия с покойницей из Невы прошло семь дней, перед мастерской раздался крик и прозвучал возбужденный топот ног. Едва помощники слышали тяжелые, резкие шаги высокого посетителя, как атмосфера в мастерской мгновенно менялась. Некоторые вещи, например, пыльные тряпки и тупой, сломанный инструмент исчезали, вместо него поспешно выставляли свежее испеченный хлеб и кувшин кваса.

Так было и сегодня.

Иоганн и Иван, стоявшие вместе возле верстака, посмотрели друг на друга и их, вероятно, посетили одинаковые мысли. Но пока Иван бледнел от страха, что царь Петр собственной персоной может войти в мастерскую, Иоганн нетерпеливо подскочил и

побежал к двери. В том, что царь Петр сам приходил к ремесленникам, не было ничего необычного. Он любил присутствовать везде лично. Нередко даже брал из рук мастера инструмент и работал порой гораздо искуснее. Много лет он обучался различным ремеслам в Германии и других странах. Марфа рассказывала Иоганну, что он привык путешествовать под именем Петр Михайлов.

Но это оказался не царь, пришедший с визитом в мастерскую Михаэля. Перед зданием появилась группа людей в роскошных сюртуках и жилетах, застегнутых на длинный ряд драгоценных пуговиц. Золото сверкало в темных лучах вечернего солнца. Один из визитеров, дородный мужчина, чьи светлые волосы на затылке были собраны шелковой лентой, вышел вперед. Его покрасневшие щеки затряслись. Это был архитектор Карстен Зунд, заказчик дяди Михаэля. Сегодня он, впрочем, не излучал обычное, добродушное спокойствие, а наоборот, нервно вцепился в кожаную сумку, полную бумаг. Виновником переполоха, по-видимому, являлся, сопровождавший его, тощий, темноволосый человек. Он носил шляпу-федору и белый отложной воротник, настолько чистый, что в нем отражалось солнце.

— Михаэль! — закричал Карстен Зунд еще издали. — Выходи. К тебе важные гости!

Дядя Михаэль вытер руки о кожаный передник и вышел. На крыльце появилась Марфа с подносом, на нем три, вырезанных Иваном, великолепных чаши. Иоганн украдкой огляделся в поисках Ивана. Но старик крепостной как испарился.

— Это, полковник Тезини уважаемый человек, о котором я вам рассказывал, — начал Карстен Зунд. — Михаэль Брем, лучший плотник, когда речь идет о каркасах, и лучший столяр по дверям и обшивке. Его углы настолько точно изготовлены, что в щелку не пролезет даже клоп, — он нервно рассмеялся.

Михаэль скупно улыбнулся и склонился в поклоне.

— Хорошо, — произнес Трезини холодно, но дружелюбно. — Позвольте посмотреть на Вашу мастерскую.

Иоганн все искал связь с фамилией, показавшейся ему знакомой.

Без лишних слов уверенным шагом Трезини подошел к одному из столов, который помощники очистили в мгновение ока, и взял из рук Карстена Зунда папку. Резким движением он разложил на столе бумагу. На ней тонкими линиями изображался эскиз великолепной церкви, с игольчатым, возвышающимся в небо шпилем. Кроме него, в папке находился чертеж опорной балки и затейливого портала. Вверху справа стояла печать с двуглавым орлом, увенчанного двумя коронами — герба Российской империи.

Тут Иоганна осенило, кто пред ним — Доменико Трезини, один из главных архитекторов города.

Трезини называл себя «полковником фортификации». Год назад ему поручили срыть земляные валы, окружавшие крепость на Заячьем острове, и построить каменную стену. Одновременно с этим, он работал над планами крепостных зданий и строительством кафедрального собора, чья деревянная конструкция вскоре уступит место капитальному строению. Почти две тысячи стивидоров, ответственных за погрузку строительных материалов на грузовые суда, находились под его командованием. Каждый строитель города, каждый ремесленник делал все, чтобы получить приглашение на работу у Трезини. Михаэль побледнел, но не позволил выйти из себя. Вместе с Зундом он склонился над чертежами. Трезини, скрестив на груди руки, смотрел. Иоганн осознал, что его дядя, как и заказчик, чувствовали себя будто на испытаниях.

— Нам нужна конструкция для лесов, которые во время строительства будут

поддерживать эту стойку, — сказал архитектор Зунд и постучал по тонкой схеме.

Иоганн вытянул шею, чтобы лучше рассмотреть, но строгий взгляд одного из мужчин из свиты Трезини, заставил его застыть.

Не время сердить дядю.

Михаэль наморщил лоб.

— Необходимы помостки, которые позволят поднимать камни на стену.

Тезини сдержанно усмехнулся. Дядя Михаэль рассмотрел чертеж, покрутил него немного и покачал, наконец, головой.

— В принципе конструкция правильная. Но если Вы здесь поставите поперечные распорки, то оторвете первый канат, который идет с этой стороны, и балка вылетит, — он прищурил глаза и долго разглядывал лист. Помощники не смели дохнуть. — Я верю тому, что вижу, — медленно продолжил он, — в чертеж закралась ошибка. Этот угол здесь не сойдется.

Иоганн увидел, как у Трезини брови поползли вверх.

Михаэль взял второй лист бумаги, что-то тщательно подсчитал, схватил циркуль и линейку, и изобразил, наконец, свое собственное предложение. Архитектор склонился над листом, долго его разглядывал, блуждая взглядом между двумя эскизами. Затем его лицо просияло.

— Наблюдательно, — произнес Зунд спокойно. — Мастер Брем построит Вам каркас, который не позволит просесть тяжелым камням.

В этот момент Иоганн понял, что стал свидетелем некой игры: Трезини дал Михаэлю чертежи с ложными расчетами, чтобы проверить, насколько хорошо тот разбирался в своем ремесле.

— Начинаете завтра, — пояснил Трезини. — Давайте все обсудим.

Быстро промчавшись по мастерской, они покинули ее и направились к дому, где Марфа уже расставляла на столе разносолы, вытасченные из проветриваемого чулана. Иоганн с помощниками облегченно вздохнули. Неожиданно рядом с ним шевельнулась, прислоненная к столу, доска. С оханьем вылез Иван. С его бороды, которую он ласково поглаживал, как своевременно спрятанного от душегуба ребенка, свисали опилки. Он бросил на Иоганна хмурый взгляд, уселся у верстака и принялся за работу, как будто ничего не произошло.

***

Поздно вечером с болевшими руками и урчащим желудком Иоганн вошел в дом и увидел своего дядю и Карстена Зунда, сидевших за столом. Высокие гости уже удалились, а они оба все еще штудировали гору строительных чертежей и планов. Михаэль без устали делал заметки. Справа от него сидела Марфа и разглядывала эскиз. Разлитое на краю стола вино указывало на то, что они уже давно ломают головы над планом. Иоганн взял кусок хлеба и подошел к огню, на котором кипела каша. Деревянной ложкой зачерпнул себе немного в миску и уселся на лавку, служившую ему сиденьем, когда он вырезал части для своих моделей кораблей.

— А, Иоганн! — крикнул Зунд, который из-за кипы бумаг только сейчас заметил его присутствие. — С завтрашнего дня будет еще больше работы! — он засиял так, будто Иоганн

подскочил от радости, и вновь склонился над планом. Толстое лицо архитектора выглядело сконцентрированным и немного озабоченным.

— Я не стану утверждать, Михаэль, — начал он, — но считаю, что большого наводнения достаточно, чтобы просто смыть город. Ты глянь на каналы! Они недостаточно глубокие, чтобы сдержатъ половодье. Так вчера сказал один из подкопщиков.

Иоганну стало любопытно. Он поднялся и незаметно приблизился к столу.

— Этот план царь Петр начертил? — поинтересовалась Марфа.

Зунд рассмеялся.

— Конечно! Можно подумать, ему больше нечего со шведами делать, как рисовать планы лично. Даже на полях сражений он разрабатывал эскизы строительства. Посмотрите! Дворцовая набережная — здесь будет жить аристократия, — своим толстым пальцем он ткнул в заштрихованную область на левом берегу Невы. — А здесь, на всем Васильевском острове, не будет деревьев. Тут им не место.

— Понадобится тысячи людей, чтобы заселить остров, — сказал Иоганн.

— Вот это, в действительности, не сложно, — заявила Марфа в своей рассудительной манере. — Достаточно его приказа, как солдаты, дворяне и обыватели тронутся в путь, хотят они того или нет. Царь приказывает, они повинуются. И камни для своих домов они должны будут, по всей видимости, привезти с собой.

Михаэль кивнул.

— Говорят, что он придумал обязать всех состоятельных горожан здесь в Петербурге построить второй дом. Кто владеет больше, чем пятью сотнями мужиков, должен строить даже двухэтажный. На каждый выделяется надел, — добавил Зунд и улыбнулся. — Им придется обосноваться на левом берегу Невы. Дома велено возводить в английском стиле. Думается, когда царь перестроит свою страну, в России больше не останется ничего русского. Церкви, как в Риме, каналы, как в Амстердаме, — он засмеялся. — Но по мне это хорошо. Я буду чувствовать себя здесь, как дома.

Иоганн рассматривал эскизы, маленькие квадраты и прямоугольники, предназначенные для земельных наделов. Здесь Петр планировал построить дома для тех, кому хотел приказать переехать из Москвы в Петербург, чтобы расположить их, как шахматные фигуры, на им же самим придуманной шахматной доске. Но шахматную доску нарисованная карта города не напоминала, особенно если смотреть на схему большого Васильевского острова. Совершенно прямые, параллельные улицы тянулись через весь остров. С северной стороны запланирован огромный сад. По прообразу Амстердама он должен стать великолепным городом на воде с сетью каналов, которые прокладывали в земле голландские строители и водопроводчики.

— Как дела на острове? — поинтересовался Михаэль.

Зунд пожал плечами.

— В принципе, хорошо, — вздохнул он. — Но князь Меншиков недоволен генеральным архитектором Жан-Батист Леблоном. Каждый день между ними происходят интриги и склоки... Я полагаюсь на твой язык, Михаэль. Если б Меншиков не был лучшим другом царя, я бы с чистой совестью столкнул его в один из каналов. Он всегда все знает лучше строителей. Но об этих двух не нам беспокоиться. Сделай каркас для Трезини, а там посмотрим, — он заговорщицки наклонился вперед. — Для тебя хорошо, получить этот заказ. Дурная слава здесь приходит быстро!

Лоб Михаэля пересекли гневные морщины.

— О чем ты говоришь? — рявкнул он. — Не за кем из нас не тянется дурная слава.

— Он имеет в виду слухи о покойнице, — вмешался Иоганн.

Карстен Зунд удивленно посмотрел на него.

— Так оно и есть, — подтвердил он. — Это правда, что она умерла в вашей мастерской?

Говорят, она была уродкой?

— Чушь! — рассвирепел Михаэль. — Кто это говорит?

— Только слухи, Михаэль. Среди грузчиков гуляют рассказы, что у умершей девушки вместо рук были плавники. Один даже захотел увидеть, как она побежит обратно к Неве, из которой вышла.

— Суеверная болтовня, — бросила Марфа.

— Я думаю, она была аристократкой, — тихо промолвил Иоганн.

Три пары ошеломленных глаз уставились на него.

Марфа резко тряхнула головой и перекрестилась.

— Не вмешивайся, Иоганн, слышишь? — прошипела она. — Дерезев сказал, что она крестьянская девушка. Оставь это.

— Почему? — возразил Иоганн. — Вас никогда не интересовала правда?

— Делать надо то, что приказал Дерезев, — нетерпящим возражения тоном ответил Михаэль.

Карстен Зунд смотрел на Иоганна с возрастающим интересом.

— А он не глуп, твой племянник, — обратился он к Михаэлю, затем растянул в улыбке жирные губы и сделал еще глоток. — Крестьяне твердо придерживаются версии рабочих верфи. На кладбище они совершили русалий обряд, зажгли свечи и провели поминальное богослужение. Это должно удержать русалку от причинения несчастья на земле. Тем не менее, будьте осторожны. Кто-то пытается натравить их на иностранцев. Также ходят слухи об убийстве.

***

Новый заказ так сильно нагрузил мастерскую Михаэля, что он получил разрешение взять в помощь нескольких крепостных. Один из подмастерьев раздавал им указания, как тащить древесину, и учил удерживать стволы сосен, пока помощник не нарубит их тесаком на грубые квадратные балки. Иоганн разглядывал крестьян. Одетые в штаны и балахоны, они стояли с хмурыми лицами. Их чулки состояли из полос ткани и других тряпок, примотанных до колена веревками или берестой. Царь Петр не вводил запрет на ношение бороды простыми мужиками, поэтому лохматые космы свисали им на грудь. Однако волосы они стригли в кружок, и как большинство крестьян, несмотря на лето, носили меховую шапку. Хотя они работали молча и выглядели недружелюбными, Иоганн видел, как они радовались, что не нужно больше без инструмента и тачек голыми руками наполнять землей мешки из грубого материала для засыпки болотистого берега. Они хотели домой в свои деревенские хибары, а здесь им приходилось жить во влажных, грязных чуланах, пить плохую воду и довольствоваться минимумом инструментов. Многих надсмотрщик погонял кнутом, чтобы они руками сгребали в армяки необходимую для перевозки землю. Иоганн видел, как крестьянки использовали даже подола юбок. Ну, по крайней мере, в мастерской Михаэля

рабочая смена для крепостных проходила в лучших условиях.

Через пару дней Иоганну бросилось в глаза, что он часто видит юродивого Митю поблизости от мастерской.

Вроде бы ничего такого он и не делал, только таращил глаза и, качаясь, распевал солдатские песни, но Иоганн точно знал, что дурачок за ним наблюдает. Марфа, увидев юродивого, бросила ему хлеб и ласково с ним заговорила. Один из помощников даже позволил ему себя перекрестить, и этот поступок вновь вызвал у Иоганна недоумение. В присутствии сумасшедшего ему было не по себе. Не раз он вставал по ночам и смотрел на улицу, где ожидал увидеть фигуру. Но даже без Митино присутствия ночи Иоганну казались очень короткими. Образ мертвой девушки по-прежнему занимал его мысли.

Как наваждение, его мучил вопрос, кем она была на самом деле, и куда исчезла. Но небольшая разведка в крепости, где работали чеканщики монет и другие ремесленники, мастеровившие Михаэлю ящик для разменных денег, результатов не принесла.

Как-то утром Иоганн вышел из мастерской и чуть не споткнулся о Митю, который, как сторожевой пес, притаился за дверью. Дурачок закричал и вскочил.

— Ты ее украл! — заревел он и ткнул указательным пальцем в воздухе около глаза Иоганна. — Вырвал из рук Господа!

Потом он зарыдал. Слезы покатались по его грязному лицу.

— Ты ее тащил для наслаждения, и ее утопили, как кошку.

Некоторые работники оглядывались, пронзая Иоганна злыми взглядами. Его считали способным на дурной поступок. Слова дурачка могли нести для него угрозу. Хоть его нутро и сопротивлялось неприязненной усмешке сумасшедшего, тем не менее, он попробовал произвести на него дружелюбное впечатление.

— Оставь меня в покое, Митя, — произнес он примирительно. — Никого я у тебя не украл.

Митя провел грязным рукавом по лицу, размазывая слюни и слезы по щекам. На них остался странный узор из темных и светлых разводов, что придавало ему более безумное и отчужденное выражение. Глаза юродивого горели от ненависти и отчаяния.

— Так много кошек! — визжал он. — Ты всех их пожрал! И паршивые шкуры растянул над божественной золотой чашей.

Его голос резко повысился. Затем он, внезапно, развернулся и помчался через площадь. В середине пути он остановился, заскользил и почти потерял равновесие.

— Я вычислил вас! — крикнул он угрожающе. — Каждый час! Я математик!

Когда ему никто не ответил, он убежал. Лица работников повернулись к Иоганну. Секунду он изучал их глаза, как открытую книгу. В зеркале ненавидящих взглядов он увидел себя — незваного гостя и еретика, посланника дьявола, виноватого в том, что царь отвернулся от старой Руси, пожелав на спинах своих крепостных строить новую империю. Иностранцы, немцы, эксплуататоры и посланники дьявола. В этот момент Иоганн осознал, что указ царя Петра, его нововведения и большие планы образовали тонкую корочку на древнем, кипящем вулкане. Наверху этого слоя находились подданные царя, гладко выбритые и одетые по французской, немецкой или венгерской моде. А глубоко внизу, в кипящем котле, собрались простые крестьяне. Можно переодеть народ, как волка в сказке. Но он все равно оставался волком — и при первой возможности, этот волк сожрал бы немцев, как Иоганна, с наслаждением и жестокостью.

Один крестьянин осмелился презрительно усмехнуться и сплюнул. Другие отвели

взгляд и перекрестились. Иоганн расправил плечи и, несмотря на подгибающиеся колени, заставил себя продолжить путь.

***

— Что он мог иметь в виду? Что я для наслаждения утащил девушку? — Иоганн уныло перемешивал щи.

Марфа, сидевшая напротив него, пыталась залатать кожаную перчатку мужа, которую он использовал при работе, чтобы не поранить руки.

— Он слышал слухи, вот и все, — ответила она. — Не придавай этому никакого значения, он такое про любого может сказать. Никто не станет возражать против заявления Дерезева.

— В заявлении ложь, — произнес тихо Иоганн. — И мы оба это знаем.

Она вздохнула и облизала толстую нитку.

— Может да, а может, нет. Забудь, наконец, эти небылицы. Они нас не касаются. Думай о чем-то другом. По-моему, думай лучше о Кристине.

Иоганн непроизвольно заливался краской, когда слышал имя купеческой дочки. Он чувствовал себя неловко оттого, что Марфа о ней знала. В Немецкой слободе Москвы не представлялось возможным что-либо скрыть.

— Она тебе уже написала?

Он удрученно покачал головой. Известий от Кристины не поступало. У него лишь сохранился набросок, сделанный ее сестрой — тонкое лицо с чуть изогнутыми бровями и длинными золотисто-каштановыми волосами, заплетенными и собранными в пучок. Но больше всего Иоганн ценил улыбку Кристины, ее немного рассеянный, мечтательный взгляд и глубокую синеву глаз. Если по ночам не спалось, Иоганн представлял себе, как он однажды возвращается в Москву в качестве корабельного плотника. И в кармане он тогда бы имел нечто большее, чем воспоминания и бумажная картинка.

— Может отец запрещает ей писать, — сказала Марфа и откусила нитку. — Когда мы еще жили в Москве, он подобрал для нее парочку женихов.

Его совершенно не обрадовало направление, которое постепенно принимал разговор, тем более в дверях показался Иван и пошаркал к столу. Иоганн не знал, как долго крепостной подслушивал за дверью. Кряхтя, он опустился на лавку и взял кувшин с водой.

— Ну, Ваня? — обратилась к нему Марфа. — Хлеб там, сзади. Бери себе кусок.

Иван кивнул и что-то пробурчал себе в бороду

Затем он вытащил принадлежности для резьбы и занялся деревянным бочонком для меда, который начал позавчера. Марфа закончила свою работу, бросила на Иоганна многозначительный взгляд и ушла в мастерскую. Иоганн и Иван вновь остались одни за столом. Иоганн молча хлебал свой остывший суп. Хоть он и валился с ног от усталости, но, если бы его позвали, он тотчас же вернулся бы в мастерскую, измерять и выпиливать углы для каркаса. Углы — скучная работа, но делать ее, тем не менее, нужно. Дядя только ему доверял устанавливать правильные углы.

— Митя опять возле дома, — проворчал Иван. — Сторонись его.

Иоганн в удивлении поднял глаза. Насколько он мог вспомнить, впервые слова Ивана

адресовались лично ему.

— Я попробую, — ответил он. — Не то, чтобы я ищу его общество, он сам мое ищет.

Иван чуть кивнул.

— Дурак видит все, — произнес он тихо. — Ему не дает покоя, что она у тебя из головы не выходит.

«Кристина?», — инстинктивно подумал Иоганн.

— Покойница, — продолжил Иван, будто эти мысли Иоганн произнес вслух. — Она все еще здесь, потому что ты ее не отпускаешь.

Он поспешно перекрестился в православной манере, вытащил крохотный деревянный крестик, висевший на цепочке на шее, и поцеловал его. Иоганн отложил ложку и отодвинул от себя полупустую тарелку. Он вдруг лишился аппетита. Казалось, будто старик приманивал в дом волка.

— Послушай, Иван, — грубо произнес он. — Я никого не держу, как уверяют три дурака. Оставь меня в покое, хорошо?

С этими словами он поднялся и пошел обратно в мастерскую.

Глава 2

МОНСТРЫ ДОКТОРА РОЗЕНТРОСТА

Поздно ночью, когда он вновь лежал без сна, Иоганна осенило, что Иван оказался прав. Он удерживал покойницу, так как не знал, что с ней произошло.

Почему ее исчезновение Дерезев замаскировал лживой историей? Иоганн сел и потер глаза. Вероятно, уже далеко за полночь. Он почувствовал, что задыхается. Ему нужно выйти — на воздух! Не соблюдая особо тишину, взял кожаную жилетку и направился к двери. На улице он сделал глубокий вдох и выдох. Мити видно не было.

Охватившее дома беспокойство погнало его мимо мастерской в северо-восточном направлении, к берегу Невы. Белые ночи достигли своего пика, и его окутал рассеянный свет летнего вечера. Принимая во внимание, окружавшую его тишину, свет казался таинственным. Он прошел мимо барачных для крепостных, думая, что различает глубокое дыхание спящих.

Справа, на дороге к большому болоту ему на глаза попала сторбленная фигура, которая, мучаясь, вбивала деревянные колышки в топкую почву. Санкт-Петербург — это город, который не спал. Здесь работали сменами. На первую смену приходилось около восьми тысяч человек, на вторую — приблизительно три тысячи. Естественно, их количество постоянно менялось не только из-за смертей, но и потому, что многие работники попросту сбежали. Иоганн не мог ни пожалеть жалкую фигуру. Сюда на тяжелую работу постоянно стекались люди из всех концов Российской Империи — мужчины и женщины, в основном крестьяне, порой солдаты и каторжники, уже измученные дальней дорогой и находившиеся на грани своих сил. Иоганн поймал себя на мысли, что от рабочих он отводил взгляд. Еще одна — две мили вдоль берега Невы и бараки со стройками остались у него за спиной.

Бегать в одиночку по ночам совсем небезопасно, но он любил не только спокойствие и время, принадлежавшее лишь ему, но и приближение опасности, которую он осознавал каждой клеточкой своего тела. Когда утихали зимние бури, он порой сбежал по ночам с работы, и крал немного времени от своих ночных прогулок к воде, чтобы, в основном, спокойно подумать о Кристине. Сегодня ноги повели его сначала на край поселения, а затем дальше к блестящей ленте Невы, тянувшейся в своем русле, как ленивая красавица, и рукавами обвивавшей остров. На другом берегу возвышалась тень русского корвета. Он был легче тяжелых линейных кораблей, которые несли на себе до ста двадцати пушек. Но этот корвет, однако, лежал глубоко в воде. Иоганн зачарованно рассматривал вполуполовину уменьшенный прямой парус. Корабль выглядел уснувшим, но вахтенные на судне, вероятно, давно уже высмотрели его одинокую тоскливую фигуру. Он подошел так близко к реке, что почти намочил ноги, а затем свернул на восток в направлении руин Шведской крепости. Тонкая дымка колыхалась над поверхностью воды и собиралась в камышах на берегу. Искалеченный кустарник, казалось, смотрел в завешенное туманом зеркало водной глади. Где-то далеко, примерно в четверти мили, как прикинул Иоганн, стояло дерево, выглядевшее, искаженным в кривом зеркале, дубом. Иоганн удивился, что он до сих пор стоит невредимый на берегу, и его не порубили на бревна. Кто-то сделал на стволе зарубку. В ней закрепили образ Божьей матери. Ее золотой нимб сиял в призрачном свете. Этой маленькой иконой, вероятно, и объяснялась целостность дерева. Иоганн отошел от берега,

чтобы осмотреть священный дуб с другой стороны.

Ствол вырос идеально прямым, он прекрасно подошел бы для мачты. В мыслях Иоганн начал строить свой собственный корабль — изготовленную в голландском стиле, обтекаемую яхту, которая разрезает волны, как коса траву. На таком одномачтовом каботажном судне он бы мог отправиться в Данию или даже гораздо дальше, чем ему грезилось, возможно, через Тирренское море на Корсику или через Адриатическое море до побережья Османской империи.

Прямо перед ним взмыла ввысь перепуганная птица, улетевшая пронзительным визгом. Иоганн подскочил и улыбнулся. Скорей бы уж день изгнал размытый свет ночи. На фоне блестящей реки и тумана дерево с иконой возвышалось, как корявое чудовище. В его кроне что-то зашевелилось, и ветки закачались. Может, еще одна птица, нашедшая себе приют среди ветвей. Затем с другой стороны раздался плеск. Иоганн обернулся. «Водяная крыса» — подумал он и склонился к ветвям, чтобы заглянуть в воду.

Движение под поверхностным слоем воды заставило его вздрогнуть. Покрытое чешуей, скользкое тело мгновенно разрезало водную гладь и вновь исчезло в темноте. Какая огромная рыба! Потом он увидел что-то светлое, плывшее по течению. Полный дурных предчувствий он распознал бледное лицо, двигавшееся под водой, открытые глаза, бескровный рот. Черные волосы, как водоросли, облепили белые плечи. Под водой плавал труп! Его руки выглядели бледными ветками с распустившимися на концах цветами из пяти лепестков. Одна рука покоилась так близко от поверхности воды, что казалось, она хотела схватить Иоганна. Он узнал эту руку. Белая, как все ее тело, с круглыми и прозрачными, в виде тонких ракушек, ноготками. Как поток ледяной воды, выводящий из опьянения, его внезапно озарила мысль. Он быстро прикинул, сколько прошло времени с тех пор, как покойница лежала в мастерской. Немыслимо! Она должна выглядеть раздутой и обезображенной. Однако в воде покойница производила впечатление не изменившейся, казалось, она уставилась на него черными глазами. Когда ее тело зашевелилось, Иоганн закричал и отскочил. Чем глубже опускалось лицо, тем нереальнее оно становилось. В следующее мгновение Иоганн почувствовал себя нелепо. Разум одержал верх. Кто-то перетащил труп, возможно, с содроганием подумал он, чешуйчатое чудовище. Убийца преднамеренно утопил покойницу в Неве, чтобы ее сожрали рыбы? Но что за глупый убийца, который спрятал тело так близко от берега? Преодолев отвращение, Иоганн вновь склонился к воде. Он не мог смотреть, как угорь или кто-то там еще лакомился трупом. Нет, он испортит пирушку этим чудовищам. Хотя ему от страха и неприятных ощущений сдавило горло, он, держась за ветку, свесился к воде и потянулся к белой руке.

В следующий момент раздался треск. Ему в лицо брызнула вода, что-то на него свалилось и так резко дернуло назад, что воротник сдавил горло. Теперь стало больно. Прежде чем жадно схватить ртом воздух, он получил еще один удар в плечо, который заставил его, шатаясь, отступить от берега.

— Убирайся! — прошипел ему кто-то, по ребрам последовал третий удар. Иоганн от удивления снес его, не сопротивляясь.

Затем ему стало ясно, что на него напали. Нападавший, скорее всего, сидел на дереве прямо над ним. Иоганн сжал руку в кулак и ударил. С глухим звуком злоумышленник свалился на землю, но снова собрался с силами.

— Что тебе надо? — выкрикнул Иоганн.

— От немецкого ублюдка, как ты? Только, чтобы ты исчез, — заорал на него

незнакомец.

Иоганн, наконец-то, рассмотрел узкое лицо с горящими темными глазами. Лохматые черные волосы обрамляли лоб. Парень казался не старше Иоганна, но, как и большинство других русских, ненавидел иностранцев.

— Ты не прикажешь мне, когда я должен исчезнуть, — прошипел Иоганн.

— Я могу тебе еще двинуть, — заявил незнакомец с удивительным бесстрашием.

Иоганн не смог удержаться от издевательской ухмылки.

— Не связывайся со мной, ты, воробей!

Он сделал шаг к берегу, но русский прыгнул за ним и преградил ему дорогу. Со сжатыми кулаками и горящими глазами он смотрелся, как оскаливший зубы дворовый пес.

— Прочь с дороги! — пригрозил Иоганн.

— Убери меня с дороги, если сможешь, немецкая морда! — прошипел парень.

Ну, это уж слишком!

— Грязный русский! — огрызнулся Иоганн и бросился на него.

Парень, как кошка, увернулся от него. В следующий момент они уже катались по каменистой почве. Где-то позади Иоганна послышался плеск, но когда он бросил взгляд на берег, то ничего не увидел. Секунда невнимательности и он чуть не лишился зуба.

Когда костлявый кулак ударил его в рот, он заорал от ярости и отбросил парня от себя. И увидел, как его противник с тяжелым хрипом резко упал, но в следующий момент, качаясь, опять поднялся на ноги. Это выглядело битвой волка против рыси. Иоганн был намного сильнее, и наносил жестокие удары, но русский оказался изворотливее. Его удары сыпались на Иоганна так быстро и неожиданно, что он прилагал все усилия, оставить за собой преимущество. Один раз он споткнулся и упал. В следующее мгновение парень оказался над ним. В лицо ударил кулак. Инстинктивно Иоганн подтянул колени к груди и пнул в полную силу. С чувством удовлетворения он увидел, как противник подлетел в воздух и жестко рухнул на землю.

Кровь текла из рваной раны на его голове, жалкая куртка, которую он нацепил, распахнулась. Под ней обнаружили рваная рубаха и повязка из полос ткани. Русский застонал и так скорчился от боли, что его колени почти коснулись подбородка. На мгновение Иоганн остановился в нерешительности, не зная, то ли ему убегать, то ли подойти к своему противнику. Наконец, он глубоко вздохнул и подошел поближе. Колени и плечи болели так, будто кто-то лупил по ним дубовой доской.

— Что? — грубо спросил он. — Слишком сильно тебе двинул?

Парню все еще не хватало воздуха, лицо его покраснело, но он дерзко качнул головой.

— Сломанные ребра, — прошептал он.

Иоганн понял, что повязка поддерживала ребра в нужном положении, по крайней мере, до драки. Это гораздо больнее, чем удар дубовой доской. Гнев и воинственность в нем мгновенно испарились. Он растерянно уставился на парня, который все еще ловил ртом воздух.

— Ты, наверное, часто дерешься? — спросил он. — Дай, посмотрю.

Парень изрыгнул проклятие, которое Иоганн не понял, и зашипел на него:

— Убери свои пальцы или я их сломаю.

Иоганн обеспокоенно рассмотрел рот парня, искривившийся от боли, но с облегчением констатировал, что кровь больше не хлещет из разбитых губ и носа. По крайней мере, ребра от удара не пропоролы ему легкие.

— Что тебе от меня нужно? — спросил Иоганн. — Ты на меня напал, ни слова не сказал, откуда я мог знать, что ты ранен. Думаешь, я буду драться с раненым?

Парень промолчал, бросив на него полный ненависти взгляд.

— Ах, да, я же один из этих иностранцев-еретиков, — произнес с горечью Иоганн. — И от них, по-видимому, можно ждать только плохого?

— А вы от нас не ждете? — возразил парень, с трудом поднимаясь на ноги.

Припадении он казался гораздо выше, но теперь Иоганн увидел, что тот не достает ему даже до плеча. Внезапно его замучила совесть, что он ввязался в драку. Когда он опустил взгляд, то увидел, что его рубашка тоже разорвана и вымазана в грязи.

— Итак, что ты от меня хочешь? — он вновь обернулся к чужаку. — Или ты только хотел мне помешать, увидеть мертвую девушку в воде...

— Я об этом ничего не знаю, — слишком уж быстро произнес парень.

Иоганн насторожился. Как собака, учуявшая след, он совершенно четко представил каждую деталь, и с максимальной остротой понял все шорохи и движения. Парень что-то знал! Пока тот говорил, Иоганна осенило подозрение. Он недоверчиво оглядел жалкую фигуру.

— Ты знаешь, кто убийца или...? Это ты? Или отвой отец? Твой брат?

К его удивлению парень рассмеялся и презрительно сплюнул.

— Это не покойница, — повторил он, в этот раз его голос прозвучал искренне. — Я сидел на дереве над тобой, это было мое лицо, ты его видел в воде.

— Не ври, в воде лежала девушка с длинными волосами! У нее были белые руки, а не грязные лапы, как у тебя!

Парнишка пожал плечами.

— Ну и ищи ее, — ответил он небрежно и указал на дуб.

Иоганн нерешительно подошел поближе. Вода чистая, это он смог разглядеть и отсюда. Должно быть, труп утащили рыбы или течением унесло в глубину.

— Послушай, — произнес он. — Я могу быть немецким ублюдком, но мне поверят больше, чем тебе, если я расскажу, что увидел в воде. Итак, говори мне правду! Кто эта девушка?

Парнишка сделал шаг назад и, ухмыляясь, скрестил руки.

— Призрак или сон, что еще? Иди домой и расскажи, что ты видел привидение, крестьяне тебе поверят. А царь, в лучшем случае, пройдетя по тебе пару раз батоном, чтобы ты узнал, что он думает о суевериях.

После этих слов Иоганн подскочил к нему и схватил за воротник. На сей раз парень не сопротивлялся.

— Нечего меня дурачить! — зашипел Иоганн. — Царь бы меня выслушал. Но самое главное, что некий полковник Дерезев крайне заинтересован местом нахождения трупа.

Внезапно в лице парнишки промелькнул страх. Он стремительно высвободился и отскочил. Иоганн почувствовал, что неприязнь холодным туманом окружает его, лишая воздуха.

— Чтобы ты не увидел в воде, — наконец тихо произнес парень, — Если тебе дорога жизнь, молчи об этом.

— Кто угрожает мне, ты? — засмеялся Иоганн. — Как насчет того, чтобы просто мне сказать правду? Кто покойница?

Темные глаза, казалось, обжигали.

— А сам ты то, как думаешь? — спросил незнакомец без следов иронии.

Иоганн посерьезнел. Все ситуация казалась ему безумной, как сон, и столь же нереальной.

— Это покойница из Невы, которую, якобы, зовут Наташа Негловна Торашкина. Она лежала в нашей мастерской...

Он замолк на полуслове. След стал отчетливее, получил цвет и форму, и обрел фигуру таинственного гостя. Он снова инстинктивно почувствовал присутствие незнакомца, который набросил ему на голову саван, а затем исчез через узкую щель. С открытым ртом он уставился на парня.

— Ты был в мастерской, — констатировал Иоганн.

Парнишка молчал.

— Вы хотели, чтобы труп исчез. Почему?

Язвительная усмешка скользнула по лицу парня. Он старался счистить грязь с рукавов, что выглядело зряшной затеей.

— Перестань искать покойницу.

— Я тебе не верю, — ответил Иоганн. — Ни одному слову. Кто ты?

— Иди домой, — тихо произнес незнакомец. — И рассказывай, что хочешь.

— Я так и сделаю. И они мне поверят.

— Ты сильно ошибаешься, — произнес насмешливо русский и указал на что-то за спиной Иоганна. — Они поверят Мите.

Иоганн обернулся. Примерно в пятидесяти футах от него стоял юродивый и пристально глядел. А когда увидел, что Иоганн за ним наблюдает, то издал испуганный звук и сбежал.

— Митя с удовольствием расскажет, что ты был тем, кто снова выбросил труп в Неву.

Иоганн чертыхнулся. Он вдруг оказался замешанным в опасное дело. Больше неизвестности его раздражало бессилие, которое вдруг ощутил.

— Так что послушай моего совета, — мрачно заключил парень. — Возвращайся домой, и забудь о своей прогулке сюда. А лучше всего, меня тоже забудь.

Он повернулся и пошел прочь вдоль Невы. Иоганн его не останавливал. Как только парнишка скрылся за поворотом, Иоганн на подгибающихся ногах вернулся к дубу и всмотрелся в глубину. Но из воды на него смотрело лишь зеркальное отражение его собственного лица.

* * *

Он пришел в ужас, увидев, что в чулане его поджидала Марфа. Хотя утро еще не наступило, она была одета и грела руки о кружку с похлебкой. Иван спал на лавке, рядом из каморки доносилось тяжелое дыхание дяди Михаэля. Иоганн остановился в дверях и опустил голову. Он почти ощутил, как взгляд Марфы скользил по его разорванной рубахе.

— Сядь, Иоганн, — произнесла она тихо. Неодобрение в ее голосе резало, как ножом.

Марфа поднялась и направилась в спальню. Когда она вернулась, то в руках держала старую рубаху дяди Михаэля, которую бросила Иоганну.

— Переоденься, чтобы Михаэль не застукал, что ты бродишь по ночам. Мы больше не живем в Москве в Немецкой слободе!

Она сделала ударение на русском названии немецкого предместья, будто хотела напомнить, что теперь он несвободен.

— Я ходил только к Неве, — оправдывался он.

— Мне без разницы, где ты был, — поставила она его на место. — Я не хочу увидеть, как тебя принесут в мастерскую зарезанного или забитого ногами. Я не хочу, чтобы у тебя были неприятности. Ты не слышишь, о чем шепчутся крестьяне и слуги? Ты хочешь, чтобы тебя заподозрили в убийстве? Не забывай, что мы порядочные люди.

— Я ничего не сделал, — огрызнулся он. — Ты меня знаешь!

— Именно, — заметила она сухо. — Ты — добродушный пес, а там снаружи — волки.

«Как же она права», — с горечью подумал Иоганн. На одну секунду он поддался искушению рассказать ей, что видел, но намерение исчезло быстрее, чем он решился. Не нужно ей всего знать.

— Марфа, — произнес он серьезно. — Я понимаю, что ты беспокоишься. Но я не позволю мне диктовать, куда можно ходить, а куда нет.

После этих слов Иоганн глубоко вздохнул. Он еще никогда ей не перечил и почти не сомневался, что получит за эту наглость пощечину. Но она лишь смотрела на него, плотно сжав губы. Это его удивило.

— Как знаешь, — ответила Марфа. — Избили тебя, а не меня.

Ее голос понизился, когда она перегнулась к нему через стол.

— Но подумай немного о своем дяде. В его жизни уже было достаточно потерь.

Я не хочу, чтобы на него навлекли беду.

На этих словах ее голос приобрел мягкий звук, которого он еще никогда не слышал. Когда он глянул ей в лицо, то впервые понял, что суровая Марфа любит своего ворчливого старого мужа. Это открытие касалось и его. Иоганн смутился, будто открыл чей-то секрет, не предназначавшийся для его глаз. Он быстро отвернулся, и натянул рубаху из грубого полотна, ставшую узкой его дяде. Он чувствовал себя чужим.

— Сейчас Михаэль спит, — продолжила Марфа. — Но по ночам его мучают кошмары. Не нужно, чтобы он еще и твою кровь во сне видел.

* * *

Весь следующий день Митя не показывался, но Иоганн все же нервничал. До сих пор ему удавалось скрывать свое беспокойство и переутомление, но дяде бросилось в глаза, как не собранно он работает. Дважды он чуть не ударил себя по пальцам, и даже Иван, никогда не лишавшийся спокойствия, неоднократно смотрел на него с удивлением.

— У тебя пляска святого Витта? — напустился на него дядя Михаэль, когда он в третий раз криво забил гвоздь.

Иоганн украдкой наблюдал за могучим стариком, очень походившим на его отца, но отличавшимся по характеру. Впервые ему бросились в глаза глубокие морщины беспокойства на лбу Михаэля, и зачерствевшие уголки рта, которые поднимались лишь, когда он изредка смеялся. И даже Иоганн не ощущал большого желания веселиться. Бремя неопределенности, со вчерашнего дня давившее ему на плечи, доставляло массу хлопот. Он должен догадаться, кем являлся тот парень. Несомненно, он связан с Митей, который уже

несколько дней следил за мастерской. Больше, чем когда-либо, Иоганн чувствовал, как палач сжимает ему горло, готовый при малейшем движении одним рывком свернуть шею.

После обеда пришел новый воз с древесиной.

Запах смолы наслаивался на чуть солоноватый дух земли и пота. Грудь и ноги лошадей облепила тина, и они фыркали от усталости. Недовольный Иоганн узнал, что обоз сопровождал один из драгунов ДЕРЕЖЕВА. Он носил не шлем, как гренадеры, а треуголку, из-под которой выглядывал светлый, короткий парик, и вооружен был саблей и винтовкой. Подбородок гладко выбрит, однако, он носил усы, точь в точь, как у ДЕРЕЖЕВА. Иоганн побежал вместе со всеми, помогать разгружать древесину. Все это время его не покидало чувство, что драгун за ним наблюдал.

— Осторожнее! — рывкнул Михаэль на своего помощника.

С треском лопнул ремень, пачка бревен пришла в движение, и перекосилась на бок. Один конь шарахнулся и дернул сбрую. Ее край больно царапнул Иоганна по предплечью, и груз вывалился у него из рук. Плечо пронзила резкая боль. Но ему удалось удержать равновесие и убрать с дороги ноги. Затем его облило грязью. Возле его ног со страшным, тупым ударом упал грубо обрубленный ствол. С трясущимися руками Иоганн отшатнулся. Осторожно попробовал пошевелить травмированной рукой, но дернулся от боли. На него уставились помощники с бледными от испуга лицами. Только на лице драгуна, заметил он, вспыхнула насмешливая улыбка.

— Иди к Марфе! — крикнул ему дядя Михаэль. — Проверь, не сломана ли рука!

Драгун ухмылялся уже в открытую. Когда злой Иоганн повернулся и зашагал к дому, то услышал шипящие слова одного из крепостных:

— Пусть лучше русский делает работу, тогда ничего не разорвется.

Возмущенный Иоганн обернулся. Его дядя замечания не услышал, а двое работников злорадно оскалились. Без сомнения драгун ДЕРЕЖЕВА тоже слышал эти слова, но не сделал никаких попыток что-то предпринять. У Иоганна по затылку прополз холодок. Вдруг это солдаты царя ПЕТРА тайком разжигали ненависть к иностранцам? Невидимая веревка палача затянулась еще туже. Вскоре Иоганн с наспех перебинтованной рукой находился на дороге к барже, весь день курсировавшей от южного берега до Заячьего острова. У него в кармане лежал список трав, необходимых Марфе, чтобы облегчить кашель и лихорадку заболевших помощников. Иоганн считал, что в каждом лице, попавшимся ему по дороге, читалась открытая неприязнь. Хотя в большинстве случаев на молодого, светловолосого плотника с перебинтованной рукой смотрели лишь с тупым любопытством. Проходя мимо южного берега, Иоганн увидел пришвартованные весельные шлюпки и большую баржу. Группа подкопщиков находилась уже на причале и ждала переправы. Мостов, по большей части, не хватало, так что Иоганн с дядей часто передвигались между островом и берегом на маленьких гребных шлюпках или транспортных баржах. Иоганна это не беспокоило, напротив, он радовался каждой минуте, которую мог провести на воде. Когда он закрывал глаза, прислушиваясь к скрипу канатов, то представлял, что стоит на палубе своей яхты. А сегодня он особенно радовался, что его отослали из мастерской. К счастью доктор РОЗЕНТРОСТ являлся другом дяди Михаэля. В настоящее время его квартира находилась в аптеке, открытой на бастионе МЕНЬШИКОВА.

Когда все заняли свои места, баржа глубоко осела в воду. Иоганн не побоялся приткнуться у самого края, где он чувствовал себя плавающим в воде. Взошедшее солнце припекало. Становилось жарко и душновато, но это все же лучше, чем предыдущие

дождливые дни. Вода в реке превратилась в сверкающий ковер из хрустально-зеленых волн, бившихся о стенки баржи. Их шум убаюкал Иоганна, и он почувствовал, что согрелся и успокоился. Глубоко дыша и наслаждаясь чувством близости воды, он отдалился от, говоривших по-голландски и громко смеявшихся, подкопщиков. С крепостных ручьем стекала вода, и они прикрывали руками иконки и деревянные кресты, носившие на шее. Но крестьяне Иоганна не интересовали. Вместо этого он, полностью погрузившись в себя, уставился в глубину Невы. Где-то в этой воде плавало тело девушки. Когда-нибудь река выбросит свою добычу на берег, и жертва воды упокоится на кладбище на краю леса. Некоторых из них не найдут никогда — Нева отнесет их в Финский залив или в Балтийское море.

Однажды Иоганн увидел в книге рисунки китобойного судна. Но кроме голландского флейта — корабля китобоев с выпуклым корпусом и высоко поднятыми бортами, его очаровали и могучие морские гиганты. Иоганн представлял себе, как утопленники проплывали под килем одного из таких кораблей, мимо огромных китов и каракатиц, навечно удивленные, навечно слепые. Казалось, одно их таких лиц смотрело на него из воды, но это лишь иллюзия солнечного света, игравшего на волнах. Иоганн потерял глаза. Сверкание не прекратилось, а глубоко в воде засветилось белое пятно с двумя темными, как глаза, пятнышками. От испуга он вцепился в кожаный мешок, который держал в руках. Боль в руке привела его обратно в чувство. Серебристое тело рыбы провело черту вдоль поверхности воды, и чешуйчатый хвост угря ударил по воде, взметнув в небо сверкающую завесу из водяных капель. Крепостные перестали молиться и замерли от страха. В следующий момент подкопщики закричали вразнобой, затопали по барже и свесились за борт. Баржа опасно накренилась.

— Назад! — приказал паромщик и выругался.

Рабочие нерешительно вернулись на свои места, но продолжали тянуть шеи и указывать на воду. Иоганн понял многое из речи голландцев, прикидывавших в шутку, на сколько людей хватило бы этого монстра, чтобы насытиться. Но вот перед лодкой, приближавшейся к порту, взмыли ввысь земляные валы Петропавловской

Собственно крепость и была Санкт-Петербургом, оплотом, названным царем Петром в честь своего покровителя, святого Петра. А теперь и новому городу присвоили его имя. Иоганн почтительно прошел сквозь, охранявшиеся солдатами, ворота крепости и предъявил договор с печатью мастерской. Его пропустили. От этих ворот дорога вела к командирскому причалу. Возле больших деревянных зданий мельтешили офицеры и солдаты, по контрасту с мастерской и лачугами на южном берегу здешние строения смотрелись дворцами. В пределах крепостных валов уже можно было представить, каким станет сооружение в ближайшее время. В некоторых местах повзрастали высокие массивные стены. Камнетесы выстукивали булыжники до нужного размера, выравнивали края, срезали бороздки в тесаных камнях. Иоганн издали разглядел в толпе яростно дебатующих строителей архитектора Трезини, но тот настолько углубился в себя, раздавая своим подчиненным инструкции, что Иоганна не заметил. В центре крепости возвышался деревянный собор. У Иоганна захватил дух от благоговения. Потом он мимо Монетного двора дошел до дебаркадера, и свернул к бастиону Меншикова, находившегося на северо-восточной стороне. Всего два года назад, в 1704 году, здесь открыли первую государственную аптеку. В настоящее время дом служил также жильем для многочисленных хирургов, которых царь Петр выделил для работников судоверфи. Русские не видели большой разницы между двумя врачами и аптекарями. Так как

большинство врачей были немцами, для многих слова «немец» и «врач» имели одинаковое значение.

Только к Томасу Розентросту, имевшему свой рабочий кабинет в отделенном от других помещении аптеки, подходили все эти три признака. Родом он из Мюльхаузена, стал полевым врачом и костоправом, учился в Лейдене и Париже, также ему присвоено звание фармацевта. Он, искусный в лечении глазной катаракты, грыжи и удалении камней из мочевого пузыря, являлся одним из лучших хирургов во всей империи. Доктор Томас Розентрост был ни кем иным, как придворным лекарем самого царя. В принципе, ему требовалось разрешение, чтобы лечить других пациентов, но эти постановления лекаря мало интересовали, он их весьма ловко обходил. Однако за лечение и медикаменты дяде Михаэлю приходилось платить.

Иоганн поздоровался с бледнолицым помощником аптекаря, прошел через помещение, заставленное горшками, тиглями и какими-то непонятными стекляшками, и через боковую дверь попал в царство Розентроста. В центре комнаты стоял полированный стол, рядом — два удивительно грубых деревянных стула. На столе, возле прибора для кровопускания, валялись вперемешку бумаги. Розентрост составлял для царя корреспонденцию за рубеж, кроме того, выписывал лекарства из Англии и Голландии, а также эфирные масла из Москвы. Иоганн подошел поближе к столу и обнаружил лист какого-то растения, который понадобится для будущего Аптекарского огорода Санкт-Петербурга. Другой перечень венчался заглавием «Природная коллекция».

Солидный книжный шкаф, занимавший всю стену, смастерил дядя Михаэль. Иоганн не смог удержаться, и взглядом плотника оценил прямые углы и гладкость поверхности. Шкаф должен был выдерживать большой вес, так как его сверху донизу заставили посудой и ящиками. Целая полка отведена под стеклянные емкости с сухими травами и лекарственными растениями. А справа, в затененной части комнаты, Иоганн к своему ужасу обнаружил огромный сосуд с покачивающимися в жидкости сдавленными, морщинистыми чудищами. Должно быть, это какие-то экземпляры из природной коллекции, которой распоряжался и каталогизировал Томас Розентрост. Иоганн только хотел подойти поближе, как в комнату вошел лекарь. Даже не вошел, а внезапно ворвался, как стихия. По дощатому полу зацокали каблуки, затем распахнулась дверь смежной комнаты. Гневная морщина на лбу Розентроста стала еще глубже, его черные брови странно контрастировали с белым, завитым париком, который врач всегда носил с величайшим достоинством. Одетый, как всегда, в пурпурно-красный сюртук, на шее — белый узкий галстук — пластрон.

— А, Бремер! — рыкнул он и усмехнулся. — Садись, садись. Что с рукой? Снимай рубаху.

— У меня нет травм, — возразил Иоганн.

— Нет? — черные брови доктора взметнулись ввысь. — Тем лучше. Иди сюда.

Иоганн послушно уселся на один из потертых стульев, и терпел, когда доктор сгибал и разгибал его руку и ощупывал мышцы. Несмотря на то, что руки врача могли распилить кости и просверлить отверстие в черепе, они были поразительно гладкие и мягкие, почти, как у женщины. Иоганну показалось странным, что они такие мягкие. Врач, будто почувствовав, что Иоганн сдерживал боль, вдруг нащупал место возле локтя и нажал на него. Иоганн застонал.

— Ага, — заметил Розентрост. — Порвана мышца. В ближайшее время ты в этой руке молоток не поднимешь.

Вероятно, Иоганн побледнел, так как Розентрост схватил резко пахнувший пузырек и сунул ему под нос.

— Все будет в порядке. Это лучше, чем раздробленные кости. Я наложу тебе пластырь. Марфе еще что-нибудь нужно?

Иоганн кивнул и протянул ему листок, который врач, нахмурившись, изучил.

— Горячка, — пробормотал он.

Широкими шагами он прошел через комнату и отыскал порошок на одной из полок. Любой другой врач имел целый штат слуг и помощников, а Розентрост, напротив, продолжал все делать сам. Иоганн рассматривал хирургические инструменты, наполовину скрытые бумагами, он узнал щипцы и крючки для ребер, кроме того увидел еще раскаленный прут для остановки кровотечения. Затем его взгляд вновь переместился на законсервированных животных. Одно из них особо привлекло его внимание. Если бы он не знал, что драконы не существуют, то поклялся бы, что один из них перед ним.

— Как дела у Михаэля? — не оборачиваясь, спросил доктор.

— Хорошо, — ответил Иоганн. — У нас много работы.

— А с недавних пор у вас, как я слышал, еще и морг для русалки?

Иоганн вздрогнул.

— Кто так говорит?

Розентрост рассмеялся.

— Суеверные крестьяне, надо думать. Но вчера сюда приходил солдат, который клялся, что видел рыбу с человеческим лицом. Или наоборот? Слухи страшнее чумы, один сказал, другой повторил, и понеслось.

— Это была утонувшая девушка, — тихо произнес Иоганн.

Врач обернулся. Его шустрые глазки весело поблескивали.

— Конечно! Разве не так? — тщательно отмерив две пузатые деревянные ложки серого порошка, он пересыпал его в коробку из букового дерева. — Если когда-нибудь утопленницу еще раз вынесет к вашему берегу, приносите ее ко мне. Затем мы разделим награду, которую заплатит царь. Договорились?

— Царь верит в русалок?

Томас Розентрост оглушительно расхохотался.

— Господи, Брем, ты, что, такой же суеверный, как русские бабы? Конечно же, нет! Но он коллекционирует уродцев. Неужто думаешь, что ты единственный, кто заметил этих выродков?

Небрежным движением головы он указал на стеклянные сосуды.

Иоганн поднялся и подошел поближе. Он чувствовал себя неловко, но старался этого не показывать. Дракон оказался маленьким животным, из тела которого росли две деформированные головы.

— Ягненок с двумя головами! — закричал Розентрост. — Из Выборга! А сзади ты видишь младенца с тремя ногами — из Тобольска. И сросшиеся близнецы у нас есть, из Уфы, по-моему.

Иоганн в ужасе попятился. Ему совершенно расхотелось разглядывать редкости царя Петра.

— Почему этих младенцев не похоронили? — прошептал он. — Они же люди!

— Кто такую диковинку утаит или похоронит, будет наказан, — ответил безжалостно Розентрост. — Царь Петр распорядился, чтобы повитухи под страхом смертной казни не

избавлялись от новорожденных уродцев, а сообщали приходским священникам. Потом их сдают коменданту. За мертвого человеческого монстра платят десять рублей, за скотину, зверя и птицу — три. За живого монстра скотины или зверя — пятнадцать рублей, за птицу — семь, и, держись крепче, за живого человеческого уroda — сто!

Иоганн разинул рот от удивления. От Михаэля он знал, что Томас Розентрост в год зарабатывал восемь сотен серебряных рублей. В соотношении с деньгами, которые приносила дядина мастерская, сто рублей являлись целым состоянием.

Розентрост ухмыльнулся обалдевшему Иоганну.

— Если у вас появится тело русалки, несите его сюда, я думаю, царь ради такого случая накинет еще пару рублей.

Иоганн закрыл рот и покачал головой.

— Ты не поверишь, чего только не придумают люди, чтобы заграбастать деньги, — продолжал Розентрост. — Вчера один солдат принес мне для консервации птицу с двумя головами. Одна была так неумело пришта, что мне очень хотелось двинуть ему этой падалью в морду.

— Как... их консервируют?

— В спирте, как эти здесь. Но как раз в эти дни я ожидаю посылку из Голландии от анатома Рюйша. Я заказал у него несколько инъекционных препаратов. Они позволяют гораздо лучше препарировать тела.

— Зачем царь позволяет препарировать этих монстров?

Розентрост пожал плечами.

— Он коллекционирует все необычное. Кроме того, весь мир должен видеть и знать, что монстры не являются творением дьявола, они лишь шальной каприз природы. Он ненавидит суеверия также как бороды старообрядцев и болтовню о колдовстве. И царь прав! Знаешь, что он сказал, когда в последний раз приходил ко мне?

Иоганн наострил уши.

— В этом году должно произойти солнечное затмение. Людей о нем нужно предупредить заранее, чтобы они не считали его чудом. Когда люди о чем-то знают, это перестает быть чудом. Кстати, русалки тоже имеют естественную природу. Видишь сзади склянку?

— Ту, продолговатую?

Доктор старательно закивал.

— Вытащи ее. Ну, не бойся, монстры не кусаются.

Иоганн проигнорировал дискомфортный зуд в руках, когда осторожно вытаскивал склянку. У него перехватило дыхание. Ему в глаза смотрел зверь с острыми клыками — это, возможно, молодая собака, чьи конечности беспомощно болтались в жидкости. Что Иоганна привело в ужас, так это сросшиеся задние лапы.

— Такое... — произнес Томас Розентрост тоном домашнего учителя, — можно отыскать также и у людей. Дети бедняков долго не живут, а сросшимися конечностями и впрямь напоминают русалку. Но ими не являются. В противном случае они бы плавали с разрезанным брюхом в склянке, — врач почесал голову, и его парик съехал немного на бок. — Хотя, наверное, нет. Для этого сосуд слишком маленький. Но царь Петр набил бы из них чучела, а органы отдал бы по отдельности препарировать.

Иоганн вытерпел и вид зверей, и покалывание в своей руке. Однако, при демонстрации набитого чучела с человеческим лицом, его желудок грозил вывернуться наизнанку.

Он вспомнил фигуру, увиденную в воде. И впервые почувствовал, что его мир — это не только то, что он знал. Теперь его приключения на Неве приобрели смысл. Девушка оказалась таким уродцем со сросшимися вместе ногами, вероятно, она даже жила у воды. Не зря же ее накрыли полотном. Возможно, полковник ДЕРЕЖЕВ предполагаемую русалку и забрал, чтобы получить вознаграждение. Однако кто-то другой ее тело украл. А юноша, которого он встретил на берегу, ее брат или какой-нибудь родственник. Иоганн невольно восхитился его мужеством, хотя за кражу ему грозила смертная казнь. Вдруг в голову пришла новая мысль, что она, вероятно, не умерла, и лишь выглядела, как покойница. То и дело происходили случаи, когда покойник оживал. А такая большая рваная рана на плече давала логическое объяснение глубокому обмороку. В этот момент Иоганн принял решение. Марфе бы оно не понравилось.

* * *

Михаэль совсем не обрадовался, что Иоганн не мог ничего держать. Хоть племянник и безропотно строгал деревяшки, носил доски и ремонтировал инструменты, большой помощи однорукий работник принести не мог. Намазанный мазью пластырь, который ему надел Томас Розентрост, огнем жёг кожу, однако вскоре по руке разлилось живительное тепло.

В следующие дни Иоганн изучал окрестности еще внимательнее, чем прежде. Ему казалось, что раньше он ходил по Санкт-Петербургу с завязанными глазами. Несмотря на предостережения ДЕРЕЖЕВА слухи не утихали — напротив, они, казалось, стали громче, будто их кто-то целенаправленно раздувал. Сам Иоганн то тут, то там ухватывал кончик фантастической истории, передававшийся из уст в уста. Люди упрямо выдвигали подозрения, что Михаэль БРЕМ знал убийцу девушки и помогал ему спрятать труп. Даже среди бояр, подчинявшихся царю ПЕТРУ, ходили подобные слухи. Кое-где Иоганн слышал шепот: «Русалка».

Когда возле северного берега Невы утонули двое рабочих, одна баба поклялась, что видела, как человек-рыба утащила их в воду. За это высказывание, названное лживым, ДЕРЕЖЕВ публично выпорол бабу. Иоганн содрогнулся от решительности полковника замять эту историю. Он выполнял приказ царя? Царь ненавидел суеверия так сильно, что приказал ДЕРЕЖЕВУ, выбить их из людей палками? Участь крестьянки стала ему предупреждением, и он решил приостановить свои поиски таинственного юноши, пока шум не уляжется. Но однажды, направляясь в сторону адмиралтейства, он увидел темную копну волос и узкое лицо. Парень тащил корзину с рыбой, и просил за одну штуку пару монет. Иоганн незаметно придвинулся ближе и последовал за парнем. Но это оказалось не просто, тот проворно двигался сквозь толпу, используя каждую щелку, и вскоре исчез из поля зрения Иоганна. Он немного подумал, к чему стоит прислушаться, к своему страху или любопытству, затем решительно повернулся и широкими шагами отправился за крестьянином, купившему у парнишки пару рыбин. Испещренное оспой лицо мужика выглядело добродушным.

— Эй, послушай, — сказал ему Иоганн. — Кто этот юноша, у которого ты купил рыбу?

Мужчина наморщил лоб, рассматривая Иоганна. Он, казалось, обдумывал, стоит ли что-то объяснять рослому плотнику, но когда Иоганн вынул копейку и вложил ему в руку, на его лице появилась широкая ухмылка.

— Рыбак, — сказал он. — Раз в несколько дней приходит на площадь продавать свой улов.

— Где он живет? — спросил Иоганн.

Мужчина пожал могучими плечами и указал на восток.

— Где-то там.

— Как его зовут?

— Спроси его сам, я у него только покупаю рыбу. Больше ничего.

— Ты не знаешь, кто он?

— Нет, откуда.

Иоганн не был уверен, что мужчина сказал правду, но для начала обрадовался и такой информации. Итак, на востоке, что ж, вполне логично, после их стычки рыбак ушел в восточном направлении. Следовательно, он не горожанин. Иоганн почувствовал чей-то взгляд и обернулся. Он ожидал увидеть немигающие глаза юродивого, выглядывающее из толпы тупое лицо. Но вместо него заметил Дерезева. Полковник наблюдал за ним, как притаившаяся кошка. Дольше необходимого он угрожающим взглядом смотрел Иоганну в глаза, затем прищипорил коня и проскакал от Иоганна настолько близко, насколько тот мог оставаться в безопасности. Кое-кто из рабочих вокруг рассмеялся. Вдруг он почувствовал, что стоит один на один со сворой злоумышленников. Но относился ли к ним Дерезев? С бьющимся сердцем и хмурым лицом Иоганн развернулся и продолжил свой путь на стройку.

* * *

Приложив некоторые усилия, ему удалось ночью выбраться из дома. Из комнаты дяди Михаэля доносилось приглушенное бормотание. Иоганн знал, что дядю снова мучали ночные кошмары. Тенью он проскользнул вдоль стены дома, пригнулся под окнами и свернул на дорогу к Неве. Рана на его руке начала заживать, но драться он бы сегодня не смог. Оглядевшись с опаской, он с облегчением отметил, что Митя поблизости отсутствует. Сегодня ночью он свободен!

Вскоре Иоганн забрел так далеко, что последние бараки казались ему далеким воспоминанием. Перед ним простиралась лесистая местность, из болота торчали кочки с карликовыми ивами и растрепанными от ветра березами. Он уже давно достиг излучины Невы. Еще пару миль и он бы увидел на другой стороне руины шведской крепости. Но рыбацкого поселка или чего-то подобного не обнаружилось. Во время ходьбы он внимательно разглядывал противоположный берег, там под светлым небом простиралась пустошь. На небосвод взошел овальный месяц, окрасив туман над водой в призрачный цвет. Где-то на середине реки плеснула волна. Должно быть это рыба, собиравшая с поверхности воды многоножек на ужин. Водоворот разгладился, и река снова превратилась в блестящий шелк. Иоганн думал о монстрах в аптеке и не мог унять дрожь. В лохматых кустах что-то затрещало, будто через него кто-то или что-то продирался, и когда он отвел взгляд, то услышал снова плеск. Никогда раньше пейзаж не казался ему таким таинственным. В полумраке белой ночи его фантазия разыгралась, и в какой-то момент он представил, что там была русалка.

Никакой не монстр, а самая настоящая русалка с магическими способностями, воспетая

мореплавателями в песнях. Покойница же выглядела, как гальюнная фигура, подставлявшая на носу некоторых кораблей свое тело солнцу.

В поле зрения появилась огромная ива. Когда Иоганн подошел поближе, то распознал, что ее густые ветви над водой образуют полость, выглядевшую маленьким шатром. Некоторые ветви свисали так низко, что касались воды. Между ними торчал кусок дерева, походивший на носовую часть гребной шлюпки.

Иоганн побежал. С ветки поднялась сова и заскользила, беззвучно хлопая крыльями.

Больше не думая о тумане, он зашлепал по воде. Ветви глухо застучали друг о друга, когда он сдвинул их, как занавеску, в сторону. Там лежала шлюпка, многократно залатанная, в ее негерметичном корпусе плескалась солоноватая вода. «Какая убогая лодка, — подумал Иоганн. — Я не рискнул бы на такой переплыть даже через лужу». Он осторожно вытащил ее из зарослей ивы и осмотрел. Хотя лодка больше походила на обломок, по-видимому, ею еще можно пользоваться. Рукоятки весел вытерты до блеска, в задней чести стояла корзина из ивовой лозы. Рыба в корзине такая свежая, что глаза еще не запали, а жабры выглядели, будто они в любой момент начнут трепыхаться.

Иоганн огляделся. Вокруг никого. Также никто не скрывался над ним в ветвях ивы. Вместо этого у него за спиной раздался треск, какая-то птица закричала скрипучим голосом и взлетела. Иоганн сделал глубокий вдох и выдох, чтобы успокоить бешено колотящееся сердце, и, по возможности тихо, вылез из воды. Он осторожно приблизился к зарослям кустов, находившихся шагах в сорока от него. Ветки зашевелились, но он ничего не увидел. Тот, кто сидел в подлеске, находился, несомненно, в лучшем положении.

— Эй, русский, — крикнул Иоганн. Никто не пошевелился, только ветви ивы хлопали от ветра за его спиной. Иоганн рассердился. — Я могу подождать. Тебе нужна твоя лодка, а для этого придется пройти мимо меня. Я просто хочу с тобой поговорить.

Он чувствовал себя невероятно глупо, подозревая, что мог говорить с зайцем, сидевшим в подлеске и с недоумением разглядывавшим болтавшего человека.

— Выходи, — крикнул он, на сей раз громче.

За спиной Иоганна из воды выпрыгнула огромная рыба, окатив его водой. Он попятился, но затем, сощурился, глянул на лодку. На ней покоилась рука, которая быстро отдернулась, теперь лишь волна плескалась у берега.

— Оставь его, — произнес знакомый голос. Перед Иоганном, как из-под земли, вырос молодой рыбак.

— Эй, немец, — поприветствовал он Иоганна. Его голос звучал примирительно, казалось, он лишь хотел удержать Иоганна от невероятно глупой ошибки. Волны спихивали лодку по направлению к веткам ивы.

— Сегодня я не могу с тобой подраться, — заявил Иоганн сиплым голосом.

Его мысли побежали, как косяк рыб, сбившихся вместе и уплывавших зигзагами в одном направлении от брошенного в воду камня. Кто был в воде — сросшийся монстр? Молодой рыбак молча подошел к своей лодке и начал вычерпывать солоноватую воду.

— Я знаю про русалку, — сказал Иоганн. Он удовлетворенно заметил, как застыла рука юноши. Несколько мгновений они оба пребывали без слов. Рыбак выпрямился и враждебно скрестил руки.

— Да? — спросил он презрительно. — Новая сказка? Ну, давай, послушаю.

— Ты прекрасно знаешь, что это не сказка. Это человек со сросшимися конечностями или, возможно, человекоподобное существо, которое живет в Неве, верно? Я думаю,

Дережев будет в восторге, если выловит эту тварь. Ты ее охраняешь, я прав? И ты знаешь, что царь Петр желает ее умертвить. Она... лишь казалась мертвой, когда ее принесли в мастерскую, — он не смог сдержать победную ухмылку, когда парень побледнел. Иоганн поспешно добавил, — Я тебя не выдам. А также... это не монстр. Я хочу лишь знать, что это значит. Вот и все.

— Монстр, — повторил парень тихо. Он выглядел, будто впервые услышал это слово в связи с русалкой и удивлялся значению этого слова.

Иоганн напирал дальше.

— Ты же знаешь, что ее украли из мастерской. Как ты смог туда пробраться?

— Вода найдет любой путь, — сухо ответил юноша.

— Как Дерезев мог подумать, что она мертва?

— У русалок сердце не бьется, — спокойно сказал парень. — Поэтому очень легко принять ее за мертвую. И очень быстро составить им компанию.

— Им? То есть русалок много?

— Больше, чем ты можешь себе представить, но не достаточно. Вы многих изранили, и они утонули.

— Значит, они нас ненавидят?

— Тебя, — поправил парень. — Тебя и других, кто строит город.

Иоганну потребовалось мгновение, чтобы осмыслить эти слова.

— Вы их убиваете, — продолжал юноша. — Вы пронзаете их сваями, прогоняя из подземного мира, вы копаетесь в трясине, они задыхаются от ваших домов, ваших людей, артиллерийского огня и кораблей.

Иоганн поразился страстности, с которой вдруг заговорил русский, и озадаченно слушал.

— А самое плохое — это царь. Зачем он выписывает ремесленников из чужих стран и гонит своих крепостных в болота, в то время как их дети в деревнях голодают? Зачем он хочет здесь, в пустынном месте построить город?

— До царя Петра здесь были шведы, — обессиленно возразил Иоганн. — И это не пустынное место.

Парень горько рассмеялся.

— Раньше было спокойнее, чем сейчас, поверь мне. Русалки могли жить. Теперь они обречены на бесславный конец.

«Или предстать со вскрытым животом, как монстр», — осело в мыслях у Иоганна. Заметив, что история рыбака задела его за живое, он испугался и устыдился своих мыслей. Он тоже не хотел этого города на болоте. И сильно тосковал — по Москве, по Немецкой слободе, а порой даже по своей родной деревне, где жизнь, казавшаяся порой такой утомительной, была все же легче, чем в Санкт-Петербурге. Тем не менее, его будущее находилось здесь. Только тут имелась возможность попасть однажды на судоверфь. Иоганн подозрительно посмотрел на парня.

— Ты жил тут, когда шведы находились еще в своих шанцах? А ты, часом, не из беглых?

— Беглый крепостной? — парень рассмеялся. — Мы все принадлежим царю или нет? Нет, я еще свободный.

— Где ты живешь?

Парень снова придал своему лицу неприступное выражение, но все же не уходил, а разглядывал Иоганна со смесью интереса и презрения. Некоторое время они молчали, пока

Иоганн не понял, что тот намерен прекратить общение. Парень не уходил, потому что знал, осведомленность даст Иоганну козыри. Он подозревал, что выглядел в глазах рыбака отвратительной ищейкой, которая вытащила на свет его тайну. Никогда раньше образ Иоганна не представлялся другим таким отвратительным.

— Послушай, — произнес он угрюмо. — Я буду молчать, хотя ты можешь мне и не верить. Я даю тебе честное слово. Я тоже не хочу, чтобы этих существ ловили или убивали.

Парень все еще имел нерешительный вид. Он нахмурил брови, но его поза едва заметно расслабилась.

— Прекрасно, — наконец произнес он. — Тогда мы можем разойтись, каждый своим путем.

Иоганн помедлил. Такая мысль ему не понравилась. Конечно, он мог бы развернуться и уйти, чтобы мечтать о своих кораблях, и забыть про русалку. Или мог остаться здесь и протянуть руку этому странному юноше — русскому рыбаку, который его ненавидел. Это было не большим сумасшествием, чем осознание того, что монстры, выглядевшие морскими девами, желали его утопить. Это все же лучше, чем одиночество, которое охватило бы его вновь удушающей тряпкой.

— Меня зовут Иоганн, — произнес он. — Иоганн Брем. Я... состою в учениках у своего дяди. Он столяр и плотник. И лучше бы я жил в Москве, чем в этом городе на утрамбованном болоте, поверь мне.

Парень смотрел на него с открытым ртом.

— Гляньте, немец перестал на нас смотреть свысока, — заметил он насмешливо.

Иоганн подавил взрыв ярости и заставил себя улыбнуться.

— В отличие от русского, который, пожалуй, решил остаться там навечно, — к его скрытой радости парнишка покраснел. «Слишком гордый, — отметил он. — Рыбаку не следует так задирать нос».

— Евгений, — подняв подбородок, наконец, произнес парень. — Евгений Михайлович Сказаров.

Его слова звучали правдиво. Он решительно протянул руку, которую Иоганн схватил без колебаний. Она оказалась костистой и очень сильной.

— Иди домой, Иоганн Брем, — резко сказал Евгений и повернулся к своей лодке. Шустро поднялся всем корпусом и прыгнул в нее.

— Подожди! — крикнул Иоганн. — Ты часто сюда приходишь?

Глаза Евгения запылали под черными волосами, падавшими ему на лоб. Отгоняя лодку от берега, он изучающе наблюдал за Иоганном, будто рассматривал монету, не зная, что она принесет — прибыль или убыток. Иоганн изумленно заметил, что лодка уплывала очень быстро, казалось, Евгений и не касался весел. Вокруг кормы образовались водовороты, блестела рыба чешуя. Носовая волна вздымалась перед лодкой, скрипевшей при движении. Она выглядела трухлявыми санями, запряженными чешуйчатыми телами. Туман поглотил лодку, укрыв ее в своих объятиях. Иоганн почти не услышал окрик, который донесся до него сквозь туман и, как ни странно, отдававший радостным теплом в животе.

— Возможно, — крикнул Евгений, превратившись в тень.

Глава 3

МИТЯ

Трезини оказался нетерпеливым заказчиком. Карстен Зунд частенько сиживал за деревянным столом, заваленным стопками бумаги и многочисленными эскизами, и рвал на себе жидкие волосы. Рука Иоганна быстро заживала. Хотя мышцы все еще оставались задеревеневшими, и некоторые движения причиняли боль, он вскоре снова помогал в мастерской. Если Марфа после ночных путешествий Иоганна что-то и заметила, то не проронила о них ни слова, и спокойно приняла к сведению, что у него не слишком много времени для моделей кораблей. Старый Иван не раз заставлял Иоганна, когда тот мрачно смотрел над краем суповой тарелки. Возможно, он беспокоился из-за всеобщего мрачного настроения и Мити, который снова бродил возле мастерской. С того момента, как Иоганн узнал о русалке, он будто бы вновь обрел мир. Как исцелившийся от слепоты, он смог, наконец, собрать шорохи в единую картину, увидеть в лицах крепостных странное соглашение. Слухи шелестели громче сухих листьев, которые шевелил ветер. Внезапно он заметил следы русалки повсюду и такие отчетливые, что удивительно, почему никто еще ее не обнаружил. Вот рухнула опора моста, побудив конструкторов ругать подземные течения. С берега исчез материал, необходимый для забивания свай в болотистый берег. Плоты из связанных вместе стволов деревьев по непонятным причинам развязались, и бревна странными потоками унесло в Балтийское море. Лодки приходили полные воды, некоторые переворачивались по причине необъяснимо высоких волн, появлявшихся, казалось, ниоткуда. Поговаривали о саботаже, многих крепостных высекли, подозревая их в злом умысле. В эти дни, когда даже воздух вибрировал от напряжения, выпороли еще одного русского подмастерья, который царя Петра презрительно назвал «проклятой немчурой». Деревьев Иоганна не увидел. Он старался незаметно сделать свою работу, чтобы спокойно бродить по берегу белыми ночами.

Только на третью ночь он повстречал Евгения.

В этот раз лодка была спрятана лучше и полна рыбы, которую тот укладывал в плетеную корзину. Евгений сделал вид, что встреча ему безразлична, но Иоганн не испугался, распаковал инструменты, взятые с собой, и без всякой шумихи заделал течь в лодке. Несмотря на недружелюбие, которое охотно ему высказывалось, Иоганн больше не чувствовал себя униженным и оскорбленным. Напротив. С тех пор, как он узнал Евгения, ему казалось, что он начал новую жизнь, будто раньше он был заключенным в одиночной камере, который, наконец-то, обрел немного солнечного света. Никогда прежде он не замечал, как ему не хватало друга. Евгений, хоть и оставался неприступным, казалось, тоже испытывал подобные чувства. Вместе они бродили вдоль берега или ловили в лесу куропаток, которых Марфа с критическим взглядом молча принимала. В эти недели Иоганн узнал все, что человек должен знать о соленье рыбы, которую Евгений называл «корюшкой». Ранней весной она приходила из Балтийского моря, и плыла к месту нереста в верховья Невы. Он же рассказывал Евгению о своей жизни в деревне, о братьях и маленькой усадьбе, которой не хватало, чтобы всех их прокормить. Он не утаил, как разочаровался, когда они среди братьев разыгрывали, кому из них придется ехать в Россию, а кому в Голландию к другому дяде, ставшему токарем. Вот Иоганн и вытащил короткую палочку. Евгений слушал и расспрашивал его об утонувшем брате Симоне, о путешествии в Москву, которое он

проделал по Балтийскому морю вокруг мыса Нордкап до порта Архангельска. Но охотнее всего он слушал истории о Москве. И у Иоганна впервые появилось желание узнать побольше о стране, в которой он теперь жил, и ему пришлось признать, что это хорошее чувство. Он описывал пестро раскрашенные конные экипажи, украшенные искусной резьбой по дереву — пролетки, и большие тройки, запряженные тремя лошадьми. Красочно повествовал Евгению о карнавале, катке и катании на санях, разукрашенных женщинах и зимних ярмарках, на которых торговали замороженными деликатесами. Их покупатели на салазках везли домой. «Перед Кремлем запрещено возводить рынки, поэтому торговцы несут свой товар на закорках, — рассказывал он. — Для каждого товара есть свой торговый ряд — для продажи шелка, платков, холстины, портретов. В других рядах продают свои товары только скорняки, сапожники или ювелиры. Еще есть вшивый рынок. Его так называли, потому что там много цирюльных лавок. В доме, который просто называют «постоялый двор», выставляют свои товары персы, армяне и другие народы».

Наконец, он перешел к описанию церквей и бесчисленных колоколов, чей звон разносился по всему городу колыбельной песней. Не забыл упомянуть и о Коломенском — дворце под Москвой, построенном без единого гвоздя, в котором двести пятьдесят комнат и три тысячи окон. Их стекла преломляли солнечный свет, как огромный хрусталь.

Когда ночи стали темнее, а модели кораблей запыхались, так как к ним не прикасалась человеческая рука, Иоганн и Евгений начали жарить рыбу на маленьком костерке. Иоганн быстро обнаружил, что его друг не был обычным рыбаком — русалки поставляли ему в сети улов, так что ему нужно было лишь вытащить его из воды. Солдаты хорошо платили ему за рыбу.

— Далеко до твоего дома? — спросил однажды Иоганн, когда они сидели на берегу.

Евгений молча покачал головой. Между ними повисло тяжелое безмолвие, и Иоганн уже разозлился на себя, что вообще спросил. Тем не менее, любопытство его не отпускало. На небе стоял полумесяц, лодка слегка покачивалась на волнах. Иоганн знал, что русалка бродит где-то поблизости, хотя она ему еще ни разу не показывалась на глаза. Как бы Иоганн ни старался, больше, чем блеск или руку, мимолетно взметнувшуюся над водой, у нее или других русалок он не увидел.

— Ты хочешь знать, кто я, — заметил Евгений. — Тогда просто спроси меня. Терпеть не могу, когда ходят вокруг да около.

— Хорошо, — сказал Иоганн. — Кто ты? Где ты живешь, кто твоя семья? — и, как будто оправдываясь, добавил, — Ты много чего знаешь обо мне, я рассказал тебе о своих братьях, о Москве... а о тебе я знаю только, что ты можешь ловить рыбу и разговаривать с русалками.

Евгений загадочно усмехнулся.

— Я живу на другой стороне Невы. Оттуда идти дальше на восток. Там избушка из сосны. Она... принадлежала моему деду.

— Она ему принадлежала? То есть он не был крепостным?

Сухой смех Евгения вспугнул водяную крысу, с шуршанием улизнувшую по береговому откосу.

— Ты всегда думаешь, как помещик? — насмешливо спросил он. — Тут господа, а там рабы? — его губы искривились в хитрой улыбке. — Нас вообще нет, понимаешь? Мы — белые волки. Говорят, они существуют, но те, кто их видел, вряд ли смогут это доказать. Некоторые считают нас финнами, некоторые — русскими, с давних времен мы стараемся

избежать переписи царским курьером.

— Но тогда ты рискуешь! Если кто-то обнаружит, что у вас нет документов...

— Послушай, Бремов, — прервал его Евгений неприветливым голосом. — Если рыбак слишком жадный, рыба выскользнет из его сети. Солдат тоже можно подкупить. Моя бабушка хорошо заплатит.

— Ты живешь в избе вместе с бабушкой?

Он должен каждый ответ из своего друга выжимать? Казалось, Евгений долго думал, что ему ответить.

— Да. Но она больна.

— Больна? — воскликнул Иоганн. — Почему ты мне раньше не сказал? Я могу тебе помочь, я знаю самого лучшего врача!

Неожиданно Евгений подскочил. Иоганн недоуменно уставился на него. Рыбак зло стряхнул с ветхого пиджака травинку.

— Ты, что, не понимаешь? — бросил он резко. — Мне не нужны ваши врачи! Мы не нуждаемся в подаянии. Вы здесь незваные гости. Без вас не было бы здесь ни болезней, ни войны, ни мертвых. Без вас у меня была бы семья, если хочешь знать!

Иоганн почувствовал себя, будто Евгений ему на голову вылил ушат ледяной воды. Его начальное возмущение уступило чувству сожаления. Евгений стоял перед ним, сжав кулаки. Непроизвольно Иоганн застыдился того, чего не совершал.

— Я не подумал, Евгений, — сказал он тихо. — Извини, я не знал, что твоя семья... умерла.

— Умерла? Это звучит, как будто они однажды закрыли глаза и утром больше не проснулись. Но все было совсем не так. Их убили! Мою маму, моего маленького братишку и... мою сестру. Как ты думаешь, что делают солдаты в кровавом угаре с людьми?

Иоганн судорожно сглотнул. Внезапно ему стало холодно.

— Мой брат был настолько мал, что не смог убежать, когда... — Евгений закашлялся и отвернулся.

Но Иоганн уже давно заметил предательский блеск в его глазах. Он поборол странный порыв, заключить своего друга в объятия. Судорожное дыхание Евгения успокоилось, и он снова сел, уставившись с непроницаемым лицом в воду реки.

— Даже русалка не смогла их спасти. Теперь мы одни, только Катька и я.

— Извини, — сказал Иоганн. — Ты действительно думаешь, что я в этом виноват?

Евгений упрямо пожал плечами, но Иоганн увидел, как тот медленно разжал кулаки.

— Не ты, Бремов. А немцы, ваш царь и его солдаты, ваши врачи...

— Почему вы не убежали? — спросил Иоганн.

Евгений посмотрел так, будто его спросили, почему он не бросился в реку.

— И оставить русалку? — спросил он. — Никогда! На протяжении поколений мы — их хранители!

Иоганн оторопел.

— То есть вы не можете покинуть дельту Невы?

— А зачем? — спросил Евгений. — Я не хочу уходить пока здесь есть русалки. Но скоро мы станем свободными и уйдем, куда заблагорассудится.

— Почему русалки не скрылись? Они не могут жить в море?

— Могут, — ответил Евгений, рассматривая свои руки. Они больше не были сжаты в кулаки, и даже его голос внезапно зазвучал мягче и тише, что Иоганн его не узнал. —

Русалки — это единственное прекрасное в жизни. Они царственные и миролюбивые — красоту нужно сохранить. Еще маленьким я ждал весну. После того, как лед на реке ломался, и корюшка уходила на нерест, я ждал свою русалку. Каждый год она встречала меня. Однажды утром она появлялась с сонными, как у ребенка, глазами. Зимой она почивала на дне реки, — он опустил голову. — Они бы охотно убежали, Бремов. Русалки — древний народ, который устал от ожиданий. Давным-давно они находились в самом сердце других морей, но из-за людей ушли из этой обители. Моя русалка часто рассказывает о том далеко рае. Но им туда нельзя.

— Почему нельзя?

Евгений улыбнулся.

— Я был бы плохим хранителем, если бы тебе об этом рассказал, не так ли? Не забывай, что ты мой враг.

— Тогда я спрошу у русалки.

Его друг рассмеялся.

— И окажешься на дне Невы даже быстрее, чем ты думаешь.

— Может ты и прав, — ответил Иоганн.

Улыбка Евгения стала еще шире и хитрее.

— Мертвый немец в Неве, о, да, только этого нам еще и не хватало.

Весь город стоял на ногах, когда в порту разгружалось прибывшее из Голландии торговое судно с солью и вином. Крепостные без усталости таращились на заморских гостей. Петр I по-царски принял команду, и в честь прибытия закатил большой пир. В эти дни у Иоганна сложилось представление о том, каким однажды станет Санкт-Петербург: огромный торговый порт, в котором разгружают товары со всего света. На борту судна, как ни странно, присутствовала и женщина: шелковые юбки раздувало ветром, пока она с леерного ограждения блуждала взглядом по гигантской стройке и наблюдала за оживлением на причале. По европейской моде она носила туго зашнурованный корсет. Между тем, для Иоганна это оказалось непривычным зрелищем, как зачарованный он разглядывал женщину с серьезным выражением лица, которым она напоминало ему его Кристину.

Как раз, когда корабль разгрузили, и он взял курс на Балтийское море, из Москвы прибыла следующая большая партия груза с огурцами, воском, медом и зерном. А также свежими новостями, которые жадно слушали.

С озабоченным лицом дядя Михаэль внимательно слушал информацию о восстании казаков на верхнем Дону. Среди мятежников находилось также много беглых крепостных. Их владельцы, которых уполномочили разыскивать своих крестьян по всей стране, отлавливать и тащить обратно, ждали, когда царь что-нибудь предпримет. Драматично размахивающий в воздухе руками ящик описывал столкновения и главаря казаков, атамана Кондратия Булавина, имитируя, как он выдвигал свои требования. Иоганн считал, что на некоторых лицах отображалось мрачное восхищение мятежниками.

Однако, самым главным, что прибыло с транспортом, оказался мешок, полный газет и писем из Немецкой слободы — Иоганн засиял, как медный пятак, узнав на одном из писем размашистый, немного детский почерк Кристины. Бумага пошла пятнами и помялась, вероятно, в пути она намокла и снова высохла, но буквы распознавались хорошо. У Иоганна зачесалась рука, когда он прикоснулся к хрупкому листку. Он помчался со своим трофеем прямиком в мастерскую и спрятался там за верстаком. Угрызения совести заставили его осознать, как же редко в последнее время он думал о Кристине. Он жадно прочитал первые

строки. С каждым словом шаг за шагом подкрадывалось разочарование, пока не возвысилось над ним, огромное и непреодолимое. В письме не оказалось ни одного слова о любви, вместо них стояли прямо таки благовоспитанные фразы. Кристина осведомлялась о его самочувствии, чтобы сообщить потом новости, произошедшие в слободе. Секретарь британского посольства захворал. Ее отца сейчас перевели на продажу шкурок соболя, которые в Сибири закупаются для Китая. «Торговец прислал нам чай и, кроме того, семена аниса и китайский табак», — писала она дальше. Ее сестра Хелена в августе собиралась замуж за торговца шерстью, который, помимо всего прочего, провернул еще и выгодную сделку с шелком. В остальном она желала ему хорошего здоровья и надеялась, что он смог прижиться в новом городе.

Иоганн лихорадочно перевернул страницу, разыскивая скрытое послание, но там не оказалось ничего, ни одного личного слова. Вероятно, они с Кристиной просто мимолетные знакомые, чтобы писать такие письма. В ярости он скомкал письмо и сунул его в карман штанов. Чувство, что его обманули, стало непреодолимым. Внезапно появилось страстное желание увидеть Кристину. Он был настолько погружен в свои мысли, что едва заметил, как Иван вошел в комнату. Только когда старик пробормотал что-то невнятное и резко повернул обратно к выходу, до Иоганна дошло, что он не один. Недовольно стряхнув со штанин опилки, он побрел к дому.

Топот заставил его обернуться. В нос ударил запах старой, грязной одежды. Перед глазами возникла Митина рожа. Никогда раньше юродивый не подходил к нему так близко. Безумие искривило его рот в оскаленную гримасу. Быстро, как гадюка, он схватил Иоганна за руку. Обычно ему этого не удавалось, но Иоганн не рискнул сопротивляться, и попробовал просто уклониться от сумасшедшего. Краем глаза он увидел, что некоторые помощники побросали свою работу и с открытыми ртами наблюдали эту сцену.

— Пусти! — прошипел он Мите.

Но дурачок дергал Иоганна за одежду, прыгал вокруг, как бешеный пес, который не позволяет от себя отмахнуться. Иоганн мог бы с ним справиться, но не осмелился. Внезапно Митя отпустил Иоганна и отскочил на несколько шагов, торжественно подняв в руке бумажку. Письмо Кристины!

Кровь ударила Иоганну в голову, он вцепился в него мертвой хваткой, готовый этого сумасшедшего разорвать на куски.

— Дай, сюда! — проревел он.

Некоторые крепостные угрожающе поднялись и встали полукругом за Митиной спиной. Если бы он выдрал с боем письмо из рук дурачка, то ему пришлось бы сражаться уже с несколькими противниками. Митя победно ухмыльнулся и запихал бумагу себе в рот.

— Ты, ублюдок! — закричал Иоганн и кинулся на него.

Даже если придется драться со всей толпой, ему все равно. Митины глаза стали размером с суповую тарелку, и, издав задохнувшийся звук, он удрал. Крепостные разошлись по-отдельности. Палка, которую кто-то бросил, попала Иоганну в колено и заставила его споткнуться. Он упал, с трудом поднявшись на ноги, погнался за сумасшедшим через площадь.

Митя оказался на удивление проворным. Как тряпичная кукла он стремительно мчался к поленнице. Когда Иоганн почти его догнал, юродивый споткнулся. С оглушительным грохотом он рухнул на кучу древесины. Иоганн смог увернуться от полена, свалившееся ему под ноги, но дурак уже лежал, вылупив глаза на свои руки. Кровь текла у него из носа,

обрывок не дожёванной бумаги выпал изо рта. Он презрительно выплюнул остальное. Казалось, Митя не чувствовал боли, как зачарованный уставился он на кровь, капающую из огромной рваной раны на руке. Красные капли сливались вместе на коже, превращаясь в маленькие реки. Одной из круглых капель юродивый балансировал на кончике пальца, который вытянул навстречу Иоганну.

— Искупление или рабство! — заявил он важным голосом. — Сокровище блестит на вершине неба. Рыба, которая целует облака, пожирает их.

— Что? — произнес Иоганн. Очевидно, Митя давно уже забыл о письме. Он почувствовал себя совершенно беспомощным.

— Дерево и уксус, — продолжил Митя. — Когда встанет солнце, расплавится гора и череп заскулит на кухне. Я пил вино, но это было в Архангельске.

— Оставь его в покое, — прозвучал за спиной Иоганна хриплый голос. Он повернулся и перепугался. Там стояла шеренга мужиков, хмурые бородатые лица уставились на него, в руках — деревянные дубины.

— Это вы меня оставьте в покое! — закричал Иоганн. — Только подойдите, я уж тогда позабочусь, чтобы вас загнали обратно в болота, откуда вы пришли. Знаете, как царь карает беглецов?

Один из крепостных, имевший только один глаз и сизую бороду, сплюнул.

— Твой царь — богохульник. Он велел переплавить церковные колокола, и отлить из них пушки, — проворчал он. — Но вскоре он потонет вместе со своим проклятым городом.

Тишина, установившаяся на площади, напоминала могильную. Мужики, затаив дыхание, уставились на одноглазого и отодвинулись от него. Тот побледнел и опустил голову.

— Кто это сказал? — спросил Иоганн.

Манера поведения, когда другие крепостные опустили глаза, встревожила его. Только одноглазый не опустил взгляд.

— Один поп сказал, — пробормотал он. — Когда нас согнали на рыночную площадь, чтобы сюда привезти.

— Ты откуда? — спросил Иоганн и, увидев, что мужик побледнел еще сильнее, поспешно добавил, — Я тебя ни в чем не обвиняю, просто хочу знать, откуда ты.

Одноглазый закашлялся.

— Из Есенгорода.

Иоганн вспомнил этот город. Во время переезда из Москвы они останавливались неподалеку от него. Повозки с мукой тоже пришли из этого старинного городка, расположенного примерно в тридцати милях от устья Невы в сторону Москвы.

— Это не что иное, как болтовня, господин, — произнес крестьянин с рыжими волосами. Он подобострастно улыбнулся и пожал плечами. — Не слушайте его и простите нас, господин. От голода у нас порой срываются проклятия с языка.

Страх замелькал и на других лицах. Иоганн засунул кулаки в карманы. Десять пар глаз следили за каждым его движением, когда он, проходя через толпу, направлялся домой.

***

Он успокоился лишь с наступлением ночи. Иван сегодня в избе не остался, а устроился

на ночлег с помощниками в мастерской. Уже наступил конец июля, и ночи стали беспросветными. Иоганн тихонько вынул огарок свечи, припрятанный в ящичке с момента его переезда в Россию, и зажег почерневший фитиль. Маленькое пламя двигалось в полумраке, как блуждающий огонек на болоте. В соседней комнате дядя Михаэль, разговаривая во сне, сбрасывал с себя одеяло.

Иоганн сполз по стенке, оперся о дерево и уткнулся лицом в руки. Наконец то, он смог себе признаться, что ему было страшно.

Почему Митя разорвал письмо? И хотя в нем не оказалось ничего важного, он чувствовал себя, будто юродивый на его глазах вlepил пощечину нежной купеческой дочери.

Спустя некоторое время Иоганн встал и осторожно поднял крышку лавки, на которой спал. Узкое изножье служило также ящиком, где он разместил свои немногочисленные пожитки. В самом низу под валенками и меховой шапкой, сшитой в первую московскую зиму Марфой, лежал деревянный сундучок. Иоганн заботливо завернул его в шерстяную шаль. Теперь он вытащил сундучок и осторожно открыл. При тусклом свете свечи показались знакомые края потрепанных писем. Их было немного, лишь с полдюжины, но беря листки в руки, он чувствовал, будто обнимал свою семью.

Неуклюжий почерк брата на желтоватом фоне. В некоторых местах грубое перо прорвало бумагу. У Симона была тяжелая рука, а писать без ошибок он так и не научился. Но был слишком гордым, чтобы нанять писаря. Последнее письмо от него пришло из Гамбурга. В нем Симон рассказывал о службе на корабле и о бочонке с протухшей водой, вонявшей, как выгребная яма. Письмо пришло одновременно с известием, что его корабль затонул во время шторма. Иоганн осторожно разгладил ладонью листок.

От застарелой боли сдавило грудь. Симон, его брат! Другое письмо было от отца, еще одно, очень потрепанное — от дяди Михаэля. Много лет назад Михаэль написал его отцу. Строчки в нем громоздились одна на другую, с множеством ошибок, перемежающихся с большим числом русских выражений, Иоганну казалось, что это письмо от какого-то чужого, экзотического существа. Он с улыбкой рассмотрел эскиз болванки для парика, которую Михаэль изготовил для немецкого посланника. Тогда дядя еще работал под руководством столяра и ящичника.

Однако у Михаэля сундуки получались лучше. Вместо подписи изображался квадратный сундучок. Аккуратно выполненный эскиз необычного герба. Заказ на этот шедевр сделал какой-то аристократ. Интарсия требовала кропотливой работы. В самом низу, хорошо спрятанный между двух листов бумаги, находился портрет Кристины. Она улыбалась ему таинственно и нежно, но даже русалка казалась ему реальнее, чем девушка, к которой он так стремился в Москве.

***

Его одолевала усталость, но все же следующей ночью он выбрался на берег Невы. Возле ивы Евгения не оказалось, и он отправился вперед по течению. Далеко за спиной слышались звуки города. Стоял попутный ветер, и до него доносились крики рабочих, пришедших в ночную смену. В направлении Заячьего острова сонно двигалась транспортная шлюпка. Темнота стояла такая, что Иоганн несколько раз спотыкался. Он уже было решил, что

сегодня встретиться с Евгением не удастся, как на краю берега мелькнуло что-то светлое. Кустарник загораживал ему обзор, но, подойдя поближе, он увидел что-то двигавшееся за ветками. Иоганн уже собрался окликнуть Евгения, но знакомый голос заставил его остановиться в полном изумлении.

— Ткачество — поденная работа, — тихо произнес Митя.

Женский голос тихо рассмеялся.

— Поденная работа есть сеть для ловли жаворонков, и месяц катится по венам полный страсти.

Голос звучал приятно и мелодично, но при этом глухо, как шумит Нева в ветреный день.

— Да, — заверил дурачок. — Но так как Сеня не жрёт солому, она делает нитки для Каламова. Но Каламов проглотил крест.

— Глупости, — возразила незнакомка. — Каламов никогда не носил креста.

— Но цепь из черепов...

— ...и костей пальцев у него на шее, — добавила она.

— Он тайком ее обглаживает, когда кот не видит! — будто услышав удачную шутку, захихикал Митя.

Иоганн замер. Здесь развлекалась парочка сумасшедших! Он осторожно подкрался поближе. Но, по-прежнему, ничего не увидел, поэтому, прислонившись к толстой ветке, нагнулся далеко вперед, что почти потерял равновесие. От увиденной сцены у него перехватило дыхание. Мраморно-красивая фигура русалки колыхалась между ивовых ветвей. Ее правое плечо выступало из воды. Под водой, как два полумесяца, сверкали груди. Отблеск ее красоты преобразил лицо юродивого, стоявшего на коленях на берегу. В данный момент он казался молодым солдатом, встретившим свою возлюбленную. От страха у Иоганна сжался желудок, что если Митя хотел передать русалку Дерезеву или кому-то другому?

— Бог живет в воде, — произнес Митя с глубокой серьезностью. — Кот вопит в ночи, вода ждет, но недостаточно долго ждет. Саранча жрет мою руку, и она отрастает вновь.

Он протянул руку, и русалка ухватила за нее без колебаний. От удивления лицо дурачка стало почти красивым. Иоганн не понял, что тот сказал, но русалка посмотрела на Митю, будто спрашивала то, о чем напряженно думала.

— Нет, — ответила она очень нежно, но твердо. — Нет, Митя!

В этот момент ветка обломилась. Шипы расцарапали Иоганну руку, шорох рвущейся материи разрушил тишину. Он был ошеломлен, когда на него обрушился поток воды, намочив с ног до головы. Подскочив уличенный, он откинул волосы со лба. Солдатский мундир Мити надулся пузырем в воде и исчез. Иоганн стоял в шоке. В мыслях пронеслось: «Русалка утащила юродивого в глубину!». В следующий момент он увидел напротив себя насквозь промокшего Митю, которого выбросило на берег, как кусок коряги. Дурачок откашливался, выплюнув, по крайней мере, кувшин солоноватой воды.

— Ты меня напугал, — произнес голос русалки. Она сердито нырнула, и вынырнула из воды как раз напротив Иоганна. Он впервые смог рассмотреть ее бесцветные губы и замешательство в черных, как угли, глазах без зрачков. Контраст между кожей и смоляными волосами был разительным.

Под водой блестела чешуя.

— Я помешал тебе утопить юродивого? — произнес Иоганн.

При звуках его голоса Митя с трудом поднялся на ноги. Его лицо исказила гневная гримаса, которую Иоганн очень хорошо знал.

— Нет, — сказала русалка.

Иоганн стал свидетелем, как это простое слово превратило сумасшедшего, который без колебаний свернул бы ему шею, в кроткого человека. Глянув в последний раз на Иоганна, дурачок выдернул руку, повернулся и, бранясь, отправился в лес. Русалка смотрела ему вслед нежным взглядом.

— Что он будет делать? — прошептал Иоганн.

— Размышлять, — ответила русалка. — Он много размышляет об этом городе — о царях, реке и времени, и даже о тебе.

Ужас, ненадолго его отпустивший, стал заметнее и вернулся снова.

— Он тебя выдаст, — крикнул Иоганн. — Он же юродивый! Как ты можешь с ним говорить?

Энергичным движением русалка оттолкнулась от берега и заскользила по темно-зеленой воде. Как любопытные рыбы морды на поверхности воды показались белые колени. В какой-то момент Иоганн смутился, что не видит рыбий хвост.

— Он единственный, с кем можно нормально поговорить, — ответила она серьезным тоном. — Митя и я делимся своими грезами.

— Ты понимаешь, что он говорит?

— Как можно не понимать Митю?

— Но он же сумасшедший!

Она посмотрела на него с удивлением.

— Он разумнее всех остальных! Он только не знает, что сон, а что реальность.

До этого Иоганн не додумался. Он обернулся, глянул на фигуру в мокром солдатском мундире, которая удалялась от них, и спросил русалку:

— Что он от тебя хочет?

Она вздохнула.

— Он хочет уйти в воду. Но если я его возьму с собой, он больше не будет Митей.

— Он превратится в одного из вас?

Издав издевательский смешок, она сухо ответила:

— Нет, он превратится в труп. Его душа будет шептаться в воде, и я смогу с ним разговаривать. Но он больше никогда не сможет увидеть траву или небо, никогда не увидит лес, который так любит.

«Митя так любит лес, — изумленно подумал Иоганн. — Но, кажется, больше всего он любит русалку».

— Если ты ищешь Евгения, то его здесь нет, — продолжила русалка. — Он сказал мне, что ты считаешь меня монстром.

Она тихо опустилась в глубину. Вдруг волнообразным движением верткая фигура взбороздила воду и, как трепыхающаяся рыба, ударила Иоганна по ногам. Русалка резко перевернулась и нырнула, Иоганну хватило времени, чтобы полюбоваться ее спиной. Ее разделял волнообразный плавник, переходящий в рыбье тело на уровне бедер. Блеснули серебряные чешуйки и исчезли. Иоганн угадал под водой бесчувственную рыбью морду с сильными челюстями и оскаленными зубами. Казалось, что его подстерегала хищная рыба. Иоганн отступил на пару шагов. Опасное существо пронзило верхний слой воды и снова предстало перед ним русалкой. Она разразилась смехом, окатившим его бесшабашной волной.

— Видел бы ты, какое у тебя сейчас лицо.

— Прекрати! — резко сказал Иоганн. Ему совершенно не понравилось, что эта русалка могла читать его мысли.

— Что ты здесь ищешь? — крикнула она.

— Ты... ты была хищной рыбой. И Евгений сказал... — он почувствовал себя глупо.

Русалка по-кошачьи заулыбалась. Ее руки бледными жилами покоились под блестящей кожей реки.

— Я — рыба, мясо, порождение дьявола и облик ангела. Характер может быть великолепным.

От шокированного лица Иоганна её улыбка расплылась ещё шире.

Он не был уверен, пошутила ли она или сказала правду. Страх подсказывал, что водяная женщина была намного старше и опаснее, чем голова плотника могла себе представить.

— Но ты... друг Евгения, и мне этого достаточно, чтобы никогда тебе не причинить зла, — против своей воли Иоганну пришлось признаться себе, его очень обрадовало, что Евгений назвал его своим другом. — Ты просто строишь иллюзии, Иоганн, не так ли?

— Я верю тому, что вижу. По крайней мере, так было до сего момента.

Она наблюдала, как он неловко убрав прядь волос с лица, поболтал руками в воде. Он выглядел вялой рыбой, чьи плавники потеряли равновесие. Водный поток играл ее длинными волосами, укладывая их изящными волнами на коже.

Иоганн осознал, что таращит на нее глаза.

Очевидно, она приняла его взгляд за приглашение, так как поднялась и побрела мелкими шажками к берегу. Рыбий хвост исчез, вместо него появились две длинные ножки. Она вскарабкалась на берег и распрямилась, укутанная блестящей водяной оболочкой. Иоганн смущенно заморгал, желая отвернуться, но не мог оторвать взгляд. Он видел обнаженных женщин — недалеко от Москвы люди купались в речке Яузе, даже русские девки не стыдились раздеваться. Но эта девушка здесь была другой. В свете белой ночи тело ее сверкало, как отполированная слоновая кость. У нее был взгляд хищника, упругими шагами приближающегося к своей жертве.

— Ты с ума сошла? — крикнул он. — Тебя можно увидеть!

Игривым жестом она раскинула волосы по плечам так, что они покрыли все ее тело.

— То, что мы видим, ничего не значит. Совершенно ничего! Помнишь? Ты ожидал покойницу и покойницу увидел. А для рабочих с той стороны я — туманный шлейф.

— Крестьяне провели русалью церемонию, чтобы ты не выходила из реки, — заметил он, пытаясь сгладить неловкость ситуации.

Белая девушка осталась стоять. Черно-зеленое мерцание ее волос манило его, руки сами к ним тянулись. В этот момент им овладело страстное желание, обжегшее его грудь, как нож разбойника с большой дороги. В другой день можно было бы подумать, что это тоска по Кристине, но он стеснялся себе признаться, что это желание обнять здесь эту женщину. Не Кристину, нет, а эту чужачку с медовым смехом. Другая часть его разума заставляла помедлить. Только сейчас Иоганн заметил, что поблизости не видно ни одного зверя.

Ни один листок не шевелился.

— Эти глупые церемонии никогда не помешают нам идти туда, куда мы хотим, — произнесла русалка.

Она подошла так близко, что Иоганн уловил слабый запах тины от ее волос. Чистая красота ее лица пленила его.

— Мы не должны, — прошептала она. Мелодия ее голоса была ласковой волной,

которая одержала победу над его колебанием. Однако последнее сомнение заставило его помедлить. В ее черных глазах блуждало нечто вроде желания убить.

— Посмотри, — произнесла белая девушка и вытянула вперед правое плечо с, выделявшимся на нем, рубцом. — Эту рану нанес мне твой город. Меня только ранило, других же разорвало на части вашими острыми сваями или убило вашим оружием. Дно Невы похоже на поле битвы, железо убивает нас.

От злого смеха у Иоганна мороз продрал по коже, и волосы на затылке стали дыбом. Ему казалось, что от гнева ее глаза потемнели еще сильнее, и в один момент он смог себе представить, как изогнутый рот, напоминавший дугу ласточкиных крыльев, ловил и раздирал рыб. И не только рыб.

Он чувствовал себя, как в лихорадочном дурмане, одна часть рассудка говорила ему, что он проиграл, но к его удивлению девушка шипела все тише и отступила назад. Оцепенение спало с него, как тяжелый плащ. Он моргнул.

— Ты знаешь, что с тобой сделает царь, если он тебя найдет?

Внезапно она стала серьезной.

— Ты его знаешь — царя?

— Однажды я с ним встречался — в Москве, когда он приезжал в слободу. И сейчас я часто его вижу, когда он бывает на верфи.

— Кто он?

— Ну, пресветлейший и державнейший великий государь и великий князь всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец.

— Я не то имею в виду. Я хочу знать, что он за человек.

Иоганн наморщил лоб, подбирая слова. Еще никто и никогда не просил его дать такую оценку.

— Ну, — произнес он, наконец, — он очень любознательный. Он не только царь, но и токарь, корабельный плотник, пиротехник и гравер. Он даже научился выдирать зубы, — Иоганн откашлялся. — Он очень прилежный зубной врач, и все, кто находится от него поблизости, пытаются скрыться, когда у них болит зуб, из опасения, что он этот зуб тут же вырвет.

— Следовательно, он не слишком тактичный.

— Он вспыльчивый, как и большинство правителей. Перед ним нельзя показывать никакую слабость.

— Что это значит?

— Ну, например, боярин Головин был у него однажды в гостях и отказался от закуски, потому что не переносил уксуса. Тогда царь Петр схватил его и стал в него насильно запихивать салат с уксусом, пока у того кровь из носа не пошла. Царь велик и нетерпелив. Он жестокий, но очень умный.

— С его стороны очень умно, строить этот город? — засмеялась она с издевкой.

— Вы не сможете этому помешать, — ответил он. — Сколько вас пятьдесят? Сто?

— Бессчетное количество, — произнесла она тихо. — Раньше нас было намного больше, но мы умираем. Ваше присутствие отравляет нас. Если мы этой зимой ляжем в ил Невы, чтобы спать, пока не растает снег, мы больше не проснемся.

— Евгений говорил мне, что вы не можете покинуть дельту Невы.

Он вздохнула.

— Мы бы сбежали с удовольствием. Настало время нам возвращаться в глубину. В

сердце моря. Но мы связаны обещанием, которое дали давным-давно. Наши жизни против человеческих жизней. Мы обязаны жизнью нашему спасителю. Пока этот долг не оплачен, мы должны ждать здесь.

— Кому вы дали это обещание?

— Это было так давно, что его имя затерялось в волнах.

— Вы даже не знаете, кому давали обещание? А что, если он уже давно умер? Когда это было?

Неуверенность промелькнула на белом лице.

— Триста лет?

— Что? — пришел в ужас Иоганн. — Тогда он уже давно умер!

Русалка покачала головой.

— Я слышу ночами, как журчит его кровь. Все ближе подходит он к городу. Нас связывает договор, обещание живо по сей день. У него есть с собой... залог. Мы жаждем его.

— Что за залог?

Ее рассеянный взгляд скользнул по рукам Иоганна, которые стали от работы с деревом сильными и жилистыми.

— Я не могу тебе рассказать, что это за сокровище. Слово остерегается самого себя, оно является частью соглашения. Это сокровище старше, чем мы. Нас всего лишь семеро. Шестеро вернулись в глубину моря. Только мы ожидаем здесь. Без сокровища мы — изгои. Ты можешь себе представить, каково это, быть изгоем?

Иоганн вздохнул. Ему пришло в голову, как наспех с ним попрощался отец. Здесь он был еретиком, а в немецкой слободе — недостойным женихом Кристины.

— Я жду человека, который нам приказывает, — прошептала русалка. Ее рот искривился от презрения. — Мы должны ему подчиняться, чтобы получить залог. Раньше, когда наш народ был еще силен, мы спустили воду с гор, и она обрушила целые государства в морскую бездну. Сегодня мы слабы, умирающий народ, который лишь мечтает уйти на покой.

Глава 4

ПИСЬМО

Когда Иоганн с крыльца шагнул в мастерскую, то понял, что-то изменилось. Работники не осмеливались смотреть на него, в воздухе витал шепот. Украдкой Иоганн разглядывал мужчин, еще вчера окружавших его. Возможно, они судачили, мог ли он осуществить свою угрозу. Иоганн поискал одноглазого, который проклинал царя, но в мастерской его не оказалось.

— Где этот одноглазый с седой бородой? — спросил он Михаэля.

Дядя, чистивший верстак, наморщил лоб.

— Отсутствует, — пробурчал он. — С самого утра. Я послал Марфу отправить донесение.

— Он, часом, не сбежал?

Дядя Михаэль пожал плечами.

— Думаю, да. Бедняга. Но мы должны об этом сообщить, все знают, что он сбежал. Марфа уже отправилась в крепость. По крайней мере, у него есть преимущество в несколько часов.

В этот момент Иоганн почувствовал себя плохо. Это его вина, что сбежал крепостной. Он на него нагнал страха. Когда надзиратели его поймают, то притащат назад и так жестоко накажут, что он станет больше мертвым, чем живым, а в худшем случае ему даже грозила сметная казнь. Он заметил, что Иван пялится на него поверх пилы, которую протирал промасленной тряпкой. Внезапно его осенила мысль, что Иван также имел все основания, ненавидеть царя.

Работа показалась ему труднее, чем обычно.

Послеобеденное солнце подсвечивало пыль от пилы, вуалью кружившую в воздухе. Иоганн вырубал поперечные стойки для каркасов, подножек и угловых опор. Он измерил опорные блоки, вогнал гвоздь в ароматную буковую древесину и соединил вместе промаркированные поленца, чтобы докеры Трезини смогли их завтра в правильной очередности погрузить и разгрузить.

Митя весь день не показывался на глаза, но Иоганн увидел в окошко мастерской, что Марфа к вечеру вернулась из крепости и напрямик направилась в дом.

— Я за разделочным ножом, — быстро сказал Иоганн и помчался через двор.

Когда он ворвался в горницу, Марфа вздрогнула. Она молча сидела за столом, положив на него локти, и пристально на них смотрела. Он заметил, как она бледна.

— Что случилось? — крикнул он.

— Тихо! — прошипела она. — Не ори на всю мастерскую.

Она сглотнула и так энергично потерла глаза, что Иоганн подскочил к столу и схватил ее за запястья.

— Марфа, — сказал он тихо. — Скажи мне, пожалуйста, что случилось! Это как-то связано с крепостным?

Она яростно покачала головой.

— Нет... я не знаю. Его хозяина известили. Это не наше дело. Нет... я кое-что видела.

— Что, Марфа?

Хрупкий лед растаял в ее глазах, суровость Марфы испарилась, осталась лишь

напуганная женщина. Иоганн ужаснулся тому, как его смущала эта слабость.

— Кошку, — произнесла она глухо. — У Томаса Розентроста. Я хотела получить новую мазь для спины Михаэля, и тогда Томас показал мне кошку...

Она набрала воздух, и Иоганн не спрашивал дальше, оставив ей время, чтобы подобрать слова.

— Язык висел у нее из пасти. Томас сказал, она лежала у его дверей.

— Ну и что? Врачу, который препарирует зверей, люди часто приносят мертвых животных. Возможно, она сдохла у него на пороге.

Марфа яростно затрясла головой.

— Кошку утопили. У нас тоже висела одна... несколько дней назад. Я ее сняла и выкинула.

— У нас? А почему ты ничего не сказала?

— Я не хотела, чтобы узнал Михаэль. Я надеялась, что это лишь жестокая шутка, — ее голос опустился до шепота. — Эту кошку тоже кто-то утопил, а затем подвесил. На гвозде, у нас на двери. Я проснулась ночью, потому что услышала стук. Тебя... не было в постели. Я подошла к двери, но увидела лишь кошку. Ты знаешь, что это означает?

Иоганн напряженно размышлял. Что-то показалось ему знакомым; в Москве он видел картинки, переходившие в строжайшей секретности из рук в руки. На них изображался кот с длинными усами. Внезапно ему стало холодно.

— Царь? Люди, которые над ним насмеваются, называют его немецким котом. Потому что он носит усы. Ты думаешь... кто-то угрожает царю?

— Если не царю, так нам, — заметила Марфа. — Это угроза. Я долго разговаривала с Томасом. Все время всплывает кошка. Иоганн, ты же знаешь, что в этом городе денег больше, чем кошек, кто-то должен был ее откуда-то принести.

Иоганн с содроганием подумал о крепостном, который вчера ему угрожал. Следовательно, тот знал о тайном заговоре. Внезапно он почувствовал себя голым и незащищенным.

— Мы должны сообщить об этом. Царь не допустит, чтобы кто-то готовил против него заговор.

— О, я знаю, — горько произнесла она. — Поверь мне, он не оставит камня на камне, если об этом узнает.

Внезапно она смущенно посмотрела на Иоганна, а в следующее мгновение схватила его за руку.

— Иоганн, — попросила она. — Скажи мне, где ты бываешь по ночам. Ты ненавидишь этот город, я знаю. Но ты же не позволишь себя уговорить, предпринять что-то против царя?

— Марфа! — он грубо оттолкнул ее руку.

— Извини. Я... боюсь собственной тени. Но я должна знать, где ты бываешь.

— На берегу Невы, — ответил он.

— Один?

— Ну, порой там бывает рыбак. Он... я помог починить ему лодку.

Большой правды потребовать у него нельзя. Она посмотрела на него большими глазами.

— Ты думаешь, он друг?

Марфе, как обычно, удалось надавить на больное место.

— Я... думаю, да, — наконец признался он нерешительно.

Она с горечью покачала головой.

— Ты так ничего и не понял, Иоганн! У тебя здесь нет друзей. Во всяком случае, кто-то, кто притворяется твоим другом, пытается втянуть тебя в заговор.

В бешенстве он вскочил.

- Лучше бы я вообще тебе ничего не говорил!

Она встала и пригладила рукава. Резко отвернувшись от него, достала из своей кожаной сумки тяжелый горшок с мазью.

— Иди работать. Утром сходишь к полковнику Дерезеву, и доложишь ему о кошках.

***

Вряд ли Иоганн смог бы вспомнить, как доработал до конца дня. Плохое настроение стало еще гаже, когда вынырнул Митя и с удрученным лицом уселся на бревне. Он, не обращая на Иоганна никакого внимания, распевал все время одну и ту же песню. Наконец, Иоганн почувствовал, что тоже сходит с ума. Даже поздней ночью слышалось Митино пение, которое ветер вносил в окна и, как нежелательный подарок, заталкивал в щели между ставнями. Иоганн подозревал, что Марфе тоже не спалось. Своим вопросом о его дружбе с Евгением, она будто навалила груды камней ему на грудь. Когда Иоганн закрывал глаза, то перед ним всплывало узкое лицо, темные глаза и серьезный, плотно сжатый рот. А вдруг его действительно обманывали?

Заговор против царя мог преследовать одну единственную цель — спасти русалку. Но разве Евгений настолько глуп, чтобы выступать против войска и самого царя? Нет, решил Иоганн. Это бессмысленно. Даже если у него имелись союзники в городе, с парой крепостных многого не сделаешь. Здесь крылось нечто серьезное. Очень серьезное. Вдруг незнакомец, которым грезил русалка, приложил руку к этому делу?

Один двигался в направлении города, другой сидел здесь и топил кошек. Никакой связи между ними.

Иоганн тихо встал. Он стоял уже на пороге, когда вспомнил, что дверь скрипит. Марфа, которая наверняка вглядывалась открытыми глазами в темноту, ее бы услышала. Иоганн задумался, потом, по возможности бесшумно, влез на подоконник, выбрался наружу и тенью скользнул на другую сторону. «Все зашло слишком далеко, — стыдливо подумал он. — Сейчас я крадусь, как вор». Глаза Мити блестели в темноте, но дурачок вел себя тихо. Иоганн задался вопросом, может, он плохо вел себя с русалкой?

С дурными чувствами он помчался в сторону Невы и прождал почти два часа, пока на другой стороне реки что-то не зашевелилось. В ночном тумане Иоганн решил, что распознал узкую фигуру, плескавшуюся в воде, когда из воды появилось нечто блестящее. Издалека Иоганн не смог разобрать что это, но представил себе, как двигались мокрые тела, и через ячейки сети мелькали белые рыбы животы. Наверняка русалка загоняла богатый улов Евгению в сети. Зачарованно Иоганн наблюдал, как его друг умелыми руками вытащил добычу на берег и рассортировывал рыбка к рыбке. С плеском маленькие рыбешки оказывались снова в Неве, только больших Евгений сгружал в плетеную корзину. Невдалеке от него покачивалась лодка, свободно причалившая к сломанному кусту на берегу. К своему неудовольствию Иоганн понял, как же мало он все-таки знал о жизни Евгения. В гости его никогда не приглашали. С другой стороны, он и сам бы с удовольствием скрыл Евгения от

Марфы.

Нерешительно сжав губы, он послал тихий, резкий свист над водой. Евгений замер и огляделся. Затем торопливо переложил корзину с рыбой в крохотную лодку, оттолкнул ее и вскочил следом. Сегодня русалки не вынырнули, чтобы провести лодку по воде. Поток сносил ее в западном направлении, и когда он, наконец, прибыл, то тяжело дышал от напряжения, а на щеках горели темные пятна. При дневном свете он выглядел бы покрасневшим.

— Эй, Бремов! — крикнул рыбак и спрыгнул на берег. Быстро вытянув лодку, он подошел к Иоганну. Его лицо смотрелось еще более худым, будто после бессонной ночи.

— Ты где был вчера и позавчера? — спросил Иоганн вместо приветствия.

Евгений недоуменно посмотрел на него.

— Я должен оправдываться? — парировал он. — Занят был.

Иоганн хотел дать отпор, но недоверие, как собака, от которой так просто не отделаться, не покидало его.

— Значит, занят был, — проворчал он.

Евгений ухмыльнулся и дружески пихнул его в бок.

— Что с тобой? Как я слышал, общества у тебя было предостаточно. Даже новый друг появился, правда, к сожалению сумасшедший. Но что от вас, иностранцев, ожидать?

— Тебе русалка рассказала?

— Если не русалка, тогда волны.

Иоганн глубоко вздохнул и огляделся. Затем указал Евгению, следовать за ним вверх по течению к иве. Там они уселись на берегу.

— Ты знаешь, что Митя может с ней разговаривать?

— Я бы не называл это разговором, — ответил Евгений. — Но дураки друг друга понимают всегда.

— Русалка рассказала мне о залоге, — твердым голосом продолжил Иоганн. — Ты не знаешь, кем она грезит?

— Она тебе рассказала? — глухо спросил Евгений.

Иоганн прямо-таки почувствовал, как друг от него отодвинулся и оцепенел. Может он хотел, чтобы этот вопрос не задавали? Евгений явно сглотнул и промолчал. Сегодня ему не удавалось, скрыть свои чувства. Иоганн почувствовал, что покраснел, и тайком клял русалку. Может таким способом она хотела посеять между ними раздор? Но зачем ей это было нужно?

— Ну, она мне не все рассказала, — попробовал он исправить ситуацию.

— Ох, того, что она рассказала, вполне достаточно, — язвительно ответил Евгений.

Иоганн прямо таки услышал слова, которые его друг произнес в мыслях: «Сперва ты отбираешь нашу землю, а теперь вмешиваешься в наши тайны». Но Евгений его удивил.

— Об этом нужно было тебе уже давно рассказать, — произнес он спустя некоторое время. — Это давняя история. Ты не поверишь, но моя бабушка ни о чем другом не говорит. Легенда о залоге для нас является молитвой, — он откашлялся и задекламировал, как сказочник. — Сокровище лежит в кулаке. Кулак засунут в ракушку, которой нет. Ракушка находится в мешочке из желтого бархата. Мешочек — в ларце, ларец — в сундуке, на котором изображена крылатая рыба. Мы помешались на этом сокровище, и дурак о нем мечтает. Возможно, эту ракушку, мешочек и сундук действительно кому-то отдали. Но я считаю, русалки могут долго ждать, — он глубоко вздохнул. — Я уверен, что они смогли бы

покинуть Неву, если бы перестали верить в эти пророчества.

— Но они в них верят, — повторил Иоганн.

Украдкой он наблюдал за своим другом со стороны. «Если русалки не уйдут, они умрут», — думал он. Единственный способ не погубить их состоит в том, чтобы вообще не строить город. Кто непременно хочет построить этот город? Царь. Если бы царь умер, архитекторы бы вернулись в свои страны, так же, как солдаты, подкопщики и крепостные. Не этим ли путем хотели следовать заговорщики?

— Почему ты так ненавидишь царя? — внезапно спросил Иоганн. Евгений резко поднял голову. — Я имею в виду, как далеко ты собираешься зайти, чтобы спасти русалок. Убьешь царя?

— Я пойду напролом, Бремов, — предостерегающе произнес Евгений. — Что ты хочешь?

— Не знаю. Я только думаю...

Глаза Евгения сузились. Голос задрожал от бешенства.

— А, теперь я понимаю, — выплюнул он сквозь зубы. — Русский рыбак посягал на царя и на нас, конечно.

— Ты так часто озвучиваешь, что ты мой враг... и я... я о тебе ничего не знаю. Возможно, я просто олух, который не замечает, что является фигурой в каком-то заговоре.

— Ты знаешь обо мне больше, чем все остальные в этом адском городе, — набросился на него Евгений. — Ты думаешь, я с врагом бы здесь расселся? Боже мой, Бремов, деревянный столб понимает лучше, чем ты, — он яростно стряхнул песок с брюк. — Заговор — это чушь!

Иоганн не ответил. Он никогда бы не признался, как ему полегчало, хотя Евгений его и оскорбил.

— Кто-то хочет нас убить, — наконец, откровенно объяснил он. — И, может быть, и царя. Я хочу разгадать, что же все это означает. Возможно, имеется какая-то связь с русалками. Ты случайно ничего не знаешь об утопленных кошках?

Изумление Евгения было неподдельным.

— Кошках? Если б ты говорил о людях, я бы ответил, что моя русалка могла приложить к этому руку, — он тихонько рассмеялся.

— А мне не до смеха, — резко сказал Иоганн.

— Мне тоже, — ответил Евгений. — Ты дерешься, как русский, работаешь, как раб, на царя, и боишься парочки сумасшедших, которые настолько смелы, что топят кошку. Твое немецкое предместье должно быть стало настоящей комнатой для прислуги. Ну, добро пожаловать в Российскую империю! Это не последняя угроза, которую ты получил в жизни.

— Возможно, — согласился Иоганн и немного успокоился.

— Бремов, — позвал Евгений решительно. — Я вот что скажу, если тебя кто-нибудь тронет, я его утоплю здесь собственноручно. Он будет жрать тину, пока не задохнется.

Иоганн засмеялся. Внезапно его заботы рассыпались, как горсть песка в воде. Евгений прав. Слишком быстро он позволил себя запугать. Утром он доложит, а потом полковник Дерезев и царь Петр пусть самолично решают эти вопросы. Он изумился, как же важна для него дружба Евгения. Он никогда так не относился к людям, за исключением, возможно, своих братьев.

— Это все, о чем ты хотел рассказать? — спросил Евгений. — Или в твоей жизни происходит еще что-то действительно важное?

Выставить себя на посмешище? Тем не менее, Иоганн решил сбить с Евгения немного спесь.

— Ты когда-нибудь уже целовался с девушкой? — спросил он.

— Нет, а зачем? — быстро ответил Евгений.

— Я уже.

— Да? — Евгений демонстративно зевнул и снова уселся. Закинув за голову скрещенные руки, он уставился в небо.

Иоганн усмехнулся.

— Ее зовут Кристина, — рассказывал он далее. Было приятно произносить ее имя, не заслужив при этом придирчивого взгляда Марфы. — Она дочка одного купца и живет в Москве. Когда я уезжал, она подарила мне портрет.

— Ну, да. Ты, кажется, втюрился. Она тебя тоже любит?

— Да, конечно.

— Она тебе это говорила?

— Не напрямую, — заколебался Иоганн. — Она очень стеснительная.

— Самое то, для такого крикуна, как ты, да?

— Эй!

Смеясь, Евгений встретил удар, который попал ему в руку. Он проворно увернулся и от второго удара.

— Как тебе это удалось? Ты поймал ее и прибил рукава к двери? — поинтересовался он с безопасного расстояния.

Иоганн заметил, что покраснел. Как Евгению удалось так близко подобраться к истине?

— Ну, что-то на подобию, — признался он, в конце концов.

У Евгения окончательно округлились глаза.

— Ах! — произнес он и снова придвинулся обратно. На его лице засияла ухмылка. — Становится все интереснее!

Щеки Иоганна запылали еще сильнее.

— Ну, в Москве существует пасхальный обычай, — нерешительно начал он. — От Пасхи до Вознесения Господнего люди дарят на улице крашеные яйца. Отклонить такой подарок нельзя. За него благодарят поцелуем. При этом все равно кто, крепостной, крестьянин, поп или лично царь. Разбить яйцо или отказаться от поцелуя считается преступлением. Я сказал об этом Кристине...

— Хорошая уловка, — сухо произнес Евгений. — И твоя Кристина была счастлива?

— Я не знаю, — правдиво ответил Иоганн. Кристина тогда покраснела и заулыбалась. Но, в сущности, она почти всегда улыбалась.

— Она красивая? — выпрашивал Евгений дальше. Его голос звучал так скучно, что Иоганн рассердился.

— Красивее всех ваших здешних баб.

— Красивее, чем русалка?

У него, почему то, мгновенно появилось чувство, что он должен защищать Кристину.

— Если бы ты ее увидел, то сразу бы в нее влюбился.

Евгений фыркнул себе под нос, задумчиво наблюдая за клокастыми облаками, мчавшимися по небу. Иоганн находил, что они выглядели, как латинский парус огромного корабля.

— Я знаю одну, которая еще красивее, чем твоя Кристина.

— Даже так?

— Да, это Елена Прекрасная.

Иоганн рассмеялся.

— Это же сказка, Евгений.

— Ну и что? — улыбнулся Евгений. В его голосе появился мягкий оттенок. — Она жила в тридевятом царстве, в тридесятom государстве. Красивая, как утреннее солнце, с шелковыми волосами, а губы — два красных лепестка. Долгое время она жила у злой ведьмы — Баба Яги. Ты знаешь, кто такая Баба Яга? Ее избушка стоит на куриных ножках и поворачивается, куда эта ведьма захочет. На свой забор она насаживает отрубленные головы. Но Елена сохранила себе жизнь. И когда ее похитил злой, костлявый Кощей, она не звала на помощь, нет, она перехитрила Кощея и сбежала.

Он хитро улыбнулся.

— Такая, как принцесса Елена, мне бы не понравилась.

— Принцесса, которая любит молодого рыбака! Этого тебе придется целую вечность. А я лучше останусь при своей Кристине!

— И жили они счастливо, и скопили крупное состояние, — усмехнулся Евгений, хотя его голос звучал сердито.

Он торопливо встал и подошел к своей лодке.

— У тебя есть нож? — резко спросил он.

Иоганн полез в карман штанов, нащупал кожаный футляр и кивнул.

— Тогда пошли, — сказал Евгений. — Или ты и мертвых рыб боишься?

***

Со времени похода Иоганна к доктору Розентросту строительные работы в Петропавловской крепости ускорились. Уже с баржи он увидел успехи. Первые фундаментные стены выросли из земли, а возведение укреплений и насыпи уже сейчас позволяли догадываться о внушительных размерах будущей крепости. В воздухе раздавались удары камнетесов, архитекторы и их подручные кишмя кишели, как муравьи, в растущей крепости. Ударами кнута и рыком надсмотрщики принуждали крепостных к работе.

В тот день Нева лениво тянулась под туманным августовским солнцем. Посудина, в которой сидел Иоганн, осела глубоко в воду. Он тщательно связал вместе стойки каркаса, который будут собирать под его руководством. Его радовало, что не придется целый день проводить в мастерской. Незаметно он поискал глазами русалку, но сегодня река, за исключением множества грузовых барж и лодок, казалась пустой. Царь Петр отбыл в Москву. В его отсутствие работы продвигались ни шатко, ни валко.

С тоской Иоганн посмотрел на гавань. Но сегодня у пристани стояли лишь несколько кораблей. Замечтавшись на мгновение, он представил себе, что стоит на своем корабле — в качестве гальюнной фигуры на носу — вырезанная из дерева русалка, прекрасные большие прямые паруса раздуты на ветру. Он бы отправился в Балтийское море, а оттуда вдоль побережья до неизведанных равнин. Его бы сопровождали русалки — лоснящиеся фигуры седлали бы носовую волну. Он перепугался, когда вода плеснула поверх стенки баржи. Мимо него пронеслось судно с раздутыми парусами — двухмачтовое фрегат с солдатами на палубе.

Разгружать деревянные доски в Невских воротах оказалось совсем не просто, но докеры свое дело знали и под руководством Иоганна сгрузили каркас на берег. Даже телега, на которой обычно возили камни, стояла наготове, чтобы строители могли на ней транспортировать большую часть каркаса.

— А, это ты! — закричал Карстен Зунд, его круглое лицо засияло. — Нужно работать быстрее, Трезини хочет увидеть каркас до захода солнца.

Работа была тяжелой, но солнечный свет и журчание реки обволакивали его, люди Зунда выполняли распоряжения, углы каркаса требовалось подогнать до миллиметра. За работой Иоганн на время позабыл о кошках, заговоре и даже о русалке. Он шустро вскарабкался на верхнюю платформу, чтобы затянуть поперечную балку, как оттуда вдруг открылся великолепный вид на Кронверк и Невскую куртину на Заячьем острове. Когда солнце уже стояло в зените, они сделали перерыв. Карстен Зунд вынул жареные кроличьи ножки и холодную капусту. Он протянул Иоганну даже граненый стакан с вином и чокнулся с ним.

— За многие заказы, Иоганн! Ты хорошо работаешь, и я надеюсь, что дядя тебе платит соответственно.

Иоганн, лишь пригубивший вино, в изумлении опустил кружку. Ему никогда даже в голову не приходило, требовать с дяди плату.

— Ну, я живу и питаюсь у него. Я его ученик, и никогда еще не слышал, чтобы ученик требовал зарплату. Обычно платят своему наставнику за учебу.

Зунд украдкой рассмеялся и по-отечески похлопал его по плечу.

— Молодец. Но посмотри еще раз на каркас, ты уже давно не ученик. Кроме того, ты умеешь вырезать, рассчитывать и даже вытачивать! И ты видишь красоту формы. Придет время, когда ты станешь на собственные ноги. Долг оплачивается единой суммой, и ты сможешь зарабатывать большие деньги. Хочешь, я поговорю с Михаэлем?

Иоганн покраснел и замялся. Чтобы сгладить неловкость, он сделал большой плоток вина с тяжелым, пряным вкусом. Оно быстро ударило ему в голову. Он почувствовал себя сильным и обрадовался похвале.

— Нет, спасибо, — наконец, произнес он. — Когда будет необходимо, я сам поговорю с дядей.

— Трезини нужны хорошие специалисты. Там, — он кивнул в сторону деревянного собора, — будет стоять самая большая и красивая церковь Российской империи. Ты сможешь стать уважаемым дворцовым плотником или столяром. Будешь изготавливать двери и деревянные панели.

Иоганн задумчиво уставился в стакан с вином.

Мелькнувший перед ним шанс исчез, но вопросы остались.

— А что будет, если царь умрет, и не будет никаких дворцов?

Мастер уставился на него, будто его спросили, что произойдет, если потухнет солнце.

— Почему он должен умереть? — удивился Зунд.

— Возможно, в бою, — поспешно ответил Иоганн. — Или от болезни, от грудной водянки или от лихорадки. Царь Петр тоже человек. Все зависят от его власти и решений, а больше всех, мы, которых он позвал в свое государство. Крестьяне нас ненавидят.

Зунд покачал головой.

— Конечно, они нас ненавидят. Все холопы ненавидят своих господ. Смотри всегда вверх, Иоганн, а не вниз, слышишь? Если ему суждено погибнуть, чему Бог

воспрепятствовать не сможет, вместо него будет править другой царь. Для хороших плотников работа найдется всегда.

Иоганн выпил еще один глоток вина.

— Я не хочу всю свою жизнь делать двери, мастер Зунд. Но за предложение спасибо.

Зунд поджал губы.

— Чем плохи двери? — спросил он сердито. — Что же ты тогда хочешь?

— Корабли, — ответил Иоганн.

Ошеломленный Карстен Зунд уставился на него, а потом рассмеялся. Широкой ладонью он оттер пот со лба и вздохнул.

— Корабли, ну-ну. Хорошо, смотри, у меня есть к тебе предложение: ты мог бы у меня заработать достаточно денег, чтобы впоследствии построить свой собственный корабль. Я знаю людей, важных людей, и на верфи тоже. Ты мог бы стать корабельным плотником, позднее — корабелом, а затем научишься ходить под парусами.

Он, откинувшись назад, теребил шейный платок и выглядел, будто за его спокойным лицом шла борьба мыслей. Рассмотрев и отбросив все планы, Иоганн с удивлением понял, что Карстен Зунд старается его переманить. Это открытие немного тешило его самолюбие.

— Для начала я хотел бы тебе доказать, что могу перед тобой открыть многие двери, — сказал Зунд. — Ты продашь мне одну из своих моделей кораблей. Мне нужен подарок для... одной важной персоны. Ты увидишь, как быстро на верфи узнают твое имя. Ты сможешь использовать эти связи, но при условии, что два года отработаешь со мной, и будешь принимать только мои заказы, — он тонко улыбнулся. — Все зависит от тебя.

На мгновение Иоганн соблазнился. От вина веки налились приятной тяжестью. Перед ним открывался прямой и незатейливый путь. На нем существовало лишь одно препятствие — его дядя. Он не мог бросить мастерскую на него одного. Уже давно дядины руки не годились для работы, а боль в суставах доставляла массу хлопот. С другой стороны, если бы он работал на Зунда, то смог бы отдавать часть заработка Марфе и Михаэлю.

— Я обдумаю, — сказал он, почувствовав себя предателем.

— Я ничего больше не желаю слушать, плотник! — закричал Зунд и залпом выпил остатки вина.

Иоганн нашел, что готовый каркас смотрелся величественно. Гордость и вино, согревая, kloкотало в его венах. Не раз наводнение разобьется об остов. Он радовался тому, что расскажет о предложении Зунда Евгению.

Когда он уже находился на пути к Невским воротам, то снова вспомнил про письмо Марфы. Он полез в кожаный мешок, болтавшийся через плечо, и поискал письмо. Оно оказалось немного помятым, но искусно запечатанным и очень официальным. Иоганна раздражало, что его колени внезапно стали ватными. Если он не виноват, то почему чувствовал себя пойманным на месте преступления? Ему необходимо доставить письмо в дом коменданта, где писарь принимал донесения. Набравшись смелости, он повернулся на каблуках и направился напрямиком к длинному деревянному строению.

— Письмо для полковника Дерезева, — пробормотал он, когда солдат перегородил ему дорогу. — От Михаэля Брема, столяра. Господин полковник с ним знаком.

Солдат, наморщив лоб, протянул руку за письмом.

— Донесение? — спросил он подозрительно.

— Так точно, — Иоганн, как мог, распрямился.

Порой он чувствовал, что возвышался над собеседником на целую голову. Солдату он не

слишком понравился, но тот письмо взял и сделал жест, означавший, что можно уходить. Иоганн облегченно отвернулся. Мурашки на шее подсказали ему, что солдат за ним наблюдает, затем он услышал бормотание и шарканье солдатских сапог. Когда он решил, что находится уже вне зоны видимости, за его спиной прозвучала команда: «Стоять!».

Без сомнения, она касалась его. Он почувствовал, что его руки внезапно онемели. Было тяжело сопротивляться импульсу, проще убежать, но предостерегающий внутренний голос разума отругал его и подчеркнул, что опасаться ему нечего. Медленно он обернулся. Солдат махнул ему рукой.

— Сюда, — приказал он.

Иоганн нерешительно подошел. Еще до того, как он достиг солдата, тот повернулся в дверях, и указал Иоганну следовать за ним. Со смешанными чувствами Иоганн вошел в комендантский домик.

— Что? — спросил он, обращаясь к спине солдата.

В этот момент солдат остановился возле дубовой двери.

— Полковник Дерезев желает тебя видеть, — кратко сообщил он, открыл дверь и скупым жестом указал на помещение.

Иоганн сглотнул. Кровь прилила к щекам, но он постарался вежливо кивнуть и последовал приглашению. В следующий момент дверь захлопнулась, и он остался один. Помещение оказалось скромно, но дорого обставлено. Отполированные деревянные панели, запах смолистого воска. У окна простой стол великолепной работы, которую оценил Иоганн. Дешевые кривые деревяшки вставлены между дорогой породой дерева — сосной. Различная древесина создавала узор. Ореховый шпон выделялся на фоне кленового. Столяр, должно быть, хорошо заработал. Иоганн с удовольствием бы рассмотрел текстуру столешницы, но на ней лежала развернутая карта, с изображением Швеции, севера Балтийского моря и части Ливонии, так же принадлежавшей Швеции. Линии и стрелки, нарисованные на ней, и военные сокращения Иоганн расшифровать не смог. Кроме них, в устье Невы цветной тушью нанесены какие-то значки. Помимо карты на столе небрежно валялось запечатанное письмо. Печать скрыта углом карты, чтобы ее не могли опознать. В первый момент Иоганн подумал, что это почерк Марфы, но затем увидел подпись, буквы которой казались более резкими и угловатыми, чем округлые буквы его тетки. Прежде чем он смог расшифровать, от кого это письмо, он услышал, как дверь отворилась и обернулся.

— Здравствуйте, господин полковник! — вежливо, как его учили, сказал он и поклонился.

Дерезев коротко кивнул в ответ и широкими шагами пересек комнату. Его сапоги стучали по деревянным половицам, как молотки. Опустившись с размаху на стул, он бросил Марфино письмо на карту. Оно оказалось не распечатанным. Установилась неприятная пауза, во время которой Иоганн гадал, предложит ли ему Дерезев сесть или нет. Его разозлило, что полковник обращался с ним, как со слугой. Подняв глаза, он уставился на столешницу.

Он в первый раз смог с близкого расстояния рассмотреть полковника Дерезева. Иоганн знал, что тот был боярином, представителем старого российского дворянства. Но в отличие от многих бояр, принадлежавших к старообрядчеству и сопротивлявшихся против всех преобразований, внедренных царем в своем государстве, Дерезев казался хорошо разбирающимся в новых веяниях. Он не платил налог на бороды, как священники и сановники, носившие их, а гладко брился. Как и царь, он носил усы, и прусская униформа на

нем сидела, как влитая. Представительный мужчина, а для своих врагов — сильный и опасный противник. Иоганн вспомнил о невысказанной угрозе, которая заставила его промолчать о местонахождении русалки, и все же опустил взгляд. А полковник смотрел выжидающе. Он откинулся назад и скрестил руки.

— Ну, что там? — спросил он.

Иоганн откашлялся и указал на письмо.

— Его написала вам моя тетья, Марфа Семеновна.

— Я так и подумал, когда увидел отправителя, — ответил саркастически Дерезев. — Я прочту ее письмо, как только ты мне опишешь, о чем в нем идет речь.

«Хорошо», — подумал в бешенстве Иоганн.

В учтивых выражениях он начал излагать свой разговор с Марфой, сообщив об утопленных кошках и предположении Марфы, что за этим может крыться какой-то заговор.

Дерезев кивнул.

— Я слышал, от вас сбежал работник, — произнес он через некоторое время. — Ты его знал?

У Иоганна волосы на голове встали дыбом. Он понял, что ступил на скользкий путь.

— Не особенно. Не лучше, чем другие работники.

Дерезев наклонился вперед.

— Но ты с ним разговаривал.

Тишина стала прямо таки ледяной.

— Да, — наконец, ответил Иоганн. — Конечно. Он же у нас работал.

— Он говорил что-нибудь о Санкт-Петербурге или о царе?

«Он уже у них, — обескураженно подумал Иоганн. — Они его поймали и допросили. А сейчас проверяют меня».

Ему снова стало ясно, что он не виноват. Чтобы Дерезев воздержался от дальнейших вопросов, нужно рассказать обо всем. Тогда с ним ничего не случится.

— Да, он говорил, что город вместе с царем утонет в Неве. Он где-то нахватался этих фраз. Но я не воспринимал их всерьез — многие крепостные жалуются на свою судьбу и ненавидят город.

Дерезев усмехнулся.

— Конечно, они ненавидят город. И вы, немцы, тоже. Что же им еще делать, кроме как работать и ненавидеть? Вас, в конце концов, они тоже призируют.

— Это неправда, — разозлился Иоганн. — Не трудно испытывать отвращение против того, кто лелеет такую ненависть. Мы для них иностранцы, еретики и антихристы.

— Какие философские мысли у плотника, — издевательски заметил Дерезев. — А как насчет тебя? Разве ты сам ни полон ненависти? Ты меня терпеть не можешь, но это твое дело. Но ты отзываешься обо мне, как о других русских, разве не так?

Иоганн молчал.

— Я не могу сказать, что особо люблю людей, которых царь Петр сюда привез, — продолжил Дерезев. — Но что бы ты ни думал, я тебе не враг. Я стараюсь удержать этот город в равновесии. Я хочу и того, и другого — и нового, и старого.

Иоганн удивлялся, почему дружелюбно-холодные слова полковника так его смущают. Разве он, Иоганн, был уже на подозрении? Он не знал, что его заставило задать один вопрос. Возможно, вино все еще творившее бесчинство в его голове, а может и Карстен Зунд, показавший ему новые возможности, и чувства притупились, будто его сдали врагу.

— Где похоронена Наташа Негловна? — спросил он.

Дережев внимательно посмотрел на него.

— Вот ты мне и скажи. Она исчезла из вашей мастерской.

Иоганна ошеломила прямота полковника. Карие глаза подозрительно смотрели на него.

— Если вы не знаете, то почему тогда сказали, что ее родственники забрали тело?

— Я не знаю, осознаешь ли ты, плотник, что я вам оказал любезность. Кто близок к огню, тот близок к пожару. А к вам пламя подошло уже совсем близко.

— Что это означает?

— Царь вас ценит, зодчие довольны работой твоего дяди. Но ты не знаешь царя, — подавшись вперед, произнес полковник. — Ты ведь жил в Москве. Разве ты не помнишь ежегодные, безумные, пьяные потехи, которые он устраивал с друзьями на улице?

Естественно, Иоганн вспомнил о маскарадах, когда друзья царя Петра переодевались в патриархов, митрополитов, архимандритов, попов и дьяконов, и, нацепив церковные знаки отличия, пели и мародерствовали на улицах. Сам же царь выступал, в основном, в качестве корабельного барабанщика или ремесленника с Фризских островов.

— Он глумится над старой верой, — продолжил Дережев. — От тебя не должно было ускользнуть, что вам, чужакам, он симпатизирует больше, чем своему народу. Царь бесстрашен, но больше всего на свете он боится лишь одного — измены. Поэтому, ткнешь в осиное гнездо и увидишь, что произойдет. Если речь идет об измене, никто не избежит его гнева, — он сделал эффектную паузу. — Даже вы.

Он глубоко вздохнул и собрался с мыслями.

— Я не могу утверждать, что ценю, что здесь так много чужеземцев. Но царь — мой повелитель, и не мне судить о его приказах. Поэтому, я скажу тебе: остерегайся подозрений и обвинений. Если кто-то учует, что ты мог принимать участие в заговоре, тогда ветер повернется. А затем ты под пытками выдашь все, что хочет услышать царь Петр, — он дружелюбно усмехнулся.

Иоганн мгновенно протрезвел.

— Это не имеет никакого смысла, — горячился он. — Я здесь чужак. Без царя мне бы здесь нечего было делать. Почему я должен участвовать в заговоре против него?

— Хватит и меньшей провинности, чем заговор. Кто-то может засвидетельствовать, что ты поешь глумливые песни про царя. Или вдруг у вас найдут картинки, на которых царь изображен в виде кота.

Иоганн не мог решить, услышал ли он дружеское предупреждение или скрытую угрозу.

— Я не знаю, кто была эта девушка, и как она умерла, — сказал в заключении Дережев. — Это правда, и тебе придется ее запомнить. Я думаю, она из дворян, и эта информация рано или поздно дошла бы до царя. Возможно, она из блаженных, которые пробуют вновь разрушить город и сорвать поденную работу строителей мостов. Пустая затея!

Иоганн расслабился. Слова звучали логично. Возможно, Дережев прав. С этого момента полковник больше не казался ему таким уж пугающим и непредсказуемым, а мир, в котором с появлением русалки все пошло наперекосяк, вернулся на круги своя. Он ошибался. Дережев ничего не знал про русалку. По крайней мере, теперь у него на одного врага меньше. Улыбнувшись в ответ полковнику, Иоганн почувствовал, как у него с души свалился тяжелый камень. Впервые он признался себе, что видел все в фальшивом свете. Ему повсюду мерещились лишь неотесанные московиты и коварные крепостные, но Дережев —

аристократ. Он, вероятно, учился и читал книги. Без сомнения, он был гораздо образованнее, чем Иоганн мог себе представить.

— Ну, давай теперь посмотрим, что мне пишет твоя тетя, — сказал примирительно Дерезев и склонился над столом.

Иоганн наблюдал за руками полковника. Красивой формы, жилистые кисти, по ним и не скажешь, что они могли держать оружие и размахивать плеткой. Когда Дерезев потянулся за, лежавшим на краю письменного стола, письмом Марфы, рукав мундира немного задрался. Показалась светлая кожа. В первый момент Иоганн заметил только, что рука полковника там, где на нее падало солнце, намного темнее, чем предплечье. Второе, что он увидел, это царапины. Аккуратно проведенные, как по линейке, четыре глубокие царапины. Следы от когтей, вероятно, кошачьих. В следующий момент рукав снова опустился, как занавес в скоморошьем балагане. Полковник Дерезев откинулся назад и развернул письмо.

Иоганн покрылся потом. Возможно, это случайное совпадение. Царапины могли появиться от чего-то другого. Но если какая-то кошка и нанесла Дерезеву эти травмы, что это означает? Тем не менее, давящее чувство опасности говорило ему совсем другое. Он попал в логово волка, и, облизав сухие, как древесные опилки, губы, почти перестал дышать. Если бы Дерезев поднял глаза от письма, то он бы понял, что Иоганн видел царапины. Как можно быть таким глупцом, чтобы поверить полковнику? На ум пришел крепостной, и в нем забурился страх. С внезапной ясностью он понял, что произошло с тем мужиком — его труп уже никогда не найдут.

Сосредоточенно Иоганн уставился на стол и письмо Дерезеву, все еще наполовину прикрытое картой. Читать кириллицей, тем более, вверх ногами, оказалось тяжеловато. Над фамилией указано место, откуда пришло письмо. Есенгород. Город, из которого был родом крепостной. Фамилия отправителя накарябана маленькими буквами. «Карпаков», в конце концов, разобрал он. Расшифровать имя ему не удалось.

— Мы разберемся с этим делом, — сказал Дерезев и отложил письмо Марфы. — Скажи своему дяде и тете, что они по-прежнему должны хранить молчание. Хорошо, что они прислали тебя, а не пустили эту историю с кошками в народ. Я не хочу слухов.

Иоганн кивнул. Нужно делать вид, что ничего не случилось, и не казаться слишком любезным.

— Спасибо, — произнес он и слегка поклонился.

Полковник еще раз испытующе глянул на него и отпустил коротким кивком. Иоганн не мог вспомнить, как покинул комнату. Все, что отложилось в памяти, так это его шаги, грохотавшие по половицам. Какой-то солдат вылупил на него глаза. Остановился он лишь у Невских ворот и глубоко вдохнул. Хоть воздух реки был свежий и чистый, он задышался от эмоций. Дерезев и заговорщики! Он подумал, стоит ли довериться дяде, но решил этого не делать. Ему стало ясно, что у него нет никого, кому бы он мог довериться. Никому, кроме... Евгения. Он вновь испугался, вдруг Дерезев за ним наблюдает и знает о его прогулках по берегу Невы? Нужно предупредить Евгения!

— Эй, ты с нами или как?

Иоганн вздрогнул и заметил, что баржа собралась отчаливать. Через ров из зеленой воды ему презрительно ухмылялся паромщик. Ничего не ответив, он разогнался и перепрыгнул на скользкую палубу.

Ночью ему приснилась Елена Прекрасная и избушка на курьих ножках. На горбыль насажен кошачий череп. Елена улыбалась. У нее было лицо русалки, а из плеча торчал деревянный кол. Снова возникло чувство, что он попал в ловушку и задыхался. Лучше всего было бы сейчас открыться Евгению. Успокойся, приказал он себе и заморгал в утреннем свете. Иван уже оделся и приглаживал теперь волосы. Выглядел он уставшим и таким старым, что Иоганн непроизвольно задался вопросом, как долго еще протянет крепостной. Украдкой он наблюдал, как старик пощупал бороду, будто боялся, что царь ночью проник в каморку и лишил его бесценного сокровища. Затем старик встал и зашаркал наружу.

Иоганн бы с удовольствием повеселился над таким поведением, но со вчерашнего дня ему этого больше не хотелось. Его мучили подозрения. Должно быть Иван...? Он торопливо вскочил, спихнул в сторону одеяло и поднял деревянную крышку лавки, еще прогретую после сна. Сундучок лежал там, куда его положили. Однако он его вытащил и открыл. Ничего необычного там не обнаружилось. Никаких подброшенных рисунков кота с усами, как у царя. Он облегченно вздохнул, но затем ему взбрело в голову, что на месте заговорщиков припрятал бы картинку поглубже, и начал вытаскивать и разворачивать письмо за письмом. Ангельская рассеянная улыбка на портрете Кристины, новости от Симона и другие письма, ничего подозрительного. Наконец, добравшись до последнего куска бумаги — старого письма от дяди Михаэля, Иоганн его вытащил и повертел туда-сюда. Но вдруг насторожился. Это было, без сомнения, письмо. Но такое чувство, что видел он его впервые. Это эскиз сундука, который дядя давным-давно изготовил для какого-то аристократа. Потребовалось большое мастерство, чтобы создать такую сложную резьбу и инкрустацию, а на филигранном гербе — изображение крылатой рыбы.

Как ни странно, жизнь дальше текла по-старому.

Марфа успокоилась, потому что новости об утопленных кошках дошли до Дерезева.

Но Иоганну вся эта ситуация представлялась домиком с соломенной крышей, который может рухнуть в любой момент или вспыхнуть, как факел. Как-то зашел Карстен Зунд, чтобы обсудить новые планы, но Иоганна за проделанную работу не похвалил. Иоганн осознал, что для архитектора это игра с высокими ставками. Желая переманить Иоганна, он решил Михаэлю не показывать, что ценит его ученика. Однако он бросил одобрителный взгляд на модель корабля «Святой Павел» и подмигнул. В этот момент Иоганн решил никогда и никому не продавать свой корабль.

Много раз он проверял, на месте ли бумага с наспех набросанным эскизом сундука с гербом. Митя не показывался. Иоганн какое-то время раздумывал, не разделил ли юродивый судьбу мятежных крепостных, но успокоился, узнав, что дурачок по местным представлениям — святой. Никто бы не осмелился причинить ему вред, даже Дерезев.

После обеда прибыл новый обоз из Москвы, и, воспользовавшись возможностью, Иоганн заторопился за Иваном к верфи, где продавались товары и раздавали письма. Его

замучила совесть, когда он увидел, что люди передают письма вознице, который на следующий день отправлялся в обратный путь. Определенно, Кристина с тоской ждала новостей от него, а он же, напротив, ни разу не подумал написать в ответ. Из Новгорода прибыли новые рабочие, их отводили к надзирателям. Иоганн, купив муку, сахар, дорогие пряности и маринованные травы, сложил покупки в большой мешок, который дала ему с собой Марфа. Иван оставался молчаливым и с неподвижным лицом смотрел, чтобы большая часть груза досталась Иоганну.

Другие крепостные были такими же старыми, как и Иван, но тащили так много, что их покачивало. Иоганн торопился, так как ему казалось, что Иван все время украдкой оглядывался, будто боялся, что на него нападут и остригут. Иоганн считал, что за ним наблюдают, и ему повсюду мерещились тени мертвых кошек. Конечно, он попал в поле зрения людей Дерезева, они его разглядывали, но делали вид, что ничего не случилось. Ему нужно сохранить трезвый ум. Евгения он нигде не смог обнаружить, но ему повстречался помощник аптекаря, несший, завернутую в тряпку, рыбу. Хвост, торчавший из свертка, был аккуратно обрезан. Евгений аналогично готовил свою рыбу на продажу. Русалки лакомились плавниками рыб с таким же удовольствием, как девчонки яблочными дольками, и Евгений отдавал их им из своего улова.

— Пойдем, — пробурчал Иван.

Иоганн ошеломленно посмотрел на него. Впервые Иван выразил свое желание.

— Да, — ответил он. — Конечно, мы готовы. Дай мне мешок, его нужно вернуть в мастерскую.

Иван посмотрел ему через плечо, а потом опустил глаза.

— В чем дело? — тихо спросил Иоганн.

— Ни в чем, — пробормотал Иван. — Бог положил на тебя глаз. Это все.

— Что ты имеешь в виду?

Иван сосредоточенно разглядывал покупки. Не поднимая глаз, он произнес:

— Юродивый. Он следует за тобой уже целый день, но держится у тебя за спиной.

— Где он теперь? — прошептал Иоганн.

— За мастерской резчика. Он за тобой наблюдает из-за угла.

— Хорошо, иди, я позже догоню.

Иван посмотрел на него в ужасе.

— Я же тебе говорил, держись от него подальше! Еретику, как ты, он принесет несчастье! — и умолк. Ему стало ясно, что этими словами он оскорбил племянника своей хозяйки.

— Хорошо, Иван. Даже если это и так, то несчастье я навлеку на себя самого.

Прежде чем Иван смог ответить, Иоганн развернулся и зашагал к мастерской резчика. Естественно, Митя исчез. Иоганн повернул направо, прошмыгнув за дом и поставил свой мешок. Затем он прокрался за угол. Расчет оказался верен. Как ребенок, пытавшийся спрятаться, Митя пробрался вперед. Стоя за домом спиной к Иоганну, он выглядывал из-за угла. На его плечах болтался потертый солдатский мундир, сквозь изношенную ткань просвечивала на удивление чистая кожа.

— Эй! — тихо произнес Иоганн.

Юродивый обернулся. Быстрее, чем думал Иоганн, в воздухе сверкнул нож и спустя мгновение просвистел возле его руки. Он, не раздумывая, выбил из рук дурачка нож, который, описав широкую дугу, отлетел в сторону. Митя зарыдал. Иоганн немедленно его

отпустил. Руки у него дрожали.

— Митя, ты с ума сошел? — прошипел он и мгновенно осознал, как глупо прозвучал вопрос. — Это же я!

— Кошки и царапины, — ответил угрюмо Митя, рассеянно разглядывая ладони Иоганна.

Только теперь Иоганн заметил, как у него колотится сердце, и увидел, что от ножа остался крошечный порез. Идеальной формы капелька крови вытекла наружу, образовав большую жемчужину. У Мити расширились глаза. Затем он просиял, глядя на Иоганна, будто только сейчас его узнал. Иоганн, поборов раздражение, вытащил второй рукой из кармана рисунок.

— Вот! — шепнул он. — Смотри, ты об этом мечтал?

Митя бессмысленно глянул на эскиз сундука с летающей рыбой, и пожал плечами. Нож, и откуда он вообще взялся, полностью исчез из его памяти.

— Сокровище в кулаке, — запел он себе под нос. — Кулак сунули в раковину, которой нет. Раковина лежит в мешочке из желтого бархата, мешочек — в шкатулке, а шкатулка — в сундуке, на котором изображена крылатая рыба.

«Итак, — подумал Иоганн. — Это правильный герб и сундук».

— А сокровище, что это за сокровище?

— Что это за сокровище? — пропел Митя дальше.

Иоганн не позволил ввести себя в заблуждение. Юродивый понимал его прекрасно. Митя не был таким уж сумасшедшим, как все думали. За безумием работал спутанный, но острый ум.

— Ты и я, — пропел дурачок. — Мы пили вино в царских палатах... ты красива, красива, Баба Яга костяная нога!

Он смял бумагу и сделал движение, как будто засовывает ее себе в рот.

— Стой! — крикнул Иоганн и схватил Митю за руку. — Не играй со мной в эти игры. Твоя русалка умрет, если ты мне не поможешь. До тебя дошло?

Митины глаза казались серебряными каплями ртути на белой тарелке. Внезапно он заплакал. С брезгливым лицом он приблизился к Иоганну и уселся рядом на корточки. Его туловище раскачивалось взад-вперед, взад- вперед.

Иоганн собрался с духом, бумага в его руке не только измялась, но и испачкалась кровью. Он сунул палец в рот и слизнул кровь. Когда он снова посмотрел на палец, то кровь текла уже не каплями, а ручьем. «Кровавые жемчужины», — подумал он. Мысль щелкнула в его голове, как шестеренчатый механизм.

— Сокровищем является жемчужина? Точно, это — жемчужина! Ты мне ее показал тогда, когда споткнулся и поранился.

Дурачок так резко тряхнул головой, что Иоганн испугался, вдруг она у него закружится, и он упадет. Лишь после того, как он схватил Митю за руку, тот вновь успокоился и заморгал.

— Сокровище сверкает в небесной короне, — проникновенно прошептал ему Иоганн. — Это ты мне говорил, рыба, целующая облака, пожирает ее. Ты ведь имел в виду летающую рыбу, не так ли? Она лежит в этом сундуке. Жемчужина.

Митины глаза расширились.

— Она красная, — вырвалось у него, а затем он хлопнул себя ладонью по рту.

Глава 5

БАБА ЯГА КОСТЯНАЯ НОГА

Иностранные ремесленники постепенно сплотились. Встречаясь по вечерам, они гадали о новых планах и болтали об инцидентах с утопленными кошками так долго, пока те не перешли в разряд анекдотов. Позднее, когда дети и внуки будут расти вместе с новым городом, эту странную историю расскажут ночью у огня, пока снаружи бушует метель, а дельта Невы засыпана сугробами. Но сейчас на улице лето, и городу, чтобы вырасти, понадобится еще много времени. В один из таких вечеров Михаэлю с Марфой нанес визит Томас Розентрост. Когда Иоганн вернулся из мастерской, врач сидел у огня и осматривал обнаженную спину старого мастера. Возвышающимися костистыми корнями выпирали вперед позвонки, которые ощупывал Томас Розентрост. Лицо дяди Михаэля кривилось, но он не пикнул, когда врач подвигал его рукой туда-сюда, проверяя подвижность плечевого сустава и высказывая свое мнение об опухших коленях. Впервые Иоганну бросилось глаза, как постарел его сильный дядя. Неудивительно, что он уже с трудом справлялся с работой.

— Город не для тебя, — заявил, наконец, Томас Розентрост. — Влажность вытаскивает все тепло из твоего организма. Твои суставы распухли.

Под озабоченным взглядом Марфы он вынул и начал прилаживать банку для кровопускания.

В тот вечер Иоганну не представилась возможность расспросить дядю про этот сундук. На следующий день у Михаэля поднялась температура, и Марфа никого к нему не пускала. Несколько раз Иоганн под разными предлогами уходил на берег Невы, но русалка так и не показалась. Лишь разок он увидел рыбий хвост, показавшийся на долю секунды над рекой. Водные существа почувствовали, что Иоганн в опасности? В конце концов, он отправился на поиски Евгения. Его лохматую черную шевелюру он обнаружил недалеко от причала. Тот как раз продавал рыбу жене подкопщика, и Иоганн, не раздумывая, направился в его сторону. У него в кармане завалялась еще пара копеек, за которыми он полез. Любой, кто за ним наблюдал, решил бы, что он хотел купить рыбы для Марфы. При виде друга лицо Евгения просияло.

— Бремов, — произнес он тихо. — Ты где был?

— Дай мне рыбу. Любую, — ответил Иоганн. — И сотри с лица эту ухмылку. За мной наблюдают.

Евгений быстро повиновался, и Иоганн почти полюбил его за то, что тот оказался настолько сообразительным и не задавал вопросы.

— Митя? Однако! Русалка поручила ему приглядывать за тобой.

— Не Митя, — сказал Иоганн и наигранным профессиональным взглядом оглядел большую пятнистую рыбу, которую протягивал ему Евгений. — Полковник Дерезев. Шайка заговорщиков действительно существует, а во главе ее стоит Дерезев.

Евгений хорошо скрывал свой испуг.

— Почему ты о нем не заявишь?

— А русалки? — ответил Иоганн. — Они являются частью заговора. Если Дерезев издаст, царь заставит их всех до одной вытащить из реки. Пока Дерезев считает, что все идет по плану, он будет молчать. Мне нужно догадаться, какой это конкретно план.

— Значит, наши пути расходятся? — сухо спросил Евгений.

Тон причинил Иоганну боль.

— Нет. Возможно, только на короткое время. Я не хочу подвергать русалок опасности. И... вас тоже. Я понаблюдаю. И прошу тебя, держись подальше от города. По крайней мере, хоть несколько дней, — он вытащил деньги и неторопливо их пересчитал. А потом пробормотал, — Я приду к иве, как только смогу.

— Нацарапай крест на коре, и тогда следующей ночью я буду там, — ответил Евгений.

— Хорошо. Сколько копеек?

Евгений глянул на него с ироничным изумлением.

— Я рыбак, а не работорговец. И со своих помощников денег не беру, — он протянул руку и усмехнулся. — А теперь покажи фокус, сделай вид, что даешь мне деньги.

Иоганн подумал о бабушке Евгения, и впихнул ему все копейки, которые у него были, в руки. Прежде чем тот успел что-то возразить, он развернулся и пошел, не оглядываясь. Ему было бесконечно тяжело оставлять друга. Теперь он снова остался в одиночестве.

***

Наконец, когда, благодаря лечению Розентроста, температура и боль в плечах Михаэля прошли, Иоганну удалось подкараулить его в мастерской. Михаэль озадаченно разглядывал письмо, о существовании которого уже давно позабыл, затем с сосредоточенным лицом осмотрел эскиз сундука. Марфа, перегнувшись через его плечо, изучала содержание письма. Иоганн знал, что она не могла прочитать ни слова, так как письмо написано не кириллицей.

— Ты хочешь узнать, для кого я тогда изготовил сундук? — пробормотал Михаэль. Его лоб разрезали глубокие морщины. В горнице воцарилась тишина. — Это было давно, и, честно говоря, имя я уже не могу вспомнить. В те времена я сделал несметное количество сундуков.

— Он должен быть дворянином.

— Естественно, — бросила Марфа. — Кто ж еще может позволить себе сундук, на котором красуется герб?

— Да, — подтвердил также и дядя. — Заказчик был крупным мужчиной, исключительно крупным, со шрамом здесь, если я все правильно помню, — указательным пальцем он изобразил линию, шедшую поперек переносицы. — Он постоянно носил длинный кафтан. Да, он был боярин и старовер. В его доме жили поп с попадьей. Он потратил много денег на строительство церкви.

— Где стоял его дом? — спросил Иоганн.

Дядя еще больше наморщил лоб, что тот стал похож на узор еловой древесины.

— Почему, ради всего святого, ты спрашиваешь меня о таких вещах? В Москве, я думаю, где-то на юге Белого города. Он настаивал на том, что работу должен сделать русский ремесленник, — Михаэль тихо рассмеялся. — Я думаю, ему бы не понравилось, что вместо этого его сундук изготовил иностранец. Я могу себе представить, что он и сегодня носит бороду и боярские дорогие одеяния. А, теперь припоминаю, его звали Азалов или как-то на подобии.

Следы русалки ведут в Москву?

Иоганн сосредоточенно думал. Русалка говорила, что владелец залога приближается к городу. Может это дворянин, прибывший из Москвы? Надо бы поспрашивать ямщиков.

Дядя Михаэль отпихнул от себя миску с кашей и повернулся к Иоганну.

— Почему ты этим интересуешься?

— Я прочитал старое письмо, ничего другого.

Марфа ничего не сказала.

***

В тот момент, когда, погруженный в мысли, Иоганн обстругивал сосновую панель — будущую часть обшивки, во дворе раздались голоса. Один из них принадлежал Карстену Зунду. Он звучал неестественно высоко и взволнованно.

— Михаэль Брем!

Встревоженный таким официальным обращением, дядя Михаэль отскочил от своего верстака, стряхивая опилки с рукавов и ладоней. Он обменялся с Иоганном быстрым взглядом. Краем глаза Иоганн увидел узкое, бледное лицо Ивана, ставшее совсем белым, как борода под ним. Мгновенно оценив ситуацию, он кивком указал Ивану, лезть под верстак. Крепостной спрятался проворно, как хорек, и чуть не уронил со стола модель «Санкт-Пауля», несколько дней уже стоявшую в мастерской. В помещение упала тень. Посетитель заполнил весь дверной проем.

— Желаю хорошего дня! — прокричал он.

Он говорил на таком плохом немецком, что Иоганн, уже даже мечтавший на русском, сильно разозлился, так как в настоящий момент плохо понимал слова.

Резким движением посетитель сорвал с головы треуголку и пригнулся, чтобы не зацепиться о дверной косяк. Он оказался таким высоким, что даже Иоганн, вероятно, доставал ему лишь до плеча. Без парика, рыжевато-каштановые волосы завязаны на затылке, а усы аккуратно подстрижены. Царь Петр.

Иоганн сглотнул, и, как другие, сделал глубокий поклон. От волнения, что напротив него стоит царь, ноги у него стали ватными.

— Какая честь, Всемилостивейший Государь, — благоговейно произнес Михаэль.

За многие годы его немецкий стал корявым. Каждое слово он произносил так, будто во рту лежал огромный кусок черствого хлеба, но царь довольно заулыбался и огляделся.

— Это мастерская человека, которого Трезини не может оценить по достоинству, — воскликнул он, потирая руки.

Иоганн, с облегчением заметив, что царь не обращает на него внимания, осторожно отошел к своему верстаку. Боковым зрением он увидел, что Иван, сидевший под столом на корточках, плохо спрятался. Незаметно он переместился так, чтобы перекрыть обзор стола. Затем он тайком рассмотрел царя. Зеленый кафтан украинского покроя и черные сапоги, доходившие ему до колен. Рубаха с жабо в полутьме мастерской, казалось, блестела. Его лицо чуть успокоилось, но порой он моргал, как будто веки сводила судорога.

Беспокойный взгляд царя, как охотничий пес, прыгал по всем углам в поисках вещей, которые его могли заинтересовать. И Петр I, действительно, интересовался всем, что видел: знаниями, красотой женщин, каждой ошибкой и неполадкой, которую он обнаружил.

Однако сегодня он вел себя на редкость дружелюбно. Не обратив внимания на почтительный ответ дяди Михаэля, царь подошел к следующему столу и сдвинул все, что на нем лежало, в сторону. Газеты, деревянные ящики и молоток скользнули на край стола. Ящик с гвоздями с грохотом свалился на пол. Все помощники подскочили и торопливо собрали гвозди.

— Смотри сюда, Михаэль! — окликнул царь. — Тебя же так зовут, или...? Михаэль?

Дядя Иоганн вновь поклонился.

— Да, Всемилостивейший Государь. Михаэль Брем. Столяр и плотник. Из окрестностей Магдебурга.

— Пруссак, значит, — царь посмотрел на него благосклонно и улыбнулся. Затем снова вернулся к своим бумагам. — Смотри, сюда. Сможешь это сделать для моих новых корветов?

Иоганн незаметно вытянул шею и глянул на изображение корабельной пушки, державшейся на невероятно высокой опорной конструкции. Одновременно ему бросилось в глаза, какие же сильные у царя пальцы. С содроганием он вспомнил историю, как царь голыми руками смог скрутить в рулон серебряную тарелку.

Дядя Михаэль побледнел. Иоганн догадался, что его не обрадовало создавать оборудование для войны. Но это был отличный шанс, работать напрямую на царя.

Одновременно ему пришли на ум слова Деререва: «Кто ближе к огню, тот ближе к пожару».

— Да, Всемилостивейший Государь, — коротко ответил Михаэль.

Несмотря на спокойствие, которое он излучал, Иоганн заметил даже через туго обтягивающую рубашку, как бьется его сердце. Оно бешено колотилось.

Царь Петр засмеялся. Его рука со свистом опустилась на больное плечо Михаэля. Иоганн увидел, что у дяди просто подкосились ноги.

— Ничего другого я и не ожидал! — вскричал царь. — Мне нужно таких шесть, размеры ты получишь. Приходи утром на верфь, осмотришь пушки. Теперь покажи, что у тебя здесь еще есть!

В своем энтузиазме и предприимчивости, которые из него сыпались, как искры из огня, он выглядел намного моложе своих тридцати четырех лет.

За спиной Иоганна раздался шорох. Пока дядя Михаэль показывал царю свои планы строительства и высказывался о преимуществах, собранного им, станка, Иоганн вернулся к своему верстаку. Будто желая убрать с него лишнее, он снял сосновую плиту и поставил ее перед столом Ивана. С красными пятнами на щеках и пленительной улыбкой в мастерскую вплыла Марфа и потчевала гостей дорогим токаем, который она так же хорошо, как и денежный ящик, приберегала для таких случаев.

Царь просиял в ответ и взял изящный бокал из горного хрусталя на серебряной ножке в форме цветка. Он почти полностью исчез в его огромной ладони.

— Как я и люблю. Принеси Петрушке бокал вина! И еще один этому немногословному толстяку Зунду! — приказал он.

Карстен Зунд подскочил, захлеб поблагодарил и выпил за его здоровье. Как Зунд, так и Михаэль внимательно следили, чтобы поднести чашу к губам только после царя.

Над хрустальным краем царь заметил Иоганна, а потом за ним на столе — «Санкт-Пауля». Иоганну стало жарко. Пустой бокал с пугающим треском хлопнул о дерево, когда царь его бросил на стол, под которым прятался Иван.

— Мой «Санкт-Пауль»! — закричал царь. Непроизвольно он снова перешел на русский. — Кто его сделал? Ты, Михаэль?

Дядя Михаэль медленно покачал головой.

— Мой племянник, Всемилостивейший Государь, — произнес он почтительно, — Иоганн. Он стоит перед Вами.

Иоганн подавил панику, надеясь, что его редко практикующийся поклон получился не слишком неуклюжим. Ему казалось, что царь буравит его взглядом. «Он теперь меня знает, — подумал Иоганн. — Я мог бы предостеречь его о ДЕРЕЖЕВЕ, но доказательств у меня нет. Даже если он мне и поверит, русалок ждет смерть». И с содроганием вспомнил мертвых существ, покачивающихся в спирте в шкафу Розентроста.

— Так, Иоганн, — крикнул царь. — Скажи мне, Иоганн, для кого ты выполнил этот заказ?

Иоганн испугался.

— Ни для кого, Всемилостивейший Государь. Я сделал его для себя.

Лицо дяди Михаэля, казалось, парило возле правого плеча царя, и Иоганн в ужасе увидел, как оно посерело. Он осознал, что ответ получился глупым. В новом городе царя Петра не было времени для праздности. Никто здесь для себя не работал.

— Так, — произнес лишь царь. — Отойди, я хочу посмотреть.

— Прошу Вас, Всемилостивейший Государь, — ответил Иоганн и, сохраняя присутствие духа, вставил, — Позвольте, я поставлю его на стол возле окна. Там больше света.

Царь опередил его.

— Давай, — приказал он, затем бережно поднял корабль, и отошел к окну.

Иван был спасен, если еще не умер там от страха. Царь Петр долго рассматривал филигранно вырезанные мачты.

— Ты даже воссоздал такелаж — и каждый узел сидит на своем месте, — бормотал он.

Иоганн отважился кивнуть, и покраснел от гордости.

— Откуда ты так точно знаешь, как выглядит мой корабль?

— Я его видел. В Архангельске.

— Я у тебя его покупаю, — распорядился царь. Безапелляционность, лежавшая в его словах, показывала, что он привык быть правителем всего мира. — Сколько ты просишь за него?

Иоганн растерянно оглянулся. Карстен Зунд шагнул вперед.

— Корабль уже продан, Всемилостивейший Государь.

По лицу царя скользнула тень.

— Это так? — он резко повернулся к Иоганну.

Лицо Карстена Зунда напряглось, и Иоганн осознал, какие цели он преследовал. Зунд хотел купить модель корабля, чтобы подарить ее царю Петру. Этот маневр Иоганн мог бы ему испортить. Язык у него прилип к небу, и ответ давался с трудом. Он, зло посмотрев на Зунда, вдруг понял, что не является игровой картой ни для него, ни для мирового владыки, и не желает ею быть. Мысль казалась такой неестественной, что Марфа и любой другой назвал бы Иоганна сумасшедшим.

— Я и в самом деле думал, его продать, — наконец произнес он. — Но теперь я передумал...

— Естественно, мой племянник Вам его подарит, — вторгся в разговор дядя Михаэль. Он вспотел.

Иоганн медленно покачал головой.

— Я... хочу его... или продать, или подарить.

Все лишились дара речи и умолкли. Дядя Михаэль судорожно хватал ртом воздух. Карстен Зунд схватился за голову. Он выглядел, будто Иоганну только что подписали смертный приговор. «Когда-нибудь ты станешь таким же сумасшедшим, как Митя», — подумал Иоганн. Ему стало дурно.

Царь разглядывал Иоганна с выжидательным выражением лица, будто только сейчас его заметил. Затем он повернулся и очень аккуратно поставил модель на стол возле окна.

— Ты и в самом деле любишь корабли, — констатировал он. — Но без корабля ты у меня не останешься. Раз не хочешь отдать маленький, тогда построишь мне большой корабль.

Затем он строго повернулся к дяде Михаэлю.

— Михаэль, ты моришь своего племянника голодом? — рявкнул он и указал на рубаху Иоганна, которая ему была великовата и болталась на плечах. — Покорми его еще пару недель и присылай ко мне. Я тебя вознагражу, — он доброжелательно улыбнулся Иоганну. — Когда ты поработаешь на моей верфи, то у тебя будут плечи, как у меня.

Он оглушительно захохотал, и погнал свою свиту из мастерской. На выходе Карстен Зунд бросил на Иоганна сердитый взгляд, и припустил вслед за царем. Раздались бормотание и топот, Марфа поспешила наружу, чтобы попрощаться.

Иоганн с Михаэлем приотстали. Они, должно быть, одинаково выглядели, оба с открытым ртом, оба бледные, с опущенными руками. «Я могу стать корабельным плотником, — пронеслось в голове у Иоганна. — Царь взял меня работать на верфь!». И задался вопросом, а не проснулся ли он после смутного сна. Его дядя наоборот, казалось, лишился сил, он с трудом добрал до следующего стола и тяжело оперся на него.

— Дядя Михаэль? — робко спросил Иоганн. В следующий момент он получил звонкую пощечину и в ужасе отшатнулся.

— Ты с ума сошел? — набросился на него дядя. — Ты совсем сошел с ума, отказывать царю в подарке?

От возмущения у Иоганна кровь прилила к щекам. Правая половина лица пульсировала.

— Он нас нанимал плотниками, а не покупал. Мы не его крепостные, — произнес он спокойно.

Дядя еще больше озверел.

— Он же царь! Как нам еще называться, нам нельзя его злить!

— А я его и не злил!

— Сегодня нет, потому что у него случайно оказалось хорошее настроение. А в другой раз и с другим настроением он бы тебя заставил расплачиваться разными способами. За ничтожный деревянный корабль.

— Это «Санкт-Пауль», — ледяным тоном ответил Иоганн.

Дядя Михаэль покачал головой.

— Игрушка это, — бросил он презрительно. — Ты с ним играешь, как играешь со своей жизнью. Боже мой, ты такой же легкомысленный и упрямый, как твой отец! Я не могу взять в толк, что происходит в твоей дурной голове?

— Что происходит в моей голове? — повторил Иоганн. — Если все так, как ты говоришь, тогда радуйся, что я уйду!

Злость и стыд за то, что дядя его ударил, глубоко засели у него в голове. Но еще большей была обида за отца.

Дядя Михаэль грустно посмотрел на него. Затем он встал, пошаркал к двери мастерской

и закрыл ее.

— Верфь — это искушение, — произнес он тихо. — Я понимаю тебя, Иоганн, гораздо лучше, чем ты думаешь. Ты считаешь, что можно спустить собаку с цепи, а затем она по одному свистку вернется обратно. Но ты себя переоцениваешь.

«Если бы ты знал, — думал Иоганн, — что за собаки шныдрют вокруг нашей мастерской».

— Царь больной человек, — тихо произнес Михаэль. — В однажды мы оба тоже станем больными. Тогда я был еще моложе, чем ты сейчас. В этой чужой стране моим единственным другом был Стефан Гаден, придворный лекарь. У него имелось полное представление о царской семье, русских песнопениях и затхлом воздухе за толстыми стенами Кремлевского дворца. Когда он приходил ко мне, мы выпивали. Царь Петр находился тогда еще в отроческом возрасте. Как ты знаешь, его отец, царь Алексей, был женат дважды. Когда он умер, новым царем стал единокровный брат Петра, Федор. Но вскоре и тот умер, ему было всего лишь двадцать и наследников у него не было. Царь Петр родился во втором браке. На самом деле первым в порядке наследования престола стоял его единокровный брат царевич Иван, но тот был слабоумным. И высокие сановники определили наследником Петра. Семья первой жены царя Алексея чувствовала себя ущемленной в правах на престол. Они пустили слухи, что Иван мертв, а убили его кровные родственники Петра, и начали подстрекать стрельцов — Кремлевскую гвардию. Стрельцов призывали к восстанию против их собственных командиров и царской семьи, — он перевел дыхание. — В мае они напали на дворец и убили сорок родственников Петра. Князь Михаил Долгорукий, командир стрельцов, был первым, кого его же собственные солдаты сбросили через перила на копья и бердыши своих товарищей. Разъяренная толпа убила двух братьев царицы, затем стрельцы убили лекаря, которого обвинили в отравлении царя Федора, — он уставился на свои руки. Они дрожали.

— Стефан Гаден, — прошептал Иоганн.

Михаэль чуть заметно кивнул.

— С тех пор я не единственный, кто не может спать. Даже царь не находит покоя, и ему снится кровь. Мы оба больны. Это болезнь недоверия. Ты теперь понимаешь, почему я не хотел, чтобы ты его злил? Для тебя он просто царь. Но я видел, что он из мести может быть палачом и кровопийцей.

— А потом... через несколько лет во время второго бунта он из мести отправил стрельцов на казнь? — спросил Иоганн.

Дядя Михаэль отмахнулся от вопроса Иоганн, как от назойливой мухи.

— Какого бунта? — презрительно фыркнул он. — Настоящих доказательств не было. Признания часто выбивались под пытками. В предъявленном обвинении говорилось, что мятежники планировали сжечь немецкую слободу, нас убить, а Софью, единокровную сестру царя, назначить регентом. Я думаю, это была чистая месть. Ты тогда еще не приехал и не видел, как он злится, — дядя Михаэль вошел в раж.

Иоганн испугался, когда представил измученные лица. Будто все кошмары и картины, стоявшие ночью перед глазами Михаэля, повыскакивали, как гномы. Лучше бы заткнуть уши, но он оцепенел от отвращения.

— Казни проводились везде — на Красной площади возле городских ворот и в войсках. На холме возле Преображенских казарм, где обычно на позорные столбы нанизаны усохшие головы преступников, царь приказал соорудить эшафот. Длинными колоннами стрельцов

согнали на это место. Они шли с зажженными свечами в руках, сопровождаемые плачущими женами и детьми. Петр даже своих придворных заставил участвовать в казнях. Сановники неуклюже размахивали топором палача, и я не хочу тебе рассказывать, как плохо некоторые из них овладели этим ремеслом. У них тряслись руки, некоторые ослабли от страха и страданий. Это был кровавый праздник мести. Он отправил на казнь более тысячи стрельцов. Отпустили лишь молодых парней твоего возраста. Казнить их он не позволил, но им предварительно отрезали носы и уши.

— Прекрати! — закричал Иоганн. Дурнота накатила волной, и он подумал, что сейчас упадет.

— Это никогда не прекратится, — ответил дядя Михаэль.

— Но почему мы тогда не остались в Москве? — разгорячился Иоганн. — Ты — свободный человек, и от царя б находились подальше.

— Будущее России там, где царь, — горько произнес Михаэль. — Петр ненавидит Москву. Он не желает жить в Кремлевском дворце, в этом лабиринте темных коридоров и покоев. Он не терпит монотонного песнопения священнослужителей, и ненавидит всех, кто придерживается старорусских обычаев. Нет, это закат Москвы. Через несколько лет никто о ней уже и не вспомнит. А здешний город станет новой столицей. Это будет прекрасный город. Великолепный. И если даже я могу поверить в его красоту, значит, так оно и есть. Но долгое время я не верил, — из его голоса исчезла злость, а морщины разгладились. — И в тот момент я повстречался с Марфой, — он устало поднялся. — Ну, ты получишь работу корабельного плотника. Этот как раз то, чего ты хочешь. Я поздравляю тебя с твоей новой работой на верфи.

Он, пошатываясь, вышел из мастерской.

— Жизнь идет дальше, — услышал Иоганн его бормотание. — Все время дальше.

***

Иоганн долго просидел, как оглушенный, уставившись на дверь мастерской, которая, как ему казалось, навсегда закрылась между ним и дядей.

Зунд оказался прав. Иоганн больше не являлся покорным учеником, который свой путь прокладывает по стопам других, он пойдет другим путем. Открывавшийся перед ним путь был тревожным и полным тайн. Он тяжело поднялся и направился к дому. Молча собрав свои пожитки, он набросил на плечи одеяло и покинул дом. Как ни странно, ему полегчало, когда он освободил свое место в доме дяди Михаэля и поселился в мастерской. Свою постель он устроил под верстаком, как можно дальше от лавок помощников. Им мешало, когда племянник хозяина находился в мастерской, лишая их последнего места для непринужденного общения, но Иоганн ничего менять не собирался.

Его тело ломило, когда он натягивал на себя одеяло. Он закрыл глаза и в первый раз после визита царя все спокойно обдумал. В общем, ему представлялось, как будто уже недели его не посещали ясные мысли, а перед его внутренним взором вихрем проносились картинки, впечатления и вопросы. Сначала перед глазами появилось лицо русалки, затем улыбка Евгения. Евгений, его друг, бедный рыбак. Но больше всего его удивляло чувство оцепенения, которое он ощущал, когда думал о работе на верфи. Еще несколько недель назад

он продал бы душу, чтобы получить возможность там работать, а теперь, когда путь перед ним открыт, не решался сделать этот шаг. Конечно, нахождение подле царя, могло оказаться опасным. История дяди Михаэля привела его в большее смятение, чем он хотел признать. С другой стороны, это был единственный путь получить все то, о чем он мечтал. Он уже почти чувствовал под своими ногами дерево гладкой кормовой палубы, слышал скрип огромных прямых парусов, и его душа летела над чернильно-синим океаном навстречу новой жизни. Пред ним открылись бы двери, и не в последнюю очередь, в доме родителей Кристины. Иоганн наморщил лоб. Однако его тоска по Кристине рассеялась где-то между Невой и мастерской. Он больше даже тосковал по Евгению. Эта мысль его встревожила. Наряду с лицом Евгения, всплывала русалка — смеющаяся, лукавая, обольстительная, ни рыба и ни человек.

Существо, которое вскоре могло лежать мертвым на дне Невы или, возможно, набитое опилками, стать главным экспонатом царской коллекции монстров и уродцев. Царь, предоставивший Иоганну будущее корабельного плотника, являлся врагом Евгения. Иоганн стоял между другом и врагом. И, честно говоря, Евгений, к которому он стремился, и его слова были важнее улыбки Кристины, а жизнь русалки — важнее кормовой палубы и чернильной синевы моря.

«Я — глупец», — думал, ужасно гордый, Иоганн.

«Моей ноги не будет на верфи, пока русалка в опасности, и план Дерезева не сорвался». Он спас бы их обоих — и русалку, и царя.

С легкостью сдвинув свою новую жизнь в сторону, он размышлял о прошлом, шаг за шагом прокручивая в голове свои выводы. Дерезев натравливал на немцев и вел двойную игру. Часть этой игры заключалась в том, чтобы скрыть существование русалки. Он обезопасил русалку от изъятия для царя. Почему? С другой стороны, русалки ждали своего господина, который принес бы им жемчужину. Она хранилась у дворянина из Москвы, боярина и старовера, вероятно, находившегося уже на пути в Санкт-Петербург. Здесь отсутствовала какая-либо связь, но Иоганн, тем не менее, блуждая в потемках своих мыслей, нащупал шелковую нить, которая привела бы его к чему-то большему, к сундуку, полному тайн.

Возможно, не так уж и плохо, что он отсоединился от дяди. Если Иоганн потерпит неудачу, Михаэль и Марфа не подвергнутся опасности. Ему бы поспрашивать ямщиков и выяснить, кто этот боярин. Вдруг некто с таким сундуком направляется в Санкт-Петербург? И поинтересоваться бы, от кого Дерезев получил письмо.

Довольный и успокоенный Иоганн закрыл глаза. Шепот обоих помощников, думавших, что он давно уснул, звучал, как шорох волн и действовал усыпляюще. Не успел он опомниться, как уже стоял на корабле и смотрел на его нос, разрезающий волны. На гребне волны блестели тела, русалка ему улыбалась и махала белой рукой. Иоганн засмеялся. Вдруг небо потемнело, и на море внезапно начался шторм. Иоганн, потеряв равновесие, ухватился за деревянный поручень. Тот оказался раскаленным, боль пронзила его руку, и он отдернул ее. Вонь горелого мяса заставила дернуться назад, но тут он увидел, что его сковали. Запястья охватывали железные кольца. Поручни превратились в раскаленный металл.

Глаза царя Петра танцевали в пламени пыток. «Где русалка?» — цедил он сквозь зубы. — «Ты знаешь!».

«Нет!» — закричал Иоганн. Отчаяние овладело им, когда он осознал, что ложь не могла ему сильно помочь. Сзади зияла пыточная камера, черная от копоти, и страшная, как врата

ада. На цепях висел пленник со включенными черными волосами — Евгений!

«Нет!» — шептал Иоганн, пока царь Петр мрачно его разглядывал. Слезы обожгли опаленные щеки. В тот же момент его рука стала прозрачной, как у привидения, он смог ее поднять и вытащить из железных оков на запястье. И поднял другую руку, все еще закованную, чтобы вытереть слезы со щек. На коже ощущалась приятная прохлада. Даже вонь исчезла, вместо нее пахло деревом и олифой, и еще немного железом и маслом. После бесконечных мгновений он, наконец, вернулся в реальность. Его разбудил не кошмар, а шорох. Кто-то открыл дверь мастерской и на цыпочках подошел к нему. В первый момент он почувствовал бесконечное облегчение и ужасную радость.

Все еще в полусне он потянулся к нему.

— Евгений? — прошептал он.

— Значит, так его зовут? — спросил из темноты знакомый голос.

Иоганн смутился.

— Кто это? — спросил он.

Голос тихонько рассмеялся.

— Твой друг, рыбак, — шаги Марфы остановились.

Иоганн глубоко вздохнул. Напряжение спало, а сон прошел.

— Ты пришла, потому что я с Михаэлем поругался?

Последовала пауза. Наконец, он произнесла:

— Нет. У меня для тебя кое-что есть.

Он услышал, как она что-то искала. Загорелась лучина, затем она зажгла фитиль свечи и поставила ее на пол. Иоганн непроизвольно подумал о дяде Михаэле, который тот час же затоптал бы свечу и прочел бы Марфе нравоучение о пожаре в мастерских. Помощники храпели. Марфа огляделась, а затем без обиняков уселась на пол напротив постели Иоганна. Только теперь он заметил большую книгу, которую она принесла и бережно положила около свечи.

Шероховатый и потертый кожаный переплет с одной стороны объели мыши. Марфа, приложив палец к губам, открыла книгу. Она осторожно перелистывала страницу за страницей, пока не нашла. Иоганн смотрел над ее рукой и узнавал многочисленные, аккуратно вычерченные, столбцы, разделенные на большое количество заполненных строчек. В крошечных надписях угадывались цифры и имена.

— Михаэль уничтожил все старые книги заказов, — пояснила она. — Сундук он изготовил пятнадцать лет назад. Раздобыть мореный дуб для сундука оказалось непросто. И очень дорого, — она, пролистав несколько страниц, начала водить пальцем по колонкам с обозначениями. На одном слове она остановилась. — Сундук с летающей рыбой, мореный дуб.

Иоганн только сейчас заметил, что от нервов у него сводило судорогой руки. Указательный палец Марфы скользнул вправо к фамилии заказчика.

— Артамон Карпаков, — прошептала она и снова захлопнула книгу. — Не Азалов, как считал Михаэль.

— Карпаков, — тихо повторил Иоганн. У него появилось потрясающее чувство, что в груди развязался узел. Охотнее всего он бы прокричал имя, но лишь улыбнулся широкой, счастливой улыбкой, и увидел в светящемся лице Марфы отражение своего триумфа. Теперь дело обретало смысл. Карпаков — это фамилия, написанная на письме, которое лежало прочитанным на столе полковника Дерезева. Карпаков и Дерезев — два ответа на

головоломку с русалкой, которые сошлись. Иоганн подскочил и обнял Марфу. Еще никогда он не был от нее так близко. Сначала она оцепенела, но вскоре не выдержала и упала в его объятия.

— Спасибо! — прошептал Иоганн. — Марфа, большое тебе спасибо! Ты мой... тайный ключик к небесным воротам Петра!

Она смущенно отстранилась и пригладила волосы.

— Скажи мне, что ты задумал? — спросила она шепотом.

Иоганн прикусил нижнюю губу. Внезапная нежность, которую он ощутил к тетке, сменилась беспокойством.

— Я не могу, Марфа. Я не хочу подвергать тебя опасности, и Михаэля тоже. Когда все будет позади, я тебе расскажу, и ты меня поймешь.

Она улыбнулась. = Я тебя никогда не пойму, Иоганн. Но именно это мне в тебе нравится. Я думаю, ты очень похож на Михаэля, в молодости он, вероятно, был таким же.

— Поэтому ты мне и помогаешь?

Она моментально стала серьезной.

— Я тебе помогаю, потому что ты смелый человек, — ответила она. — Нужно иметь много мужества, чтобы отказать царю в подарок. Твой дядя этого бы не понял, но я думаю, отважные держат мир в своих руках, — она снова улыбнулась. — Я боялась за тебя, но сейчас я боюсь, что ты не сможешь достичь своей цели. Думаю, что от этого зависит чья-то жизнь, я права?

Он кивнул.

— Это как-то связано с твоим другом?

— Да... с Евгением.

Она встала и загасила маленькое пламя. Один из помощников всхрапнул во сне, а затем с шумом перевернулся на другой бок. Из темноты донесся голос Марфы:

— Когда наступит время и тебе не придется его больше скрывать, я буду рада пожать ему руку.

***

Иоганн успокоился лишь, когда подошел к искалеченной иве. Этим летним утром небо посерело. Сильный ветер доносил до него из леса крики дровосеков. Далеко позади, на краю леса трудилась бригада рабочих, которые обрезали стволы и из последних сил волокли их в направлении города. Верхний слой воды казался серым и мутным. Иоганн бросил задумчивый взгляд на противоположный берег, напряженно размышляя, где-бы раздобыть лодку. Он подобрал парочку плоских камешков и пустил их блинчиком по воде. Израсходовав все камни, Иоганн снял обувь и побрел вдоль берега. Невский песок натирал пальцы ног, но он чувствовал себя хорошо и почти оживился.

— Эй! — прошептал ему голос из реки.

Он обернулся и посмотрел вправо, откуда донесся голос. Русалка улыбалась.

Он озабоченно огляделся, но работники, занимавшиеся загрузкой повозки, не заметили ни его, ни странную полоску тумана над Невой.

— Ты слышала мои камешки, — заметил он.

— Камешки? — произнесла она. — Нет, твое сердце бьется так громко и нетерпеливо, что даже глухой кит не смог бы при этом отдыхать, — теперь ее голос звучал сердито, рот сузился и больше не выглядел очаровательным, как раньше.

— Я не хотел тебя сердить, — признался он. — Но мне нужно знать, где живет Евгений. У меня для него важная новость!

В ее глазах зажглось любопытство.

— Я знаю, где ты его найдешь.

— Хорошо! Послушай, если я достану лодку, ты не перетащишь меня через Неву? Я видел, как вы Евгения переправляли через реку.

Русалка посмотрела на него испытующе.

— Нет, — затем решила она.

— Как ты не понимаешь? — напустился на нее Иоганн. — Речь идет о твоей жизни и о наших тоже. Я знаю, как мы сможем вас спасти! Поэтому я не могу терять времени!

Ее глаза вновь стали, как у хищной рыбы. Казалось, она принимала трудное решение — то ли посмеяться над ним, то ли утопить.

— Ну, да, — произнесла она язвительно. — У тебя нет времени ходить за лодкой. Я вообще не понимаю, чего вы хотите.

Не обращая внимания на рабочих, она наполовину высунулась из воды и протянула руки к Иоганну.

— Иди в воду, — шепнула она.

Иоганн посмотрел на ее ногти. Вероятно, они острые, как нож.

— Купаться? — только и смог вымолвить он. — С тобой?

Русалка скользнула в воду и смолкла. Иоганн решил, что она оставила его здесь. Значит, это был не вопрос, а предложение. Это длилось лишь пару мгновений. Ее лицо показалось на поверхности воды, и Иоганн внезапно обнаружил водное существо, ни рыбу, ни человека, а зловещее нечто. Жабры трепыхались возле костистой челюсти, глаза смотрели бездушно, чешуйчатая кожа натянулась на страшных, человеческих чертах.

При мимолетном взгляде в зеркало воды он почувствовал, что видит правдивый образ русалки, отталкивающий и чудовищный, но причудливо красивый. Его душило отвращение при мысли, нырнуть в руках этого существа, но затем перед ним встало лицо Евгения — человека в камере пыток из его сна.

Как ему казалось, никогда раньше он не прилагал таких усилий, чтобы сделать эти пять шагов в глубину воды. В следующий момент он попал в жесткие объятия, руки обвилились вокруг него, волосы коснулись его щек, и грудь взволнованно прижалась к нему. Иоганн сделал еще один глубокий вдох.

Шелковой шалью вокруг него заскользила вода. Течение трепало его щеки, они, должно быть, двигались с огромной скоростью. В ушах гремело журчание собственной крови. Под водой он разлепил глаза. Рядом с ними мелькали лица, похожие на русалку, но другие, так различались и люди. Огромная рука схватила его за щиколотку, вырвала из рук русалки и потащила в глубину. Его охватила паника, давление в ушах увеличилось, вода попала ему в рот, когда он рефлекторно хотел закричать. Но вот уже другая рука выдернула его, ухватилась за его затылок и начала его переворачивать, что он, уже не зная, где верх, а где низ, начал панически грести. Вокруг крутились, обвивавшие его, рыбы тела. Как вихрь, разгорелась борьба.

Под водой рядом с ним раздался, похожий на кошачий, крик. Возле него, как рыбы за

кусок хлеба, дрались русалки! Тот час же на него навалилось знакомое змеиное тело, и руки вытащили его на поверхность воды. Наконец то, в его легкие проник воздух. Они оказались невдалеке от северного берега, горбатая ива на другой стороне выглядела совсем крошечной.

— Спокойно! — велела русалка, когда он закашлялся. — Переведи дух!

Нужно двигаться дальше, вверх по течению. Лица в неглубокой воде становились все меньше. Прошла целая вечность, он уже поверил, что задохнулся, как его колени уткнулись в песчаное дно.

Русалка отпустила его. Как жертва кораблекрушения, он выполз на берег, жадно хватая ртом воздух, и испугался, что находится слишком далеко от города, дальше большой излучины Невы. Евгений проплывает такое большое расстояние?

— Иди по течению, пока не дойдешь до первых деревьев, — прошептала русалка. — Оттуда прямо на восход солнца.

Иоганн хотел поблагодарить, но плеск не дал ему сказать ни слова. Вода стекала по его одежде, и, не смотря на летнее тепло, он замерз. И чувствовал себя несчастным и измученным, все еще не придя в себя от ужаса, что другая русалка решила на него поохотиться. На подгибающихся ногах он продолжил свой путь. Если люди Дерезеваи наблюдали за его действиями, то теперь они точно уверены, что он утонул.

Дорога оказалась широкой и пустынной. Только несколько чахлах деревьев росли в окрестностях. Иоганн ожидал найти поселение, возможно, маленькую деревушку или укрепленный дом, вместо этого он увидел вдалеке лишь подобие илистого холма. Чем ближе он подходил, тем больше обнаруживалось следов, напоминавших о человеческом жилище.

На земле валялись гнилые доски, к колоде для рубки мяса, стоявшей под деревом, прилипла рыба чешуя, на другом дереве висела для просушки порванная сеть. У Иоганна появилось неприятное чувство. Непроизвольно он начал красться. Избушка оказалась настолько убогой, что дядя Михаэль не стал бы в ней даже хранить дрова. Для них она слишком сырая и затхлая. Сруб, как большинство русских крестьянских изб, из круглых бревен, уложенных одно на другое, без единого гвоздя, и косо вставленных друг в друга. Такие рубленые дома обычно являлись устойчивыми, но здешние зимние метели со снегом и летние дожди делали свою работу. Домик выглядел наспех отремонтированным — щели законопачены торфом, одни бревна перевязаны, другие опирались на насыпанные земляные валы, чтобы жалкая постройка не развалилась.

В воздухе висел запах рыбы и копоты.

Отчаявшись, Иоганн подкрался к отверстию, служащего, вероятно, дверью, и всмотрелся. Нет, этот дом не мог принадлежать Евгению. Внутри не было ничего, кроме, насколько он смог увидеть, полки, на которой лежал ворох тряпья. Он зашевелился. Иоганн застыл, как вкопанный. Старуха! С покрытой пятнами кожей она выглядела больной, а лицо походило на череп мертвеца. Раньше она, вероятно, была красавицей, но время и болезни взяли свое, и смерть уже положила ей на плечо свою руку. Желтоватыми глазами старуха уставилась на Иоганна. Внезапно он устыдился, что увидел такую нищету, и почувствовал, будто прикоснулся к чему-то липкому, приставшему к нему навечно.

— Извините, — пробормотал он, желая отвернуться.

— Дьявол! — завизжала старуха. Со сноровкой, которую он и предположить не мог в таком щедушном теле, она поднялась и уселась на своей постели, ткнув костлявым указательным пальцем в его сторону. — Дьявол, — повторила она. — Еретик! Я проклиная тебя! Я проклиная тебя, твоих братьев, твое отродье, твоего отца!

Ее лицо исказилось в гримасе ненависти.

Иоганн споткнулся и влетел плечом в дверь. Ярость ее слов ударила, как пинок.

«Баба Яга, костяная нога! — пришла ему в голову мысль. — Если бы она могла, то насадила бы мой череп на кол забора».

— Я... я не дьявол, — ответил он.

Баба Яга презрительно сплюнула.

— Ты, пес, вы все — звери! Откуда вы пришли, что вы ищите среди истинных верующих? Это ваша земля? Нет! Вы — изверги. Ты животное, а не человек!

— Катька? — прокричал озабоченный голос.

Иоганн развернулся и побежал.

— Чтоб ты сдох! — прокричала ему вслед старуха. — Святые будут плевать на твою могилу!

Перед дверью он налетел на Евгения, отпихнул его в сторону и большими шагами помчался в сторону реки. Непроизвольно на его глаза навернулись слезы. Хотелось побыстрее убраться отсюда. Замерзнув в своей мокрой одежде, он брел все дальше, пока изба не осталась далеко позади. Затем он уселся на землю и уткнулся головой в руки. Это уже слишком! Что ему нужно в этой стране, где его называют дьяволом и зверем, и проклинаят? Евгений подошел так тихо, что Иоганн вздрогнул, когда тот положил руку ему на плечо.

— Мне очень жаль, — сказал Евгений. Его голос звучал мягко и печально. — Катька... ты должен ее понять. Она — старуха и потеряла все.

Иоганн мотнул головой и вскочил.

— Я должен ее понять? — он не хотел, чтобы Евгений видел его плачущим, но было поздно. Нервным движением он вытер рукавом глаза.

Евгений закашлялся. Когда он заговорил дальше, его голос звучал хрипло.

— Если бы твой дядя увидел, как я здесь живу, чтобы он обо мне сказал? А если бы ничего и не сказал, то что бы подумал? Решил бы он, что я для тебя подходящий друг?

Иоганн глубоко вздохнул и, наконец, смог снова соображать.

— По-видимому, нет, — и подумал, что если бы он видел этот дом раньше, то и сам бы отшатнулся.

— Для меня ты не еретик, — тихо произнес Евгений. — И не зверь.

Сердце Иоганна заколотилось, когда он почувствовал короткое объятие. В темных, как озера, глазах Евгения мелькнула уязвимость. Иоганн вдруг понял, что Евгений платил за эту дружбу. Они находились по разные стороны баррикады — вражеские солдаты, которые решили подать друг другу руку. Почему его должны смущать слова смертельно больной и полной ненависти старухи?

— Спасибо, — ответил он тихо.

Евгений чуть кивнул и отпустил его. Старая неприступность вновь покрыла его, как панцирь.

— Ну, теперь ты знаешь, какой у меня великолепный дом и высокоблагородная семья. Что ты хочешь здесь, кроме как замерзнуть в мокрой одежде?

Иоганн заморгал и вспомнил о причине своего присутствия.

— Я знаю, у кого в залоге красная жемчужина русалок!

Пока он рассказывал о Дереежеве и заговоре, о боярине, который владел жемчужиной и писал полковнику, то позабыл, что промок и замерз. Глаза Евгения становились все больше

и больше.

— Дерезев оберегает русалок для Карпакова. Он не хотел, чтобы их обнаружили, поэтому и придумал историю с Наташей.

— И Карпаков, хранитель жемчужины, находится на пути к городу?

— Его письмо пришло из Есенгорода. А русалка чувствует, что сокровище приближается к Неве. Намного сложнее выяснить, как Карпаков намерен поступить с жемчужиной.

От гнева рот Евгения превратился в бледную линию.

— Вообще-то это не трудно. Он оплатил залог. Русалки могут вызвать наводнение. Он хочет стереть город с лица земли... и уничтожить царя.

У Иоганна слова застряли в горле. Они прозвучали глухо и скрипуче.

— Карстен Зунд говорил о наводнении. Он заметил, что достаточно одной волны, и город просто смоем. Каналы не достаточно глубокие, чтобы сдержать наводнение.

— Если ему это удастся, русалки выживут и смогут вернуться обратно в море. Но царь погибнет, и вместе с ним множество людей в городе, — продолжал Евгений. — А если это ему не удастся, умрут русалки, так как не смогут убежать, и их велит убить царь.

На некоторое время они замолчали, но оба думали об одном и том же.

Иоганн украдкой наблюдал за другом и поймал, брошенный им, сомневающийся взгляд. Они оба рассмеялись.

— Говори уж, — произнес Иоганн.

Евгений потянулся.

— Мы должны спасти и город, и русалок. Для этого нужно вернуть жемчужину русалкам.

— Значит, дело решенное, — сказал Иоганн. — Мы ищем Карпакова и крадем у него жемчужину.

— Если мы ее у него украдем, он будет искать вора, — засомневался Евгений. — Как ты думаешь, сколько соратников Дерезева бросятся за нами по пятам? Нет... — заговорщицки ухмыльнулся он, — мы жемчужину подменим.

Иоганн посмотрел на своего друга с уважением.

— Хорошо, — сказал он и засмеялся. — С ума сойти. И где ты хочешь добыть красную жемчужину?

Евгений пожал плечами.

— Для русалок я достану и луну с неба. Будем надеяться, что Карпаков еще в Есенгороде.

— В противном случае это не имеет никакого смысла. Царь в Москве, и вернется в Петербург только через пять дней, — ответил Иоганн. — Ты раздобудешь жемчужину, а я деньги для поездки в Есенгород.

Глава 6

БЕЛЫЕ ВОЛКИ

Евгений чувствовал себя в горнице явно неуютно.

На столе лежала большая куча новых, еще блестящих монеток. Не круглые, а овальные копейки, на одной стороне изображение святого Георгия с копьем, на другой — выбито имя царя Петра и указан год чеканки. «1705» — прочитал Иоганн на одной монете. Десять штук равнялись одной гривне, пятьдесят — полтине, а сто составляли рубль.

В общей сложности на столе лежали несколько рублей. Иоганн еще не привык, что эти деньги принадлежали ему. Он получил их от Карстена Зунда в качестве платы за модель «Санкт-Пауля». Хотя эта модель корабля продавалась из-за русалки, ему было тяжело с ней расставаться, и на кучу денег он смотрел с неудовольствием. У Марфы под глазами залегли глубокие тени. Выслать Михаэля под благовидным предлогом из дома оказалось делом трудным.

Иоганн втайне радовался, что Иван сопровождал дядю. Он по-прежнему ни на грош не доверял старику-крепостному.

Встреча с Евгением прошла не слишком сердечно. Марфа, холодно оглядев парнишку, вежливо протянула ему руку.

Как и любому гостю, ему предложили квас, хлеб и мясо, но Иоганн чувствовал, что Марфа с Евгением играли в кошки-мышки. И друзьями бы они не стали.

Даже сейчас под строгим взглядом Марфы Евгений, очевидно, не знал, как ему себя вести. Он, съездившись, сидел на стуле и нервно тербил подол своей жалкой рубахи.

— Тебе нельзя разъезжать в таком виде, — заявила Марфа. — Любой подумает, что ты из беглых.

Не терпя возражений, она поднялась и вытащила из сундука старую рубаху Иоганна, ту самую, которую он разорвал во время драки с Евгением. Марфа ее залатала. Теперь она села, вынула иголку и начала подшивать рукава.

— Иоганн, сходи в нашу комнату и принеси своему другу зеленый дорожный сюртук, который тебе уже мал, — приказала она. Евгений покраснел до корней волос, но возразить не посмел. Непостижимым образом Марфа пользовалась авторитетом у парня, и Иоганн не мог уразуметь почему. Таким послушным и вежливым своего грубоватого друга он никогда прежде не видел. — И справа, рядом с кроватью, в сундуке лежит еще кое-что. Это нужно будет взять с собой.

Иоганн встал и сдвинул в сторону шерстяной полог. Ему странно было входить в комнату дяди Михаэля и Марфы. Она оказалась на удивление уютной. На кровати, заправленной дядей Михаэлем с особой тщательностью, лежало вышитое покрывало. Золотые нити сверкали в полуденном свете, падающем в приоткрытое окно. Символ былого, померкшего великолепия другой эпохи, когда семья Марфы еще обладала состоянием. Круглое зеркало, обычно висевшее у двери, лежало на кровати. В сундуке Иоганн нашел письмо. Аптекарьская печать зашуршала в его пальцах. Он спешно покинул комнату и снова сел к столу рядом с Марфой.

— Открой письмо, — приказала она.

Иоганн повиновался и узнал почерк Томаса Розентроста.

— Послание? От Розентроста? — недоумевал Иоганн. — Зачем?

Марфа усмехнулась:

— Потому что я его об этом попросила. Если кто-то заинтересуется, почему тебя нет в мастерской, поручение Томаса Розентроста окажется правдоподобной причиной. Томас подтвердит, что ожидает повозку с эфирными маслами из аптекарского огорода Москвы и отправил нарочного, чтобы тот привез их из Есенгорода. Так как его посланник заболел, он попросил съездить тебя. А его подмастерье, алхимика... — Марфа кивком указала на Евгения, — ты взял с собой.

Евгений смущенно смотрел на письмо.

— Спасибо, Марфа, — произнес Иоганн.

— Давай, — обратилась Марфа к Евгению и откусила нитку, — переодевайся в рубаху. Иди в комнату и приведи свои волосы в порядок. Зеркало я положила на кровать. Постарайся выглядеть, как человек, которому не нужно скрываться.

Евгений схватил рубаху, дорожный сюртук и покорно исчез в комнате. Иоганн еще раз склонился над посланием и обстоятельно ознакомился с ним. Его имя упомянули, но вместо имени «Евгений», стояло — «Алексей Сергеевич Палот». Он поинтересовался:

— Чье это имя?

— Нового помощника аптекаря, который в скором времени прибудет из Москвы. На несколько ближайших дней это имя одолжит Евгений.

— Что я одолжу? — поинтересовался тот, вернувшись в комнату. С приглаженными волосами, в чистой рубахе и сюртуке он выглядел, как приличный путешественник. В другой одежде, как увидел ошеломленный Иоганн, его друг без труда мог сойти за бюргера или даже за дворянина. Честно говоря, даже его лицо выглядело благородным. В действительности, Евгений оказался очень симпатичным парнем. Иоганн таращился на него, пока тот не ухмыльнулся.

— Тебя зовут Алексей Сергеевич Палот, — пояснила Марфа. — Хорошенько запомни это имя.

Ухмылка Евгения исчезла, и он упрямо произнес:

— У меня уже есть имя, и звучит оно «Евгений».

У Марфы уголки рта насмешливо полезли вверх.

— Порой приходится и лгать, — ответила она, бросив на него резкий взгляд. К удивлению Иоганна, Евгений снова закрыл рот и Марфе не ответил.

Первым в дорогу отправился Иоганн. Марфа коротко с ним попрощалась.

— Пять дней, — сказала она, быстро обняв его. — Я жду пять дней!

Равнодушные лица проплывали мимо него, когда он без Евгения отправился в путь по болотистой местности. Скользкие доски заменяли ему дорогу. Украдкой он высматривал Дережева или его союзников, но сегодня казалось, его никто не преследовал. Вскоре он решил, что видел Митю, но юродивый также быстро исчез, как и появился.

Иоганн молча прочел короткую молитву небу, чтобы никто из людей царя Петра не обнаружил русалку, пока та, не ведая опасности, вела странные разговоры с юродивым. Когда Иоганн почти уже достиг края стройки, то услышал позади себя шаги. Не задумываясь, он сунул руку под рубашку и вытащил послание. Его дыхание участилось, и он почувствовал себя в западне. У него, в конце концов, поручение от Томаса Розентроста. Как будто только сейчас услышав шаги, он остановился и обернулся. Колени у него подогнулись. И он, было, чуть громко не выругался.

Иван задыхался от быстрого бега. Борода включена, легкие гремели при каждом вдохе,

как мешок с цепями. Иоганн сжал губы и встревоженно огляделся. Будто из-за берез сейчас повыскакивают заговорщики и его окружают. Без слов Иван промчался последние несколько шагов и остановился перед ним. Спешно схватив Иоганна за руку, он вложил в нее твердый предмет. Водянисто-голубые глаза посмотрели на Иоганна с укоризной, затем старик, не оборачиваясь, пошел обратно. У ошеломленного Иоганна в руке остался твердый предмет. Только спустя несколько мгновений он разжал кулак и посмотрел на подарок Ивана. Это оказался крошечный, резной образ Богоматери.

***

К его изумлению Евгений уже находился на условленном месте за березами. Однако и ему плохо удавалось скрыть, что запыхался. Следовательно, он знал более короткий путь или мчался сюда, как дьявол. Самоуверенно, с широкой ухмылкой он стоял, прислонившись к стволу дерева.

— Ну, наконец-то, Бремов! Русалка пожелала поцелуй на прощание?

— Молчи, русский, — парировал Иоганн. — Куда дальше?

Евгений указал на юг, и они отправились в путь, в быстром темпе двигаясь через постепенно густеющий лес. Они никакие не воры или торговцы секретами, а двое парней с поручением от врача, с письмом и печатью, державшие путь в Есенгород. Чем дальше от заболоченного речного района, тем зеленее становился лес. Лиственные деревья создавали крышу над их головами, на тропинке росли папоротник и ягодные кусты. Не жалели своей обуви и плохо ориентируясь в дороге, Иоганн и Евгений прошли уже большое расстояние. Достаточно просто скрыться в лесу, чтобы не столкнуться с путником, шедшим навстречу. Старый компас, который Иоганн еще в Москве выменял за плотницкую работу, сослужил им хорошую службу, так как время от времени они сомневались, где находится дорога. Вскоре двигаться стало тяжелее, а чувство эйфории улетучилось. Они молча шли рядом друг с другом, делая лишь краткие привалы для перекусов. Еды надолго бы не хватило, но спустя продолжительное время Евгений разглядел куст и вытащил оттуда куропатку. Ближе к вечеру мглистое солнце полностью исчезло за тучами, и им пришлось перебраться под дерево с низко свисающими ветвями, чтобы не промочить под дождем свои припасы. В опустившихся на них грозных сумерках, лес сверкал, как сундук с сокровищами, наполненный хрустальными каплями и зелеными жемчужинами. Иоганну так не хватало свежего запаха мха и живой древесины! Плечом к плечу ждали они, пока не пройдет гроза.

В сумерках шорохи начали меняться, а треск в ветвях давал эхо. Глубоко в подлеске Иоганн рассмотрел огромную тень. Могучим кораблем проплыли между листьями и ветками раскидистые рога лося. Затаив дыхание, они наблюдали, как гигантский зверь прошел позади них.

Вечер накрыл темным плащом деревья, глаза начали светиться. Августовская ночь навевала лишь слабые воспоминания о белых ночах. Для ночлега Иоганн раскатал шерстяное одеяло, которое ему дала с собой Марфа. Дорожную одежду, чтобы не помялась, повесили на ветку одного из деревьев, и улеглись, тесно прижавшись, друг к другу. Было приятно ощущать тепло Евгения, и Иоганн снова смутился, как тонко он чувствовал своего друга.

— Видишь? — прошептал Евгений и указал на тень. — Это медведь?

Иоганн содрогнулся и непроизвольно придвинулся к нему еще ближе.

— Здесь же нет медведей или...?

— Ты меня спрашиваешь? — поинтересовался тихим голосом Евгений. — Если захочешь узнать про морского огурца, это я могу тебе рассказать, но в животных, обитающих между деревьями, разбираешься ты.

— Здесь нет медведей, — соврал Иоганн. Они долго прислушивались к ночи, но усталость, наконец, победила.

Утром они чувствовали себя разбитыми, и с гудящими ногами отправились в путь, продвигаясь некоторое время вдоль дороги, на которой виднелись глубокие следы от колес.

Двигаясь по лугам, они преодолели, как полагал Иоганн, около двенадцати миль. Вдали показались конные солдаты и повозка на тяжелых колесах, катившаяся в сторону Санкт-Петербурга. Возможно, новый груз продовольствия и инструментов. Они с тревогой наблюдали за всадниками, но людей Дерезева среди них не увидели, как и бояр в длинных, ниспадающих одеждах.

Время от времени попадались другие обозы, двигавшиеся также по направлению к дельте Невы, лошадиные упряжки и пешие колонны новых работников.

Еловый аромат обдувал их, заставив ночью помечтать о поленьях в печи и зиме. В какой-то момент Евгений разбудил Иоганна и указал на белую туманную фигуру на четырех ногах, с горящими глазами.

— Волк, — прошептал он. — Белый волк. Ты видишь его?

Когда Иоганн пробудился, фигура исчезла, и он еще долго задавался вопросом, приснился ли им этот зверь или его, действительно, видели. На второй день их путешествия в поле зрения попало скопление домишек. Разбросанные вдаль по равнине, маленькие усадьбы защищались высокими деревянными заборами. Иоганн подсчитал и пришел к выводу, что до города еще около десяти миль. Наступила ночь. Шанс вновь спать под крышей показался Иоганну более чем заманчивым.

— Спросим у кого-нибудь из крестьян, нельзя ли нам переночевать. За пару копеек они дадут нам приют.

— Ты с ума сошел? — возразил Евгений. — Хочешь, чтобы нас ограбили?

— Когда мы переезжали из Москвы к Неве, то часто останавливались в усадьбах.

— С вами было много помощников. Мы найдем другое место, Бремов.

Иоганн посмотрел на своего друга со стороны и заметил:

— Ты не доверяешь людям.

— Мы не можем позволить себе доверие, — невозмутимо парировал Евгений. — Представь, нас задерживают, и Карпакова мы не находим. Тогда город потерян. У тебя есть с собой инструменты?

— Что?

— Ну, молоток или клещи, что-нибудь, чем можно отодрать доску или сломать замок.

— Да, — сказал Иоганн. — Но мы еще больше потеряем времени, если нас застукают при взломе дома.

— Никто нас не застукает. Видишь там сзади сарай?

Иоганн глянул на край поселения и обнаружил капитальное строение, огороженное забором. Пожалуй, лошадей днем держали на пастбище.

— Конюшня хорошо охраняется, — размышлял он. — Обычно поблизости находятся собаки.

Он спросил себя, почему в присутствии Евгения всегда чувствовал себя немного испуганным стариком.

Евгений улыбнулся.

— Я не видел собак. Давай свои инструменты.

Поколебавшись, Иоганн вытащил маленький молоток с острым бойком и гвоздодером. Еще никогда в жизни он не встречал человека, которому мог бы доверить свой плотницкий инструмент. Но здесь был Евгений.

Чуть позже они обогнули деревню по кромке леса и в тени деревьев прокрались к задней стенке сарая. Сторожевых собак и впрямь не видно, присмотревшись внимательнее к избам, Иоганн понял почему. Лишь немногие из них выглядели жилыми, на некоторых уже появились первые признаки разрушения. Хорошо заперты только два дома, незваному гостю пришлось бы приложить все усилия, чтобы попасть внутрь. Сколько людей могло там проживать? Десять? Двенадцать? Возможно, крестьяне давно уже на заработках в Санкт-Петербурге, а здесь остались лишь старики да дети.

Евгений протянул Иоганну свою поклажу и шустро, как лиса, побежал по лугу. Добравшись до задней стенки сарая, он вскарабкался по ней наверх. У Иоганна перехватило дыхание, когда он наблюдал за опасным карабканьем своего друга. Он не мог ни восхититься Евгением и глядел с открытым ртом, как молодой рыбак забрался на фронто́н, выхватил молоток и что-то подцепил. Спустя мгновение он исчез. Иоганн озабоченно огляделся. Прошла целая вечность, прежде чем возле сарая вынырнула фигура Евгения и махнула. Иоганн собрался с духом и побежал. Перед входом в сарай он понял, что необходимость в опасном трюке отсутствовала. Дверь оказалась наспех прикрытой, приложив небольшое усилие, она бы открылась. Евгений просиял и поманил его внутрь. Лошадей в стойлах не было, это он увидел даже в темноте, в помещении находилась лишь пара старых лестниц, и пахло заплесневелой соломой. Все, что можно украсть, жители перенесли в избы.

— Там немного сена, — пояснил Евгений, указывая на пол. С облегчением они уселись рядом друг с другом. Действительно, как хорошо вытянуть уставшие ноги!

— Утром мы будем в городе, — тихо сказал Иоганн.

— Десять миль до Карпакова, — пробормотал Евгений. — Найдем ли мы его?

Страх в его голосе тронул Иоганна.

— Мы должны.

Когда он произносил эти слова, ему хотелось схватить Евгения за руку, но в испуге удержался от движения. Убрав поспешно руку, он порадовался темноте, которая скрыла его горящие щеки.

«Санкт-Петербург сводит меня с ума — сказал он себе. — Я не знаю, кто я есть, и чего хочу».

Он постарался придать голосу спокойный тон.

— Где у тебя жемчужина?

Шарканье подсказало ему, что Евгений искал небольшой кожаный мешочек. Холодные пальцы тронули его за предплечье.

— Здесь, — сказал Евгений.

Иоганн схватил мешочек и успокоился, почувствовав жемчужину через кожу.

— Чем ты ее покрасил?

— Тебе об этом лучше не знать, поверь мне. Но она такая красная, что капли крови

рядом с ней выглядят, как слюна.

Иоганн засмеялся, но потом в голову пришел новый повод для беспокойства. Чтобы задать вопрос, как можно непринужденнее, он кашлянул:

— Что ты будешь делать, когда русалки вернутся в море? Останешься в Санкт-Петербурге?

Евгений резко выдохнул. Возникла пауза, во время которой Иоганн чувствовал себя очень несчастным.

— Не знаю, — раздался нерешительный ответ. — Я об этом подумаю, когда придет время. Пошли спать, Бремов. Утром мы будем решать совершенно другие проблемы, — он придвинулся поближе к Иоганну и накинул ему на плечи конец одеяла Марфы.

Они долго пролежали молча рядом друг с другом. Иоганн прислушивался к дыханию Евгения, наблюдая, как оно становилось все глубже. Во сне его поцеловала русалка. Это был горячий поцелуй шелушащихся губ, и Иоганн почувствовал, как его уносит теплым потоком. Царь Петр разбил жемчужину молотком. Потом появился тощий белый волк с улыбкой Евгения.

Глава 7

ПАЛАТЫ КАРПАКОВА

Что-то пощекотало его за нос, и он во сне поднял руку, чтобы отогнать насекомое. Его пальцы ухватились за чужие волосы. Иоганн открыл глаза и замер. Сквозь дырявую крышу, рисуя на пыльном дереве тонкий узор из светящихся нитей, проникал утренний свет. Смутившись на момент, он позволил себе эту необычную близость, но потом осторожно отодвинулся от своего друга.

Евгений все еще крепко спал. Его лицо, озабоченное и напряженное, выглядело странно привлекательным. Иоганн сглотнул и оглядел друга. Даже во сне его руки сжимались в кулаки. Рубаха задралась вверх, обнажив костлявые дуги ребер, поднимавшиеся с каждым вдохом. С непонятым стыдом Иоганн осторожно потянул одеяло, желая вновь укрыть Евгения. И остолбенел. Из-под рубахи выглядывала, того обмотанная вокруг тела, тканевая полоса. Евгений носил такую повязку, когда сломал ребро. Но, ведь это когда было? У Иоганна вдруг появилось чувство, что в его голове с трудом пришел в действие шестеренчатый механизм.

Как долго срастается ребро? И тут ему на ум пришла русалка и ее машущее движение, которым она разбрасывала по воде свои волосы.

Они черным, узким платьем легли на ее тело и прикрыли грудь. «То, что мы видим, ничего не значит», — прозвучал в ушах ее голос. В нерешительности он перевел взгляд на Евгения и посмотрел на него очень внимательно — узкие и костлявые от работы руки, тонкие черты нежного лица, подрагивавшего во сне. Мысль, внезапно пришедшая ему в голову, казалась ушатом ледяной воды, которой его окатили с ног до головы. Руки сжались в кулаки. Проклятье, что за идиотом он был? Слепым? Глухим? Тут же вспомнились тысячи моментов, когда он все это видел и знал. Но лишь благодаря собственному упрямству сейчас он чувствовал себя, будто его ударили доской по голове. И русалка ему намекала, конечно, иносказательно, но достаточно ясно. Щеки вспыхнули от стыда при мысли, что он тогда на берегу рассказывал о Кристине. Действительно он хвастался, что ее поцеловал? Кристина, с которой давно уже не думал, с тех пор... да с тех пор, как познакомился с Евгением. Не то, чтобы этот вывод сразил его наповал, скорее он чувствовался, как удар дубиной, который не оживаешь. Как же звучит тогда настоящее имя?

Иоганн поднял голову и еще раз внимательно взгляделся в спящее лицо, без испуга, очень внимательно, и размышлял до тех пор, пока от мыслей не закружилась голова. Ему вспомнилась сказка о прекрасной царевне, которую поймала ведьма Баба Яга костяная нога.

Вдруг Иоганн заулыбался. Из Катьки получилась бы отличная ведьма. Он вновь почувствовал себя идиотом, но ему стало легче. Моментаً пропало раздражение, беспокоившее его последние несколько дней. Чувства его не обманывали. Все обрело свой смысл. Он тихо наклонился и украдкой поцеловал, по-другому, не так, как Кристину. Настолько по-другому, что образ купеческой дочери рассыпался пеплом и исчез. Чужая девушка зашевелилась и заморгала. В следующий момент она вздрогнула, будто обожглась об Иоганна. Он приготовился получить пощечину или, что более вероятно, удар кулаком, но девушка, выглядевшая, как его лучший друг Евгений, лишь уставилась на него. У Иоганна что-то запрыгало туда-сюда в желудке и запершило в горле. Он был чертовски счастлив. Даже если бы она сломала ему нос, он бы всю жизнь не жалел, что ее поцеловал.

— Елена, — сказал он. — Так тебя зовут по-настоящему.

Она ухватила за рубаху и натянула ее, будто еще что-то могла скрыть. Этот ее жест Иоганн не знал и наблюдал за ней удивленно, сбитый с толку двойной картинкой своего лучшего друга и девушки с длинными ресницами.

— Я... — произнесла она и прервалась, затем плотно сжала губы, полная разочарования.

Иоганну тотчас стало жаль, что для нее сложилась такая ситуация. Он ожидал увидеть перед собой Евгения — парня с острым языком, но без маски грубоватого рыбака она казалась человеком, попавшим, как загнанный зверь, в безвыходное положение. Его эйфория медленно прошла, наступило отрезвление. В один момент до него дошло, как все изменилось. Впервые Иоганн увидел, что и его друг лишился дара речи.

— Повязка... — произнес он извиняющим голосом. — Я ее увидел и подумал... — повисла гнетущая тишина, потом Иоганн откашлялся и начал говорить снова, — Евгений...

— Так звали моего брата, — резко ответила девушка. У Иоганна появилось чувство, что лучше бы она вlepила ему пощечину. — Его убили солдаты. Как мою маму и сестру, я — это он, ты понимаешь?

Иоганн закусил нижнюю губу. От боли в ее голосе у него защемило в груди. Как ему хотелось взять ее на руки, чтобы защитить от воспоминаний, но он не осмелился и шевельнуться.

— Как ты убежала? — спросил он через некоторое время.

Елена засмеялась. Теперь ее голос звучал не так грубо и гортанно, как обычно.

— Если тебя ищут солдаты, ты быстро научишься залезать на любое дерево.

— Солдаты царя Петра?

— Какая разница, русские или шведские? Когда они пьяны от крови и шнапса, то становятся одинаковыми, как яйца. В качестве Евгения было проще... выжить.

— Почему ты мне не сказала? Ты мне не доверяешь?

— Доверять, — воскликнула Елена. В итоге снова проявился Евгений — ее карие глаза засветились гневом. — Брем, ты совсем дурной? Если я кому-то и доверяю, то только тебе! Но ты же видишь, что все изменилось.

— Что изменилось? — вспыхнул Иоганн. — Ты сам...

Он осекся, и Елена не смогла сдержать иронический смешок.

— Ты сам. Ты попался, — она встала и принялась вытряхивать из рубахи стебли соломы. — Для тебя я — Евгений, слышишь? А на данный момент я, так или иначе, Алексей Сергеевич Палот.

Она горько улыбнулась:

— Наш путь предначертан. Если нам удастся спасти город, я буду ловить рыбу — в Неве или в другом месте. Ты привезешь из Москвы свою Кристину и женишься на ней. Будешь строить корабли для царя Петра и...

— Нет, — крикнул Иоганн.

Елена удивленно умолкла. Они оба прислушались, не приближались ли к хижине шаги, не залаяла ли собака, но все было тихо.

Иоганн задрожал, но не от страха, что их обнаружат.

— Возможно, ты права, — с сомнением произнес он. — Все изменилось. Я могу называть тебя Евгением, несмотря на то, что ты Елена. Я говорил о Кристине, но меня смутило, что ты для меня гораздо важнее, чем она.

Поспешно он искал правильные слова, но казалось, она от него убегает, как вспугнутая стая птиц.

— Я знаю, что я говорил, но... я все время себя спрашивал, почему я с тобой...
Кристина померкла, как сон.

Елена подняла одну бровь.

— Как быстро померкла любовь, — напустилась она.

Ему очень хотелось ее треснуть, как тогда, когда она еще была Евгением, но теперь он не осмелился сделать и шага в ее сторону.

Елена глянула на него с сомнением.

— Как скажешь, — ответила она. — Меня это не касается!

— Если кого-то и касается, так только тебя! — крикнул он.

Он собрал все свое мужество и приблизился. Чтобы посмотреть ему в лицо, ей пришлось задрать голову. Он никогда не чувствовал себя таким незащищенным и ранимым. Она могла вырвать сердце из его груди и бросить его на землю, осознал он. Один миг они смущенно постояли, затем Елена сделала шаг назад и покачала головой.

— Нет, Иоганн, — произнесла она тихо и так снисходительно, как русалка отказывающаяся Мите в дороге в Неву.

Она торопливо свернула одеяло и отвернулась от Иоганна, который беспомощно стоял, отвергнутый, униженный и одинокий.

На последних милях перед Есенгородом Иоганн почувствовал, что он будто шел по ковру из осколков их дружбы. В этот момент одного взгляда на скрытые льняные бинты казалось достаточно, чтобы полностью исказить действительность. Пока они шагали рядом, но избегая друг друга, Иоганн в памяти возвращался к каждому мгновению, связанному с Евгением — от драки при знакомстве с русалкой до визита Евгения к Марфе. Он мрачно улыбнулся. Естественно, Марфа об этом знала, иначе, зачем бы она отправила Елену переодеваться в другую комнату. Тот факт, что задним числом он находил все больше доказательств, раздражал его безмерно. Между тем, неприятное, глухое молчание выросло между ними стеной. Примерно каждые сто шагов он задавался вопросом, может было бы лучше, не раскрывать тайну Елены.

Есенгород, в который они вошли после строгой проверки послания, являлся очень старым городом. Окруженный высокой кремлевской стеной, возраст которой исчислялся несколькими столетиями. В центре на большой площади стояла великолепная деревянная церковь с тремя золотыми куполами. Каждый купол венчался крестом. Золото сверкало в послеобеденном солнце. Как ни странно, с каждым шагом Иоганн чувствовал, что город все больше напоминает Москву. Ему понадобилось время, чтобы понять, в чем заключалось сходство — многие улицы Москвы также выстланы дубовыми досками, держащимися на высоких деревянных фундаментах. Иоганн не видел, но знал, что под этими досками, по которым они шагали, лежали, перевязанные берестяной корой, деревянные трубы для отвода талой и дождевой воды.

Большинство домов построены из дерева, лишь немногие — в два этажа. В центре города, а также на севере и юге возвышались сторожевые башни. На них стояли дозорные, в чьи обязанности входило оповещать о пожарах. Иоганн прищурил глаза и различил флаги из черной кожи, которыми размахивали стражи огня, едва завидев пожар. Ночью они предупреждали факелами.

Он вздрогнул, когда Елена притиснулась к нему поближе. Надежда, что речь шла хотя

бы о жесте симпатии, быстро рассеялась, когда он увидел, какими глазами она разглядывала здания и дороги. Но попытка сделать равнодушное лицо не могла скрыть изумления и испуга. В отличие от него, Елена еще никогда не бывала в городе — все, что она знала, так это болота. Тем не менее, он наслаждался неожиданным моментом близости и не уклонялся от нее. В торговом квартале возле дороги сидели пленные с, втиснутыми в кандалы, ногами. Они выпрашивали еду и ожидали своей дальнейшей участи. Возможно, со следующим обозом их отправят напрямик в Санкт-Петербург, где им придется отработать свое наказание.

Иоганн обнаружил попа с длинной бородой и, висевшим на цепочке, на груди крестом. На рыночной площади повозки загружали мешками с зерном, и солдат, контролировавший погрузку, всевидящим оком наблюдал за возами. Наверное, это новая партия груза для Санкт-Петербурга. С неприятным ощущением Иоганн также заметил угрюмые взгляды, которыми осматривали обоих путников, выискивая дорогие вещи.

— Теперь нам придется тысячу человек расспрашивать о Карпакове, — уныло произнесла Елена. Это были первые слова, произнесенные ею с утра в сарае.

Иоганн откашлялся.

— Нужно спросить в канцелярии. Новоприбывшие, кто держит путь в Санкт-Петербург, там регистрируются и могут оставлять сообщения.

— А если чиновник действует заодно с Дерезевым? Бьюсь об заклад, что весь город полон заговорщиков.

Иоганну пришлось признать ее правоту. Незаметно они переместились в тень крыши.

— Мы должны стать незаметными, — сказала Елена. — Может нам лучше разделиться и отправиться на поиски? Я могла бы осмотреться возле церкви.

— Церковь! — воскликнул Иоганн. — Конечно! Он же старовер. Он пойдет на церковную службу.

Елена с сомнением оглядела его.

— Вряд ли тебя впустят в церковь, ты бросаешься в глаза так же, как и зеленая овца. И я..., - задумчиво окинув взглядом свою дорожную одежду, она покачала головой. — Мне нужна другая одежда. Пошли!

Тот час же развернувшись на каблуках, она устремилась к полускрытому проулку. Когда Иоганн свернул за угол, она всунула ему в руки свой сюртук и шепнула:

— Подожди в тени.

Затем она прошмыгнула вдоль стены. Не успел он открыть рот, как Елена уже оказалась на высокой стене. У него перехватило дыхание, когда она подтягивалась к окну и дальше карабкалась на следующий этаж, опасаясь сделать фальшивое движение и упасть.

Верхнее окно было открыто, в нем висела, проветриваясь, грубая серая рубаха. Иоганн еще глубже вжался в тень и обеспокоенно огляделся. Задний двор оказался пуст, но он слышал стук мисок и гневный голос, бранивший рыдающего ребенка. В любой момент мог кто-то появиться и обнаружить Елену. Она ловко забралась на оконный выступ, бережно прижимая к себе рубаху. Через секунду, набросив ее на плечи, и, удерживая равновесие, начала спускаться вниз. Спрыгнув с нижнего окна, она приземлилась с глухим стуком на землю.

— Уходим! — разлепила она губы, и в следующий момент они побежали с заднего двора.

Едва они достигли главной улицы, как со двора раздался крик. Голоса и крики

становились громче. Внезапно Елена и Иоганн остановились. Меньше, чем за секунду, Елена снова надела дорожную одежду, одернула рукава и быстро затолкала рубаху в сумку. Навстречу им бежали люди.

— Вор? Где вор? — крикнул какой-то мужик, и Елена указала на двор. Они медленно удалились и незаметно перешли на другую улицу, находившуюся далеко от места преступления. Иоганн по-прежнему был бледен и дрожал.

— Я пойду в церковь, — сказала Елена. — В этой рубахе можно сойти за обычного мастерового. Как я узнаю Карпакова?

— Из староверов, — ответил Иоганн. — Высокородный боярин. Мой дядя считает, что у него был шрам. Здесь! — он провел указательным пальцем над переносицей.

Елена кивнула.

— Хорошо. Дай мне свой ремень и шейный платок.

Иоганн повиновался и аккуратно запаковал ее одежду в тюк с поклажей. Случайно обнаружив подаренную Иваном фигурку Богоматери, он протянул ее Елене, которая наморщила лоб, но взяла. Недалеко раздался звон медных церковных колоколов. Во время всего срока церковной службы звон окутывал город.

— Увидимся сегодня вечером, если разминемся, я жду тебя на этом месте, — прошептал он. Елена кивнула и убежала.

Иоганн долго смотрел с тревожным чувством ей вслед. Его нервы находились все еще на пределе, и он понял, что очень устал. Медленным шагом побрел он в сторону церковной площади. Здесь не найдешь пустого сарая, а проводить ночь на улице не целесообразно. После богослужения горожане отправятся по домам, и на улицах останутся лишь отбросы общества, которым с полным мешком денег лучше не показываться.

Украдкой он разглядывал людей, собравшихся перед церковью. Одна небольшая группка состояла из нескольких мужчин. Двое носили длинные бороды и богатую, пышную одежду. В позднем свете блестели серебряные нити. Впрочем, даже эти дворяне не осмеливались носить в открытую длинные боярские кафтаны. По указанию царя Петра они одевались в короткие кафтаны, доходившие им только до колена. Среди прихожан попадались горожане и крепостные, снимавшие свои шапки и прижимавшие их к груди, дети и старухи, не имевшие уже во рту ни одного зуба. Иоганн обнаружил прелестную горожаночку. Эта молодая женщина пришла в церковь под руку с пожилым торговцем. В, похожем на восточное, платье с длинными, вышитыми рукавами. Когда она повернула голову, и Иоганн смог увидеть ее профиль, он поразился прелестному лицу и нежной коже. У нее были длинные, как у Елены, ресницы. При мыслях о ее глазах и упругой походке, лицо красавицы превратилась в разукрашенную маску. Многие тревожные моменты вызывали у Иоганна страх, что Елена его покинула и больше не вернется. Конечно, этот страх не имел под собой основания. Их прочно связывала русалка. Но что произойдет, когда русалки вернуться бы в море? Уныние грозило одолеть его, поэтому он развернулся к церкви и подошел к холопу, собиравшемуся отвести лошадь в богатой попоне к одной из бочек, использовавшихся в качестве поилки.

— Эй! — окликнул он его. — Здесь есть где-нибудь постоянный двор?

Холоп недоуменно наморщил лоб.

— Да, там, — пробормотал он и кивнул головой в сторону переулочка у церкви. — У Колянныча.

Иоганн отправился в узкий переулочек, смердевший на летнем солнце, и нашел,

наконец, мощный деревянный дом на слишком маленьком для него дворе. Конюшня оказалась, странным образом, зажата между зданием и соседним домом. Храп и шарканье позволили предположить, что на постоялом дворе имелись гости. Это был большой дом, принадлежавший, возможно, обедневшему горожанину, который за сдачу комнат что-то получал.

Иоганн понаблюдал за конюшней, и в самом деле обнаружил четырех лошадей и конюха, который не ответил на его вопрос о Коляныче, но жестом указал на дом. Дверь стояла нараспашку. Иоганн вошел и увидел за столом напротив беззубого мужика, чистившего картошку.

— Ты Коляныч? — спросил он. — Я ищу ночлег.

Старик бросил нож и воздел к небу руки.

— Входите, господин! — прошепелявил он. — Ночь в моем доме? У меня сегодня много гостей, но местечко найдется.

Местечком оказался темный чулан в задней половине дома. Иоганн рассмотрел окно и прикинул, что оно достаточно большое, если придется через него убежать. На худой конец, внутри стояла широкая, кустарно сбитая кровать, и хозяин не переставал усмехаться, когда Иоганн ему сказал, что он возьмет комнату. Когда за Колянычем закрылась щербатая дверь, Иоганн облегченно вздохнул. После снял с кровати изношенное одеяло и постелил свое собственное, затем усевшись на соломенный тюфяк, служивший матрасом, он подпер голову руками. За его закрытыми веками засверкали молнии, и им овладела усталость. Самым плохим оказалось чувство пустоты и отчаяния в груди — тоска по Елене и чувство огромной утраты. Как ни парадоксально, это была боль, отделившая его от Кристины, пустота вместо надежды, никогда больше не поцеловать Елену, жалкая пылинка в потоке чувств. Он все испортил и потерял Елену прежде, чем появился шанс ее получить. С трудом взяв себя в руки, он потер глаза, пока стук в висках не поутих. Русалка, город и царь Петр — вот о чем сейчас надо думать!

Прежде чем снова отправиться в путь, он сунул Колянычу несколько монет, принял кружку водянистого кваса и выслушал пару фраз о городе, несколько слухов о Санкт-Петербурге и о царе, кое-какие замечания о множестве иностранцев, которые тут останавливались, прежде чем ехать дальше в сторону Невы. О Карпакове он спрашивать не стал, вряд ли Коляныч мог быть знаком с дворянином или знать, на каком постоялом дворе тот остановился. Там в любом случае гораздо лучше, чем здесь. Уже рассвело, когда он снова засобирался к церкви.

Навстречу ему попала дюжина прихожан.

Прошла целая вечность, пока он, наконец-то, не обнаружил Елену. Она незаметно подождала на краю улицы, наблюдая за четырьмя дворянами, которые что-то бормотали, общаясь друг с другом, пока возвращались к своим лошадям. Иоганн прогулочным шагом прошел дальше к переулку, куда и свернул.

Вскоре подошла и Елена. Иоганн еще не успел задать вопрос, как она покачала головой.

— Боярина со шрамом не было, — тихо сказала она и, оглянувшись, вытащила Иоганна из тени стены.

Ее глаза блестели.

— Но я слышала кое-что другое. Пошли!

В следующий момент они снова оказались на улице. Елена прищурила глаза и, казалось, с облегчением обнаружила группу дворян. С ними стоял мужчина в длинном черном

кафтани. На его голове красовалось нечто вроде мягко складывающейся шапочки. Иоганн знал, что это «скуфья» — знак того, что мужчина являлся священнослужителем, то есть попом.

— Мы следуем за ним, — прошептала Елена. — Он не из Есенгорода. Я слышала, как он разговаривал с каким-то мужиком из Москвы, — она сильно понизила голос и наклонилась так близко, что Иоганн в замешательстве почувствовал ее волосы на своей щеке. — Он также сказал: «Что это за царь? Немцами воспитан, сам немец и заставляет порядочных горожан одеваться, как еретикам».

Иоганн похолодел. Дядя Михаэль ему рассказывал, что в доме Карпакова жил поп — и одноглазый рабочий упоминал священнослужителя, который в Есенгороде говорил, что царь погибнет вместе со своим городом. Могло быть так, что Карпаков уже давно пребывал в Есенгороде?

— Хорошо, — сказал он. — Мы выясним, где у заговорщиков логово.

Удерживать мужчину в поле зрения оказалось непростым делом. Как тощая уличная кошка скользил он из тени в тень, проворно бежал по площадям и переулкам и неоднократно оглядывался, но Иоганна с Еленой не заметил. Вскоре они оказались в богатом квартале города. Там стояли высокие дома, построенные частично из камня, однако же, большинство домов были деревянными с такими крутыми крышами, что снег зимой с них соскальзывал. Некоторые здания возвышались на деревянных сваях, крытые лестницы вели в помещения. На стропилах и коньковом бруске распознавалась искусная резьба. Такой «деревянной вышивкой» Иоганн уже неоднократно восхищался. Не менее искусно украшалась и балюстрада.

Поп прошмыгнул через маленький двор и скрылся за дверью внутри дома. Иоганн и Елена остановились и спрятались возле стены. На город опустились вечерние сумерки. Дом стоял в конце улицы. На тяжелых деревянных стенах держалась выступающая вперед крыша.

Это был дом старца, знатного человека, любившего традиции. Над дверью красовался резной герб. Рыба с двумя птичьими крыльями.

— Карпаков не живет на постоянном дворе, — прошептал Иоганн. — Кто знает, сколько прошло времени, как он переехал сюда из Москвы.

— По всей вероятности, когда царь Петр начал строить новый город, — ответила Елена. Она неуверенно разглядывала окна. — Ты знаком с таким типом домов. Где живет хозяин?

— В доме, по крайней мере, восемь комнат, — пробормотал Иоганн. — Должно быть окно там, наверху — слева от конюшни.

Елена мрачно наблюдала за конюшней, возвышавшейся справа от главного здания.

— Можно перелезть через крышу конюшни.

Ее голос прозвучал измученно, и Иоганн осмелился взять ее за руку и удержать.

— Давай подождем до ночи, — произнес он тихо.

***

В помещении для гостей у Колянныча жались по углам нищенского вида путешественники. От разговора Иоганн увернулся, но схватил кружку кваса и кусок хлеба с салом, за которые Колянныч заломил безбожную цену, и ушел с Еленой в затхлую каморку.

Там они улеглись, ожидая пока в доме стихнет шум, наконец, он замер, как последний удар старых курантов. Каморка погрузилась в странную тишину. Они уселись рядышком и шептались, обсуждая возможную стратегию.

Иоганн пальцем нарисовал поэтажный план дома, с которым был знаком по Москве, — старое, почтенное здание с большим помещением за входом и множеством маленьких комнат над ним.

— В одноэтажных домах здесь обычно помещается прислуга, — сказал он и показал на пару крошечных чуланов. — Хозяин спит в комнате рядом или над гостиной. Нам повезет, если Карпаков держит ее здесь.

— Мы ее найдем, — с пылающими от азарта щеками уверенно произнесла Елена.

Иоганн в очередной раз задался вопросом, как же он когда-то мог ее принять за грубоватого парня. Напряжение, исходящее от Елены, и чувство, что цель в пределах досягаемости, развеяли его усталость. Когда последний стук шагов уже давно отзвучал, она осмелилась подойти к двери, и сразу же дала обратный ход. Колянч спал в конце коридора в своем кресле. Он так глубоко в него погрузился, что воротник его короткого кафтана напознал на уши. В дряблой руке лежал пистолет. Иоганн осторожно прикрыл дверь. При каждом шаге деревянные половицы скрипели ужасающе громко.

— Он охраняет своих гостей.

— Тогда пойдем через окно, — прошептала Елена.

Иоганн с трудом протиснулся в отверстие, стараясь не набить синяков и шишек на голове. Толстая дворовая собака, которой вменялось охранять участок, выглядела, будто только что скончалась от старости, и была, вероятно, глухой или больной.

Большая светлая луна украсила небо, ставшее не темно-синим, как осенью, и не черным, как зимой. Жирные крысы, с негодованием уставившиеся на обоих пешеходов, переваливались перед ними через дорогу.

Елена и Иоганн обошли сторожа и две фигуры, стоявшие под навесом и что-то бормотавшие. В некоторых домах в щелях между створками ставен еще мерцал свет. Им удалось, никого не побеспокоив, перебраться в нарядную часть города. Зловещим стражником в ночном небе возвышалась церковь. На пожарной каланче стояли дозорные, думавшие о своем, в следующий момент они увидели прошмыгнувшие через улицу фигуры.

В доме Карпакова свет не горел, но перед конюшней сидел холоп и спал, прислонившись к стене. Иоганн подозревал, что барин бы его поколотил, если бы узнал, как его охранник проспал. В вытянутой в длину конюшне шаркали копытами лошади. Иоганн смог их увидеть почти перед собой — темные, мутные тела и блестящие глаза.

— Какое окно находится в хозяйской спальне? — зашептала ему Елена.

Иоганн показал на окно над дальней частью конюшни. Елена кивнула, велела ему обождать, а сама, крадучись, пробралась через двор. Бесшумным движением она взлетела на конюшню, прошла по крыше и поднялась на цыпочки. Сжав от волнения зубы, Иоганн следил, как она всматривалась в окно. Луна отбросила ее тень на деревянные ставни, которые она осторожно раскрыла. Потом полезла обратно и одним прыжком снова оказалась внизу здания. Они поспешно ушли.

— Эта комната пустая, — прошептала Елена. — Насколько я смогла разглядеть в лунном свете, там чулан, в котором стоит много ящиков. Думаю, Карпаков готовится к отъезду.

— А в комнате никого нет?

Она покачала головой.

— Прекрасная возможность туда попасть, — она схватила кушак и развязала мешочек, в котором находилась окрашенная жемчужина. — Здесь!

— Что должен делать я?

— Настоящая жемчужина лежит в закрытом сундуке. Ты сможешь его открыть, кроме того, ты сильнее меня. Я буду на шухере. Если что-то пойдет не так, выпущу лошадей из конюшни. Когда люди думают, что вор крадет лошадей, то не интересуются тем, что происходит в доме. И, наконец, — промелькнула ее улыбка, — я бегаю быстрее тебя и быстрее уйду от погони.

Иоганну не составило большого труда представить себе самое худшее, что могло произойти. Тогда уж Дерезев позаботится, чтобы он не дожил и до конца месяца. Когда он забирал у Елены мешочек с жемчужиной, его рука чуть дрогнула. Коснувшись ее руки, он почувствовал, что она ледяная.

— Ты боишься? — спросил он тихо.

— Я ведь не железная — ответила она. — Конечно, я боюсь до смерти, если ты хочешь знать. Возможно... это наш последний вечер.

Они мгновение смотрели друг на друга, затем она, к удивлению Иоганна, наклонилась и обняла его.

— Пожалуйста, береги себя, Бремов, — прошептала Елена. Он ответил на ее объятия, с облегчением, почти счастливый от близости, которая снова появилась между ними — не такая близость, как к Евгению, но он бы ее ни на что не променял.

Через некоторое время она мягко отстранилась и что-то достала из-под рубахи. Выглядело она, как черная тряпка.

— Саж! Я в церкви время не теряла. Саж! всегда может понадобиться, — в темноте он догадался, что она ухмыляется. — Лучше сними рубаху. Ты аж светишься от напряжения.

Ночью похолодало. Елена взяла тряпки и натерла ему щеки, спину и верхнюю часть туловища. Черная слизь образовала мутные, темно-серые пятна. Замечательная маскировка. Иоганн с трудом смог различить свою вытянутую руку на темном фоне.

— Итак, — произнесла, наконец, Елена. — Мы опять встречаемся в церкви, если не там, тогда в нашей комнате.

— Как я попаду на крышу? — спросил он осипшим голосом.

— Лучше без обуви, — ответила она.

Это оказалось не так тяжело, как он думал. Конюшня в некоторых местах была разрушена и неумело забита досками, так что Иоганн нашел хорошую опору. Несмотря на это, ему стало дурно, когда он глянул вниз, где в темноте двигался бледный овал лица Елены. Она в последний раз махнула ему рукой и исчезла за фасадом дома. Он наощупь передвигал босые ноги, царапая пальцы о щепки. Подумал, что находится уже недалеко от окна, как соскользнул. Гнилой кусок крыши с треском обвалился. Из конюшни раздалось топанье и ржание. С сонным кряканьем подскочил слуга. У Иоганна замерло сердце. Он затравленно огляделся, решая, нужно ли ему прыгать. В следующий момент он услышал глухой удар, потом наступила тишина.

Появилась Елена и, махнув рукой, велела ему лезть дальше. В руках она держала полено. Пальцы Иоганна онемели, так крепко он вцепился в ставни, которые осторожно нащупал. У него от страха закружилась голова, хотя он в этом никогда бы не признался. К счастью, ставень не издавал шума, а поднимался без скрипа. Вот и комната. Как сказала Елена, в ней

стояли ящики. Это придало ему сил, он оттолкнулся и подтянулся на деревянном карнизе. Охая, он извивался наверх, пока не лег животом на карниз. Затем остановился и подождал, но в помещении никого не оказалось. Каморка была маленькой, и Иоганн остановился, передыхая, пока его глаза не привыкли к темноте. Понемногу он смог различить широкие ребристые силуэты. Он двигался от ящика к ящику в надежде нащупать на крышке инкрустацию, но ничего не обнаружил. Несколько сундуков были обтянуты тканью или кожей, но большинство сработано из грубого, плохо оструганного дерева. Некоторые получилось открыть, но внутри не нашлось ничего, кроме тканей, меха и тяжелых предметов, завернутых в листы кожи. Скорее всего, кубки или подсвечники.

Он осторожно подкрался к двери и, прежде чем ее приоткрыть, прислушался.

Но следующая комната тоже оказалась пустой. Это были господские покои! На узком, невысоком шкафчике предметы разместились, как на алтаре. Это красный угол, который имелся в каждом доме? Нет, на расшитой скатерти лежал простой, потертый нож. Его лезвие поблескивало в свете свечи. Она, почти сгоревшая, стояла в великолепном серебряном подсвечнике. Иоганн похолодел. Это выглядело, как ларец — ларец для ножа? Слева от шкафа находились стол и, обтянутый кожей, стул. На спинке лежали русский кафтан и великолепное боярское платье. Соболиный мех переливался в свете свечи, мерцавшей в простом глиняном сосуде в виде мужчины с разодранным ртом. О таких древних «обезьяньих мордах» Иоганн знал из рассказов дяди. Обычно они служили подставкой для тлеющих сосновых лучин, дававших мало света. Карпаков, казалось, мог бы использовать для своего странного святилища подсвечник покрасивее. Только теперь Иоганну пришла мысль, что дворянин мог вернуться в любой момент. «Спокойно!» — приказал он себе. В экстренном случае достаточно сделать два шага назад в каморку с ящиками. Рядом с «обезьяньей мордой» стояла глиняная чаша. В ней лежали медные монетки и четырехугольный медальон.

На монетках изображались нос и рот, обрамленный усами и длинной бородой. Надпись на них гласила, что деньги конфискованы. Это, вероятно, расписка об уплаченном налоге на бороды! Однако Карпаков не считал нужным носить на цепочке квадратный медальон, подтверждавший, что человек сполна уплатил налог. Стол выглядел, как на картине — на нем лежали бумаги и перья, которые, однако, были сухими. Иоганн подошел к нему и бросил взгляд на запись. Ему потребовалось много времени, чтобы осмыслить факты, бросившиеся ему в глаза.

Перед ним лежал реестр с именами, написанными четким, красивым почерком. В списке значился «Михаэль Брем». И чуть ниже стояло «Иоганн Брем». Казалось, у него от пальцев отлила вся кровь. Он увидел пляшущие точки и вынужден был ухватиться за подлокотник, прежде чем читать дальше. Его не удивило, когда он далее прочел имя «Евгений Михайлович Сказаров». План Карпакова раскрылся перед ним, как книга. Он и Дерезев планировали не только свергнуть царя, но заставили бы поплатиться и иностранцев. Проведут смертные казни и показательные процессы. Из-под бумаг Карпакова выглядывал эскиз, показавшийся Иоганну знакомым. Он вытер с большого и указательного пальцев сажу и осторожно его вытащил. Это оказалась карта дельты Невы с неразборчиво нарисованным изображением двуглавого орла, принадлежавшая Дерезеву. На полях стояло много крестиков и примечаний. Они изучали пути и привычки царя Петра.

«Если все прошло, как мы планировали, то сегодняшним утром он на два дня уедет на Берёзовый остров — в свой деревянный дом. Там, где его и поглотит поток». Целый список

имен и крупных рублевых взносов рассказал другую историю. Вероятно, Дережев через посредников целенаправленно разжигал конфликт даже между генеральным архитектором и другом царя Петра Меншиковым, пока последний ни приказал копать глубокие каналы, которые считал правильными. До сего момента их рыли не слишком глубоко, чтобы они могли сдерживать поток воды. Такая липкая сеть, украшенного соболями паука, растянулась перед глазами Иоганна от Москвы до русалки.

Он поспешно отвернулся и начал лихорадочно искать. Времени оказалось меньше, чем он планировал. Отчаяние сдавило ему грудь, и появилось чувство, что он задыхался. Не обнаружив в помещении никаких сундуков, он подошел к тяжелому занавесу и осторожно сдвинул его в сторону. Другая комната! Украшенный резьбой и похожий на трон стул с высокой спинкой возле окна, рядом — кровать под зелено-золотым пологом, изображавшим мерцающее небо. Неподалеку от кровати комод — на нем несколько икон в тяжелых деревянных рамах. В этой комнате тоже имелся красный угол, главное место которого занимало изображение Николая Чудотворца — покровителя России. Все иконы выглядели очень старыми, даже с нимба Георгия Победоносца отслоились тончайшие пластины золота. Богоматерь укоризненно глядела на, прокравшегося в комнату и перемазанного сажей, нарушителя спокойствия.

Иоганна беспокоил странный, неопределенный запах, проникавший в помещение, но он мобилизовал все свои силы, пытаясь хоть что-то распознать в полутьме. Каждая мышца его тела ощущалась туго натянутой скрипичной струной.

Свет свечи упал в щель между занавесками и озарил серебряную рыбу с крыльями.

Это она! От чувства полного триумфа перехватило дыхание. Он возликовал. Разумеется, сундук стоял рядом с кроватью. Иоганн в два шага подскочил к нему и потрогал шарнир и замок. Его пальцы нащупали бороздки, углубления и ребристый вкладыш. Сундук был заперт. На это он и рассчитывал.

Крышка со встроенным замком изготовлена не из гладкого черного мореного дуба, а из какой-то мягкой древесины. Полный азарта Иоганн потянулся к своему ремню и вытащил потайной ключ с деревянными и железными зубчиками.

Наконец то, вернулось смутное ощущение безопасности. Что-то треснуло, когда Иоганн воткнул третий штырь в замок. Он остановился и прислушался, затем полностью утопил ключ в механизм. С тихим щелчком замок поддался и повернулся. Иоганн облегченно вздохнул. Без усилий откинулась крышка. Наружу потек запах старого, промасленного дерева. Дуб вечность пролежал в болоте, за годы в этой мокрой могиле он почернел и затвердел. В сундуке лежал маленький ящичек из почти белого дерева, с просто насаженной крышкой.

Иоганн только собрался ее схватить, как услышал шаги. Не раздумывая, он метнулся назад, больно ударившись локтем об икону. Она качнулась и опрокинулась. Иоганн посмотрел на себя, как со стороны — белобрысый вор, чья рука вытянулась вперед и схватила икону, прежде чем она разбилась. Затем ему снова стало не по себе, кровь загудела у него в ушах, и он вспотел от испуга. Застыв в движении, он прислушался. Карпаков возвращался в комнату? Иоганн затравленно огляделся в поисках укрытия. Занавески в ногах кровати, там можно спрятаться. Но именно в тот момент, когда, как можно тише, возвращал крышку на место, собираясь удрать, он понял две вещи: во-первых, шум доносился не снаружи. Во-вторых, что-то зашевелилось в кресле. Старая рука с невероятным количеством колец.

— Ты кто? — спросил хриплый, пропитый голос. — Я тебя слышу.

Голос потух, и в следующий момент Иоганн сообразил, что за странный запах витал в комнате. Отвратительно пахло пропитанным водкой дыханием. «Это не может быть Карпаков, — подумал он. — Он же старовер и напиваться не будет. Или все же?»

В этот момент рука исчезла, и огромная тень отделилась от кресла. В полумраке комнаты мелькнули длинные белые волосы. Боярин, покачнувшись, ухватился за спинку, затем развернулся и шагнул к стулу. Появилось опустошенное, красное лицо, из гордыни все еще не смягчившееся. Борода падала ему на грудь. Между глаз зияла горизонтальная зазубрина, будто много лет назад он получил туда удар мечом или укол. Его широкую грудь украшали цепи. Карпаков казался сломленным великаном с колючими, широко распахнувшимися глазами. На его изборожденном морщинами лице появилась паника, а пальцы побелели, так крепко он вцепился в спинку.

— Это ты! — прошептал старик. Цвет его лица изменился с красного на призрачно-белый. — Дьявол!

В зеркале отразились перепуганные глаза Карпакова, и Иоганн вдруг понял, почему его так воспринял старик — подстерегавшая фигура с черным лицом и светлыми волосами, блестящими в свете свечи. Шанс, как лучик надежды, блеснул в темноте. Ему казалось, что он балансировал на узком выступе крыши. Карпаков, одурманенный от пьянства и сна, не соображал, где правда, а где сон. И Иоганн решил, что спастись бегством еще рано. Пока Карпаков верил, что он — дьявол, челядь не позовет.

— Ты хорошо выглядишь, старик! — тихо произнес Иоганн, преувеличивая свой немецкий акцент. — Я здесь, Карпаков! Не пытайся даже звать на помощь. Кто увидит мое лицо, сгорит на месте.

Старик отшатнулся, как от удара, но через мгновение закрыл рот, провел дряблой рукой по лбу и кивнул.

— Да, — прошептал он. — Да, да. Я тебя ждал. Столько ночей без сна. Я знал, что ты придешь, чтобы ответить на мой вопрос.

Иоганн кивнул:

— Поэтому я здесь.

— Почему именно Сергей? — выкрикнул старик.

Иоганн вздрогнул, но, казалось, никто не услышал крика или слуги уже привыкли, что их господин кричит, когда напьется.

— А почему бы и нет? — ответил, сохранивший присутствие духа Иоганн.

Гнев тлел в старых, потухших глазах.

— В этом весь ты, — горько произнес Карпаков. — Это ты соблазнил его служить в Кремлевской лейб-гвардии. А теперь издеваешься надо мной и хочешь, чтобы я бередил раны и посыпал их солью. Только тебе это не удастся. Я больше не позволю травить мне душу разговорами о Сергее.

Иоганн молчал, что, казалось, удовлетворяло Карпакова. Боярин отсутствующим взглядом смотрел в пол, и в данный момент сильно напоминал Митю. «Карпаков — сумасшедший», — осознал Иоганн. Или, по крайней мере, настолько пьян, что до сумасшествия ему оставался один шаг. Тем не менее, он не мог ни восхититься мужеством старика. Не важно, сколько водки текло в его венах, не каждый бы вступил в спор с дьяволом.

— Нож, — прохрипел старик. — Там, на шкафу. Это все, что у меня от него осталось.

Он был мне, как сын. После бунта они проволокли его по улицам Москвы и бросили в темницу Преображенского. Его пороли и жгли, снова и снова подвергали пыткам. Царь хотел от него услышать, кто были остальные заговорщики, — он застонал и стал со скрипом опускаться на пол, пока вдруг не встал на колени. — Это была твоя работа — он не виновен, ты это знаешь! Мы все заплатили, чтобы освободить моего племянника, или, по крайней мере, облегчить пытки. Но нет! После пыток его полумертвого отволокли к лекарю. Царь велел о нем хорошо заботиться, только ради того, чтобы снова его пытаться. Наконец, ему случайно удалось найти нож, он хотел покончить с собой в тюрьме. Но был настолько обессиленным, что не смог убить себя. Ты понимаешь это? Что христианин хочет убить себя, что он выбирает смерть от собственной руки?

Карпаков зарыдал.

У Иоганна перехватило дыхание. Он содрогнулся при мысли об оружии, как реликвия, лежавшем на сундуке. Оно давало смысл желанию убить царя. Карпаков во время Стрелецкого бунта потерял родственника. Племянника, который, очевидно, много для него значил.

— Его жена покончила с собой, узнав о его смерти, — продолжал старик. — Мария, какой же славной она была! Какой отчаянной! Это ты довел ее до смерти! А она могла бы жить! Ее отправили в изгнание вместе с братом, который тогда был еще ребенком.

— Дерезев? — вырвалось у Иоганна. Взгляд Карпакова это подтвердил.

— Ты наслаждался кровью Сергея? — спросил старик. — Или мучениями Марии?

Иоганн молчал, но крепче сжимал в руках икону, которую инстинктивно спрятал за спину.

— Ну? — спросил Карпаков. — Что, дьявол, язык проглотил?

Его взгляд сверкал от ненависти.

— Ты говоришь за нас двоих, — мрачно ответил Иоганн.

— Ты алчный, — прошипел боярин. — Думал, что ночью забереешь меня?

Ухмылка, искаженная гримасой, обезобразила его лицо.

— Не сегодня.

Иоганн предчувствовал движение, но долго реагировал, пока Карпаков не вскочил в прыжке. Мелькнул изогнутый кинжал. Иоганн, задыхаясь, бросился в сторону. Карпаков с грохотом натолкнулся на кровать и заорал. Горячая волна паники заставила Иоганна действовать молниеносно. Не раздумывая, он ударил иконой. Рамка хрустнула об висок Карпакова. Безумец кулем рухнул на кровать. Кинжал, который он все еще держал в руках, воткнулся в роскошное покрывало. Иоганн с трудом выдрал его из старческих рук. Из рваной раны на голове сочилась кровь, но Карпаков дышал. Зазвучали голоса, раздался пронзительный крик, естественно, рев Карпакова слышали. Времени у Иоганна не осталось.

Он мог сделать только одно — возможно ему повезет, и Карпаков поверит, что стал жертвой пьяного сна. Макнув палец в натекающую из раны кровь, он размазал ее по кровати стойке. Слугам необходимо думать, что Карпаков, находясь в пьяном угаре, споткнулся. Икону он вытер о штаны и поставил на место.

— Государь? — раздался голос из комнаты, находившейся под господскими покоями. Затем на лестнице раздались тяжелые шаги.

Иоганн обернулся и открыл сундук. Трясущимися пальцами раскрыл светлую коробочку и нашел в ней бархатный мешочек. В нем лежала не раковинка, а нечто настолько отвратительное, что он едва не закричал — мумифицированная лапа обезьяны, кожистая и

сморщенная. Не раздумывая, он немного разогнул непокорные пальцы. Осторожно засунув указательный палец в кулак, он нащупал что-то гладкое. Дверь скрипнула. Иоганн выдернул жемчужину русалки из обезьяньей лапы. Крашенная, фальшивая жемчужина, которую он вытащил из своего мешка, заменив ею настоящую, оказалась меньше, чем подлинник. Его пальцы внезапно стали большими и негибкими. Жемчужина выскользнула из них. Не удалось, дело не удалось!

Со звуком «Клак!» фальшивка упала на деревянный пол, немного прокатилась и провалилась в деревянную щель между досками. При попытке вытащить ее из щели, он расцарапал пальцы в кровь. Слишком поздно! Отчаявшись, он затолкал пустую обезьянью лапу обратно в бархатный мешок, мешок — в светлую коробочку, а коробочку — в сундук. В этот момент он услышал топот и крики.

Захлопали двери, слуга завизжал во все горло:

— Воры!

Со своей добычей Иоганн побежал к окну. Краем глаза он заметил взлохмаченную шевелюру во дворе и фигуру, убегающую отсюда и преследуемую толпой, выбежавшей из дома.

— Господин Карпаков! — прозвучал испуганный крик из спальни.

Сквозь щель в занавеске Иоганн узнал попа, который, к счастью, не в окно смотрел, а бросился к своему господину.

Иоганн взобрался на окно, перелез через подоконник и спрыгнул.

В нос ударил запах дыма. Находясь еще в воздухе, ему в голову пришло, что лучше бы он выбрал для приземления другое место на крыше. Еще, прежде чем он смог думать дальше, его колени хрустнули при ударе о крышу.

Гнилая доска, недавно уже не выдержавшая его вес, сломалась, как тонкая ледяная корка, и в следующий момент Иоганн сквозь крышу влетел в сарай, резко приземлившись на кучу соломы. Его сразу же окутал густой дым. Затылок лизнул жар. Дверь конюшни стояла нараспашку, от лошадиных боксов бежали слуги. Но увидев Иоганна, их глаза расширились от ужаса и они закричали. «Правильно, — дошло до Иоганна. — Я же — дьявол!». Он драматически воздел руки и заревел на холопов. Эффект оказался потрясающий. На его глазах они превратились в воюющие и кричащие души в чистилище, которые Иоганн видел на старых фресках в церкви. Спотыкаясь и визжа, они бросились прочь.

Когда Иоганн обернулся, то смог представить, что они увидели — черная фигура, вышедшая из огня. Конюшня горела ярким пламенем. Теперь оставался только один выход, пешком он вряд ли бы смог скрыться со двора. Вблизи по дереву били тяжелые копыта. Дома Иоганн, правда, пару раз ездил верхом на пахотной лошади, но сейчас находился в панике, которая заставила его вскарабкаться на стену стойла, поднять засов и забраться на спину огромного коня, наполовину обезумевшего от страха. В следующее мгновение под ним извергся вулкан. Пряди гривы вырвались из рук. Плечи испытали такой сильный рывок, что он пытался лишь удержать равновесие в огромном вихре. Копыта загрохотали по земле, и он в последний момент пригнулся под рамой двери. Его ослепило пламя, потом на него обрушился поток воды. Перед ним зияли кричащие рты, и кто-то показывал на него пальцем. Брошенные в ярости вилы едва не попали в него, от пистолетного выстрела зазвенело в ушах. Иоганн в ужасе прищипил коня. Он промчался посреди толпы, проложив коридор среди тел, и поскакал галопом по улице. Караульные на башне, как сумасшедшие, размахивали факелами в ночном небе. Распахивались окна, люди выбегали на улицу. В отчаянии Иоганн

попробовал сориентироваться. По иронии судьбы необузданный конь поскакал в переулок возле церкви. За его спиной снова послышались пистолетные выстрелы — их достаточно, чтобы поднять на ноги весь город. Иоганн пригнулся к шее коня. Сейчас появятся солдаты и подстрелят его лошадь. Конь проскакал вокруг церкви и поскользнулся на повороте. Иоганн свалился с мокрой от пота спины скакуна. В следующий момент он услышал полный ужаса визг коня, крик, удар копытом, от которого весь воздух вышел из грудной клетки. Из глаз посыпались искры, и он решил, что задохнулся.

Медленно в его затуманенной голове сложилось, что конь его сбросил, и он спиной плашмя приземлился на землю, появилось ощущение, что нет воздуха, и он тонет на суше. Поблизости раздались шаги и голоса.

Затем он увидел себя сидящим на полупустой бочке, и дрожащим от холода, и вряд ли мог вспомнить, зачем влез в эту поилку для лошадей. По улице вслед за конем пробежала толпа. Пронзительные крики удалились, тревожные голоса с энтузиазмом передавали слухи и на редкость фантастические истории:

— ... растворился...

— ... в огненном шаре...

— ... превратился в коня...

Иоганн задрожал всем телом. Вода, пропахшая деревом и мокрой землей, закрывала его по грудь и, по меньшей мере, облегчала боль ссадин, полученных при падении на крышу. Отсюда нужно уходить, еще немного, и солдаты, прогнав людей с улицы, начнут искать злоумышленника. Он поспешно схватил мешочек с жемчужиной и успокоился. Она по-прежнему там! Сквозь кожу совершенно точно чувствовалась ее форма. А Елена? Это она подожгла конюшню? Такого он даже не мог себе представить. Крики затихли, а вдалеке все еще раздавался топот копыт. Иоганн торопливо плеснул водой в лицо, отмыл сажу с кожи и вылез из бочки. Вода стекала с его штанов, пришлось их отжимать, как можно лучше.

Затем он побежал в тени домов, пропуская ночных гуляк, все еще стоявших на улице в ночной одежде и обсуждавших происшествие, и отправился на постоялый двор. Успела ли Елена убежать?

Когда Иоганн, задыхаясь, прибыл на зады дома Коляныча, то непроизвольно ускорил шаг. Как он и опасался, дом оказался ярко освещенным, но, к счастью, все столпились у переднего входа и спорили. Иоганн смог незаметно проскользнуть через грязный двор к приоткрытому окну. Из последних сил он подтянулся. В следующее мгновение, к своему облегчению, он почувствовал две сильные руки, которые сомкнулись на его плечах и втянули в комнату.

— Слава Богу! — произнес он от всей души.

— Тихо! — прошипела ему Елена.

В коридоре раздались шаги, потом в дверь постучали.

— Господа? — спросил Коляныч подобострастным голосом.

— Что? — недовольно крикнула Елена глубоким голосом Евгения.

— Все в порядке?

— Здесь внутри, да! — ответила Елена.

— Если б вы на улице смогли сохранить спокойствие!

Шаги вновь удалились, гости громко болтали на немецком и французском языках. Смех проникал сквозь щели. Суматоха начала превращаться в разукрашенную подробностями сказку. Иоганн сделал невозможное — он бежал быстрее, чем слухи по русским улицам.

— Ты в порядке? — прошептала Елена, нащупав его руку, и заметила, — Ты мокрый.

— Прятался в корыте. А ты?

— Я почти две улицы пробиралась по крышам. Завтра они расскажут, что по их домам скакал дьявол. Но, не смотря ни на что, твою обувь я не потеряла.

— Это ты подожгла конюшню Карпакова?

— Я? — засмеялась она тихо. — Прекрати, Бремов. Идиот конюх проснулся от суматохи в доме, увидел меня и захотел побеспокоить своих хозяев. Произошла драка. В конюшне упала лампа. Красиво же меня подловили. Я думала, он вывернет мне руку, — ее голос дрогнул и опустился до тревожного шепота. — У тебя...

— Да.

Ему хотелось выкрикнуть это слово торжествующим голосом, но он лишь схватил Елену за руку и вложил ей в ладонь мешочек с жемчужиной.

— Она здесь, — прошептал он. — Но нам нужно уходить, мне не удалось подменить жемчужину.

— Что?

— Она выпала у меня из руки. Можно лишь надеяться, что Карпаков утром не полезет в сундук.

— Он тебя видел?

— Очень смутно.

Глубоко вздохнув, пришлось ей рассказать о письменном столе Карпакова, о бумагах, о запланированных арестах, и об имени «Евгений Михайлович Сказаров», внесенном в список. Елена отошла тихим шагом. Иоганн услышал звук, перечеркнувший весь его триумф. Она плакала?

— Что ты делаешь? — спросил он.

— У нас есть жемчужина, — прошептала издалека Елена. Он понял, что этот звук был приглушенным смехом. — Это главное. Русалки будут жить.

В этот момент распахнулся ставень. Внутри проник сумрак поздней ночи, превративший Елену в силуэт из кукольного театра.

— Я хочу взглянуть на жемчужину, — сказала она. — Иди сюда!

Он охотно последовал на этот призыв и удивился, когда Елена обняла его в темноте. Это не походило на чопорное, почти неприступное объятие Евгения.

— Спасибо тебе, — прошептала она.

Она быстро отпустила его и снова уселась под окном, и, вынув сокровище русалок из мешочка, протянула его Иоганну.

На ощупь жемчужина оказалась гладкой, как шелк. Он осторожно покатал ее по ладони. Она — совершенство! Рассмотрев ее повнимательнее, он остался стоять с открытым ртом. Пурпурный цвет горел, как лава, и отбрасывал светло-красное сияние на его ладонь. Перламутр блестел всеми цветами крови, смешанными с насыщенным цветом вечерней зари. В тяжелой от возраста и энергии жемчужине покоилась тайна, и соединялись воедино голоса моря. Он представлял образы танцующих тел, принесенных потоком в глубину, туда, где нет света, а только пульсация последних огней, красная и вечная. Иоганн почувствовал, как на мгновение исчезли все страхи, и его сердце распалось на рой бабочек. Он был так счастлив, будто всю жизнь ждал лишь для этого мгновенья — сидеть здесь вместе с Еленой, тесно прижавшись друг к другу, на корточках под окном, с жемчужиной в руке.

Коляныч выглядел, будто провел всю ночь, уставившись на улицу. Его глаза распухли и покраснели, а настроение было чернее тучи.

Тем не менее, он старался вести себя вежливо с гостями, которые поднялись ни свет ни заря. Каша отдавала глиной и мучным червем, но Елена и Иоганн выхлебали ее без единого замечания, прислушиваясь к бормотанию, колыхавшемуся, как жирный пар, в горнице. Речь шла о пожаре, который с трудом потушили, о поджигателях и грабителях. Городская стража задержала несколько подозрительных фигур, слонявшихся поблизости от дома Карпакова. Хозяйка, жена Коляныча, несколько раз перекрестившись, пробормотав что-то про дьявола, и Иоганну пришлось под столом легонько пнуть Елену в голень, так как она не могла удержаться от смеха. Многозначительно посмотрев на него, она подняла брови и кивнула.

— Нельзя допустить, чтобы эти рассказы о дьяволе услышал царь, — проворчал Коляныч, глядя на Иоганна.

Иоганн сделал вид, что не понял намека на Елену, но решил, что настало время уходить. Торопливо забрав остатки завтрака, они принесли свои вещи.

Улицы еще спали, солнце пока не взошло, и туманный утренний свет раскинул над улицами, на которых еще несколько часов назад царила суматоха, безмолвный покров.

— Так рано в путь? — поинтересовался страж на городских воротах. Он оглядел обоих путешественников с головы до ног.

Иоганн чувствовал себя некомфортно, но запугать себя не позволил. Дорога всего в нескольких шагах, если они доберутся до края леса, то будут свободны.

— Царский лекарь ждать не будет, — ответил он самоуверенным голосом. Без дальнейших пояснений он вытащил послание с царским гербом и печатью аптекаря. Хоть часовой не смог прочесть ни буквы, но герб с двуглавым орлом, увенчанным короной, явно произвел на него впечатление.

— Держите путь в новый город? — спросил он.

Иоганн важно кивнул.

— Как Вы здесь прочитали, мы должны без промедления вернуться в аптеку Петропавловской крепости, — он доверительно наклонился. — Полковник болен, вот... — он постучал по своему пакету, — компоненты для лекарства из Москвы.

Солдат осмотрел пакет, в конце концов, махнул рукой, пропустили.

— Нечего здесь стоять, — рявкнул он. — Царь не ждет!

Облегченно, что он не потребовал взятку, а поверил на слово, они удалились быстрым шагом. Иоганн спиной чувствовал взгляд солдата, будто тот тыкал в нее указательным пальцем.

— Не оглядывайся, — прошептала ему Елена.

Вдалеке прозвучал топот копыт. Как уже бесчисленное количество раз за сегодняшнее утро, Иоганн схватил мешочек, висевший у него на поясе, и удостоверился, что жемчужина все еще там. Фигуры всадников на дороге увеличились, их силуэты возвышались в утреннем, светлом небе.

Что-то в этой картине насторожило Иоганна, и даже Елена вдруг пошла медленнее, пока, наконец, не остановилась.

— Солдаты? — пробормотала она.

Сердце испуганно заколотилось в груди Иоганна. Теперь и он распознал мундиры. Четыре драгуна с ружьями и два гренадера в синей униформе. Они скакали галопом в город, будто имели важное поручение.

— Почему у меня такое чувство, что нам нужно бежать? — пробормотала Елена.

— Потому что ты права, — ответил Иоганн.

В следующий момент они спрыгнули с дороги и пригнулись за хилым кустарником. В утреннем свете лица солдат казались восковыми. Двух из них Иоганн знал слишком хорошо.

— Люди Дерезева, — шепнул он. Елена побледнела.

— Они нас ищут?

— Если нет, то вскоре этим займутся. Скачут к Карпакову. Вероятно, они — его эскорт в Санкт-Петербург.

Елена едва заметно кивнула.

— С лошадьми они опережают нас на день, если не больше.

Всадники становились все меньше и затерялись на фоне города.

— Нам повезет, — произнес Иоганн, — если Карпаков не обнаружит, что жемчужина отсутствует. Тогда у нас есть шанс. Больше нельзя терять время.

Глава 8

ИВАН

Путь назад оказался в сто крат тяжелее, чем туда. Через некоторое время начался моросящий дождь, размочивший землю и, несмотря на летний ветерок, они замерзли. Те несколько часов, посвященные привалу, прошли в торопливой дремоте, сопровождавшейся странными, тяжелыми снами. В них Иоганна окружала вода. Грязная и вязкая, душившая каждое движение. Рядом с ним мелькали таинственные и нереальные лица, даже, если он думал, что распознал черты Михаэля и Марфы. Будущее защелкнулось, как капкан, и держало его, задыхающегося и полного отчаяния. Когда он проснулся, дождевая вода стекала с его волос. Присутствие Елены немного утешало. Без слов они устроились рядышком в темноте, привалившись друг к другу, как кошки. В эти часы они не разговаривали, но Иоганн узнал новую Елену, девушку, чьи руки он грел в своих руках, и которая была не такой грубой и неприступной, как Евгений. Казалось, что шаг за шагом в его присутствии она снимала маску Евгения. Осталась лишь грустная девушка, не говорившая ни да, ни нет. Холод и лихорадка сковали их конечности. Огонь развести они не решились, дерево было настолько мокрым, что для людей Дережева дым в небе послужил бы указателем. Иоганн часто сомневался, что они сбились с пути, но, в конце концов, лес поредел. Подул сильный, юго-западный ветер. Иногда Иоганн считал, что чует соленый воздух, но заблуждался. В эти дни он часто думал о том, какая же огромная Российская империя. И какой маленький он сам, как муравей, соблазнившийся пристать к берегу Невы. С каждым шагом им казалось, что их засасывало в болотистую почву, а, дувший навстречу, сильный ветер старался их удержать подальше от цели. Иоганна снедала тревога о Михаэле и Марфе, и мучил вопрос, вдруг он недооценил Дережева.

Перед его глазами снова вставали фамилии, записанные Карпаковым. Хороший план представить убийцей немца! Елена, казалось, и не устала. Ему пришлось признать, что она вынослива, как мул. Хоть его шаги и шире, она часто оказывалась быстрее, чем он.

Иоганн не знал, как долго они уже находились в пути — день, два или, может, сто, когда услышал позади эхо окрика. Еще стояла ночь. Ветер донес до них стук копыт. Иоганн с Еленой переглянулись. Паника заставила их замереть. Люди Дережева? Посреди леса? В следующий момент все снова стихло. Иоганну очень хотелось верить, что слух сыграл с ними злую шутку, но в следующий момент они уже знали: их кто-то преследовал. Это был не шум, который можно распознать, скорее предчувствие, шаги замирали, когда они останавливались. Иоганн молча подал Елене знак. Она едва заметно кивнула. Зайдя незаметно за поворот, они разбежались подальше друг от друга, пока не заметили направление шума. Затем Иоганн пошел твердой поступью, направляя преследователя на шум своих шагов, а Елена взлетела на дерево — бесшумно и так быстро, что выглядела странной обезьяной.

В следующий момент Иоганн услышал треск и обернулся. Через подлесок прошмыгнула тень. Без слов он метнулся за ней.

Его не радовало, что придется сбивать с ног охранника, но менее всего им сейчас нужен был предатель. Елена прыгнула.

Мужчина испуганно хрюкнул себе под нос. Кулак ударил Иоганна в подбородок с такой силой, что тот покачнулся. Сквозь красную пелену боли он увидел, как Елена спрыгнула на

спину солдата и попыталась его придушить. Иоганн вскочил и замахнулся.

Его кулак ударил мужчину прямо под дых, выдавливая хрип из изогнутого тела. Пока Иоганн замахивался во второй раз, его мозг осознал, кто перед ним. Потрепанный мундир соскользнул с плеч.

— Митя!

Юродивый зашатался, как раненый конь под всадником, споткнулся и упал. Елена спрыгнула с его спины.

— Митя, о Боже! Мы ранили Митю!

Иоганн бросился к дурачку и осторожно перевернул его. Митя держался за живот и жадно ловил воздух.

— Он не ранен, — Иоганн попытался успокоить себя и Елену. — Митя, успокойся. Дыши, слышишь?

Лицо Мити стало красным, как у рака, он выпучил глаза, и, хоть с перерывами, но дышал. С облегчением они увидели, как юродивый перевернулся на бок и сел. Его взгляд блуждал по рукам, измазанным грязью.

— Дерезев! — простонал он.

Тело Елены напряглось.

— Где? — прошептала она и оглянулась.

Митя, сделав переплетенный жест, который Иоганн не понял, встал, пошатываясь на ноги, и убежал.

— Мы должны идти за ним, — зашептала Иоганну Елена.

По возможности тихо, побежали они через подлесок. Иоганн поражался Мите, который вдруг превратился в тень. Из его тела исчезла неуклюжесть. Вспомнились слова русалки: «Митя любит лес». Возле одного из деревьев он остановился и сдвинул в сторону ветви и вьющиеся растения. Показалась дыра — дерево внутри полое! Раздался возглас, теперь даже стук копыт слышался отчетливо. Юркая, как лиса, Елена исчезла в огромном дупле, Иоганн посмотрел в широко расставленные темно-зеленые глаза юродивого и последовал за ней. Митя подтолкнул Иоганна в ствол, затем опустил ветки на пещеру и, как черт, помчался от них. Они так тесно прижались друг к другу, что могли слышать бешеные удары их сердец. В стволе пахло гнилым деревом.

— Я их слышал! — крикнул гортанный голос.

Очень близко зафыркала лошадь.

— Проклятье, они не могли далеко уйти! Разве только свернули на главную дорогу.

Раздался голос Мити. Он пел.

— Эй, Митя! — дружелюбно произнес первый голос.

Конечно же, это гренадеры. Митя принес им удачу.

— Признавайся, ты их поймал?

- Всегда и никогда, — ответил Митя.

— Ну, тогда покажи нам, где эти двое спрятались!

Второй голос рассмеялся.

— Они влезли в дерево, — серьезно сказал Митя. — Их руки свесились из пасти, а из глаз вытекает река.

Первый голос засмеялся:

— Спасибо, Митя. Ты оказал нам большую помощь, — и грубо бросил солдату, — Эй, Дима! На главную дорогу, вперед! Они нас почуяли, я тебе говорю!

Стук копыт затих. Иоганн почувствовал боль в руках, и до него медленно дошло, что ему мешают руки Елены, за которые он все еще держался. Ветви зашуршали, затем показалось озабоченное лицо Мити. Без слов он схватил Елену и вытащил ее из дупла. И помог Иоганну, который не смог со своими длинными ногами одним махом вылезти из ствола.

— Повезло, — пробормотала Елена и заулыбалась юродивому. — Спасибо, Митя!

Дурачок что-то проворчал, развернулся и побежал вперед. Наконец-то, в поле зрения появились первые вырубленные деревья, среди них виднелись свежие следы кавалькады. Они достигли внешнего кольца, к которому приближалось городское строительство. Издалека ветер донес до них окрики. С трясущимися ногами они остановились, слабые и изможденные после дождливых дней странствий. Глубокая канава перед ними, образовавшаяся в результате волочения выкопанного из земли ствола дерева, заполнена водой. В Санкт-Петербурге некоторые дома, лежавшие на уровне моря, затопило бы дождями.

— К реке туда, — пояснила Елена, указав на север. — Через час мы сможем быть там.

— Если снова не будут ждать люди Дережева.

Они помедлили. После длинной паузы Елена откашлялась:

— Хорошо. Нам страшно. Ну, и? Мы могли бы с юго-восточной стороны подойти к реке — далеко от города вверх по Неве. Я там позову русалку.

Иоганн думал о дяде Михаэле. От беспокойства у него перехватило дыхание.

Елена глянула на него строгими глазами.

— Бремов, тебе нельзя идти. Ты беспокоишься о Марфе и о других. Итак, возвращайся в город, и позволь мне отправиться к берегу. Это... моя история.

— Теперь и моя тоже, — раздраженно ответил он. Почему она сумела его так легко разозлить? — Мы оба идем, — упорствовал он. — Ты что думаешь, я для тебя забава или слуга?

— Русалка! — сказал Митя.

— Да, — откликнулась Елена и обессиленно потерла глаза. — Нам надо туда.

Рука дурачка устремилась вперед и схватила девушку за предплечье.

— Нет. Нет-нет-нет.

— Что это значит?

Голос Мити стал тихим и плаксивым, как у ребенка. Он раскачивал туловище, будто старался себя убаюкать.

— Кошки спят в волнах, белая девочка спаслась бегством, сестра-близнец мертва.

— Чья сестра-близнец?

— Наташа — кошка, — запел юродивый. — Кошки и воробьи лежат в гнездышке. Мужчина, который снится, держит кол, — с последними словами он вытащил из кармана кусок деревяшки и коснулся им правого плеча Елены. — Мужчина держит кол! — настойчиво прошептал он.

— Покажи! — попросил Иоганн.

Митя дал ему кусок дерева. Иоганн взглянул на него и застыл.

— Это Иван сделал.

Осознание приходило медленно, но в полном объеме. Он держал перед лицом Елены маленькую статуэтку Богоматери, походившую на ту, которую ему подарил Иван.

— Дядя Михаэль, — сказал он. — Мужчина, который снится, — это мой дядя. Михаэля обвинят в смерти Наташи!

Митя заплакал. Елена еще больше побледнела и тронула рукой юродивого.

— Михаэль у них? Митя, он у них?

Митя криво усмехнулся. Иоганн вновь удивился, каким разумным мог быть дурачок, когда он этого хотел.

— Колокол бьет. Но его звучание все еще носит воздух, — ответил он.

Иоганн подскочил.

— Они на пути в мастерскую. Я должен их предупредить!

Елена с сомнением посмотрела на него. Дождь бежал по ее лицу. Она рукавом вытерла капли со лба.

— Я пойду с вами.

В сентябрьской ночи горели факелы, ночная смена работала в лесу. Троица, ловко обогнув все места, на которых валили деревья, очутилась в непосредственной близости от города. Митя, казалось, знал, чего от него ждали. Когда один из часовых на городской окраине попал ему в поле зрения, он просто рванул от Иоганна и убежал. На мгновение Иоганн не понял, что затеял юродивый, но затем Митя достиг часового, взволнованно замахал руками и потащил стража прочь. Часовой окликнул пару солдат, и они отправились в, указанном Митей, направлении, будто там обнаружилось что-то необычное. Елене и Иоганну хватило времен незаметно войти в новый город царя Петра.

Несколько минут они подождали Митю, но юродивый, очевидно, улизнул, уводя солдат.

На первый взгляд, ничего не изменилось.

Строительные работы на болоте продвигались дальше, насыпано больше земли, некоторые здания немного выросли. Иоганн понимал, что он не месяцы отсутствовал, а всего лишь несколько дней, хотя для него время текло медленнее, чем во время путешествия из Магдебурга в Москву. Кружным путем они пробрались к мастерской. Иоганн облегченно вздохнул. В здании горел свет. Обычно, если ночью не спалось, Михаэль вставал и готовился к утренней работе.

Елена огляделась.

— Я подожду здесь, — прошептала она. — Если что, кричи!

— Спасибо, Елена!

Она заметно сглотнула, когда услышала свое имя, но лишь кивнула и сделала ему резкий тычок под ребра.

— Иди уже! — прошипела она ему. — Не трать попусту время!

Он встал и побежал между домами. Улицы были пустынные, крепостные попрятались от дождя в своих убогих домишках или под выступающими крышами нашла, защищенные от ветра, места. Иоганн поднял теплую и знакомую на ощупь деревянную щеколду. Сделав глубокий вдох, он тихонько вошел. Запах дерева ударил ему в нос, а сухое тепло после многих дней под дождем согрело его. Он удивился, увидев двух человек, сидевших на лавке. Между ними горела свечка. Это были не Михаэль с Марфой. А солдат и Митя.

— Наконец-то, — произнес хорошо знакомый голос.

В углу мастерской, в темноте выросла тень и шагнула на свет. Глаза Держева насмешливо заблестели.

— Задержите его!

— Держев! — заорал Иоганн громко, как мог. Он рванулся прочь, но было поздно. Прежде чем он смог ударом кулака сбить солдата, вскочившего с верстака, его сзади ударили твердым предметом по голове. Как глухое эхо, услышал он крик Мити, и увидел, что дурачок

убежал из мастерской, затем у него все поплыло перед глазами. Вернувшаяся реальность превратилась во вкус крови и чувство боли. Вода стекала ему за воротник, а рубаха прилипла к телу. Он с трудом моргнул и спросил себя, не приснилось ли ему присутствие Мити. Теперь он был один в мастерской — наедине с Дерезевым. Нет, стоп, там находились еще два солдата — справа и слева стояли они рядом с ним и грубым захватом держали его в вертикальном положении.

Жестокие глаза Дерезева блестели, как стекло

— Ты хочешь предупредить молодого рыбака, не так ли? — заметил он теперь с иронической улыбкой. — Напрасный труд, дружок. Это он привел тебя к нам.

— Врешь! — крикнул ему Иоганн. — Отпусти меня, паршивый трус!

— Помедленнее, Иоганн, — произнес Дерезев. Он выделил имя с таким презрением что Иоганну стало страшно. — Ты убийца, ты знаешь? — спокойно продолжил полковник. — У нас есть свидетели.

— Пустите меня, вам убийство даром не пройдет! — зашипел Иоганн. Солдат справа усилил хватку. В плече Иоганна что-то хрустнуло.

— Это нравится мне в вас, еретиках, — заметил Дерезев. — Вы все — горлопаны.

— Что ты сделал с Михаэлем и Марфой? — сквозь зубы спросил Иоганн.

— О, их отправили в тюрьму. Они помогали убийце. У нас есть показания свидетелей. Показания дворян, а не каких-то крестьян, которых можно подкупить.

— Зачем тебе это, Дерезев? Что ты имеешь с этого заговора?

Брови полковника полезли вверх.

— Не много. Не будет кровопийцы царя и бесполезного города. Да, мы сохраним крепость, как ворота в Балтийское море. Но мы больше не будем жить по немецким законам.

— Думаешь, твоя сестра Мария одобрила бы, что ты здесь творишь?

Иоганн не успел закончить фразу, как получил удар в подбородок. Тяжело задышав от испуга, он устоялся на Дерезева. Его челюсть дрожала.

— Не смей произносить ее имя своим грязным ртом! — взревел Дерезев.

Оба солдата рывком подняли Иоганна, осевшего после удара на пол. Полковник внезапно побледнел, как приведение, лишь глаза его горели в полумраке мастерской.

Вдруг он криво улыбнулся, превратившись в оскалившего зубы, черного волка.

— У нас мало времени, царь еще спит в своем доме, — он кивнул солдату, стоявшему слева от Иоганна. Тот схватил Иоганна за ремень и перерезал его.

Иоганн стиснул зубы, ругая себя за глупость. Почему он не отдал жемчужину Елене? Мешочек пролетел по воздуху, и Дерезев поймал его небрежным жестом. Он улыбнулся и перевернул его в левой руке. Затем взмах ресницами погасил эту улыбку, как шипящее пламя под потоком воды. На его руке лежал камешек. Красивый и круглый, такого же размера и, вероятно, чуть тяжелее, чем жемчужина.

Измученный Иоганн устоялся на серую подмену. Дождевой шквал ударил о деревянные стены мастерской. Лицо Дерезева исказила гримаса гнева. «Елена, — подумал Иоганн. Елена взяла жемчужину. Но зачем?».

— Где жемчужина? — ревел Дерезев.

Иоганн, плотно сжав губы, молчал. Это была ошибка. Полковник оставил ему мало времени носить голову на плечах. Она грозила развалиться, как полено под молотком. Пальцы рук железными скобами тряслись от холода. В плечах появилась пульсирующая боль. Рука Дерезева схватила его за волосы и дернула.

— Где?

Иоганн не ответил. Страх душил его, будто он держал пари, что умрет. Для него было важно молчать и дать Елене время добраться до Невы. Новая мысль, жгуче-красная и неприятная, мелькнула в его в голове. Елена предала его?

— Выбейте это из него, — сказал Дерезев и отпустил.

Свое дело они знали. Гораздо позже, когда Иоганн очнулся, его губы прилипли к дереву. Он не особо гордился, что не выдал Елену. Это объяснялось не мужеством. Просто от боли у него отнялся язык. Пока он лежал без сознания, его бросили, вероятно, чтобы позже снова вернуться.

Он застонал. Но вокруг стояла тишина. По крайней мере, так казалось. Ни рева, от которого лопались уши, ни деревяшек, разбивавшихся о спину и вонзавшихся в желудок, ни кулаков, ни запаха пота и отчаяния. На его глазах лежали два слоя промасленного полотна, и когда он с усилием моргнул, чувство жжения подсказало ему, что это были его отекавшие веки. Кровь начала сочиться и намочила подбородок. Он осторожно подвигал языком, заметив, что потерял всего лишь один зуб.

Чудо. Сырость охладила его щеки, но это была не кровь, а холод и запах древесины. Семенящий шорох над ним превратился в ливень. Вокруг домов завыл вихрь. Как вода просачивалась сквозь трещины, так по каплям возвращалась к Иоганну память. Сколько он мог здесь уже лежать? Полдня? День?

Голову ему поднять не удалось. Кто-то примотал его шею к ножке верстака, да так низко, что он оказался прижатый лицом к полу — сквозь щель под дверью текла вода из, разбухавшей на глазах, Невы. И в такой необычный момент он позволял себе двигаться и восхищаться видом. Казалось, будто он перемещался в блестящем зеркале. Если вскоре не появится Дерезев или его люди, он утонет. Однако утонуть было для него предпочтительнее. Панику он больше не чувствовал, вместо нее появилось, свежее и острое, как запах перца, разочарование. Жемчужина. Елена. План выглядел логичным — она украла у него жемчужину и отправилась на берег. Она знала, что Дерезев ждет его здесь, и Иоганн надолго его отвлечет. Но готова ли Елена принести его в жертву русалкам? Он практически ничего не знал о девушке, бывшей его лучшим другом, практически ничего. И упорно искал другой выход.

Ему на ум пришел Коляныч с постоянного двора. Их ограбили? Или Митя взял жемчужину? Недоверчиво вспомнив юродивого, он отбросил эту мысль. Если он принес жемчужину русалке, она бы пошла на все, чтобы ее оставить.

Шум вырвал его из оцепенения, зеркало воды разлетелось на множество мелких волн, затем он вдруг увидел две ноги. И застонал в ожидании новых побоев. Но судьба оказалась благосклонной.

Ноги исчезли, возле его лица появились две руки, и Иоганн вдруг увидел светлую бороду.

— Иван!

Старик деловито его оглядел, будто Иоганн был конем, чьи шансы он оценивал, встанет ли тот на ноги или нет. Подскочив, на редкость проворно, он поспешил к сундуку с инструментами, вскоре вернулся с пилой, и начал ловко отпиливать ножку верстака. Иоганн слышал дребезжание цепей и понял, чем Дерезев приковал его. Ножки верстака крепились к дощатому полу. Гениальная идея, приковать здесь узника. Прошла вечность, вода уже доходила Иоганну до уголков рта, тогда Иван предпринял вторую попытку, на этот раз ниже.

Никогда прежде Иоганн не видел старика так близко. Пот стекал по его сосредоточенному лицу, возле носа и рта залегли глубокие морщины. Ожесточенно и яростно пилил Иван, не останавливаясь ни на минуту, хотя пила неоднократно соскальзывала, и он ободрал пальцы.

Спутанные белые волосы падали ему на лицо, и если бы Иоганн хорошо его не знал, то решил бы, что крепостной сошел с ума. Наконец, пила с последним резким шумом прошла сквозь дерево. Иван вскочил и со всей силы пнул по ножке. Она вылетела и с треском упала на пол.

— Вставай! — приказал Иван.

Иоганн, почти задушенный цепью, задвигался резкими толчками. Железо, повисшее на дереве, как репейник на ткани, наконец, лязгнуло. Звенья цепи прошли в отверстие, и Иоганн упал на бок. Иван был уже рядом и разрезал веревки на руках и ногах. Наконец, он смог стянуть цепь через голову.

— Спасибо! — вымолвил он. — Где... ты на сей раз прятался, когда они пришли?

Старик дернул подбородком в сторону сундука с инструментами.

— Ты все слышал?

Иван кивнул и указал на заднюю стену мастерской.

— Ты пришел через тот лаз? — Иоганн смущенно огляделся и обнаружил недостающую доску. Он с удивлением отметил, что это та самая доска, которую прибили к задней стене после пропажи утопленницы. — Ты ее снова расшатал, — констатировал он. — После визита царя Петра?

— Да, — пробурчал Иван. — Это единственный ход наружу. Выходы и окна ублюдки забили досками, — он наклонился и поставил Иоганна на ноги, не обращая внимания на его стоны. — У них Марфа и твой друг. Ты должен спешить.

Елена у Дерезева! Иоганну все стало ясно. И жемчужина! Прежде чем Иоганн смог запротестовать, старик вытащил его через ослабленную доску.

— Давай, — проворчал он. — У тебя мало времени.

— Спасибо, Иван! — от всей души поблагодарил Иоганн. — Извини, что я думал...

Крепостной неодобрительно покачал головой.

— Ты все еще не можешь отличить друга от врага.

Когда он продирался сквозь щель, болело во всех местах, но уже через несколько мгновений Иоганн справился и оказался по колена в воде. То, что он увидел перед собой в пугающе бледном утреннем свете, являлось совершенно другим Санкт-Петербургом. С неба на совершенно затопленный город лились потоки воды. Наводнения и прежде неоднократно случались, но сегодня красная слизь поднималась до горизонта и лежала на воде кровавой фатой. Люди сустились у прилива, прыгали в весельные лодки и спасались на крышах домов. Хоть каждое движение и сопровождалось невыносимой болью, Иоганн побрел, по возможности быстро, в сторону Невы.

Глава 9

ЖИЗНЬ ЗА ЖИЗНЬ

Штормовой ветер пронесся с юго-запада и потрепал воду. Нева превратилась в бурлящее море. Грузовые баржи оторвались и уплыли. Где-то на другой стороне реки стоял в своем домике царь, наверное, по колена в воде. Он и не подозревал, что Нева лишь ждала, чтобы поглотить его окончательно. Она ждала последнего приказа Карпакова. Иоганн напряженно осматривался. Плывающее дерево толкнуло его под колени и чуть не опрокинуло. Никто не позаботился о сильно изувеченном парне.

Мимо него с криками, натываясь друг на друга, мчались люди. Они стремились добраться до спасительной крыши.

Но паниковали не все. Иоганн, к своему ужасу, понял, что они ждали этого дня, и увидел, как вода Невы разделила толпу на предателей и ничего не подозревающих. Растерянно он наблюдал, как солдаты поворачивали коней и, высоко разбрызгивая волны, скакали к Неве. Надзиратели, гренадеры и драгуны яростно прокладывали себе дорогу. Он хотел, даже рискуя быть обнаруженным, побежать за предателями. Впрочем, это выглядело не очень правдоподобно. Вероятно, в этот момент он сам себя не узнавал. Как можно осторожнее он сбросил с себя рубаху и побрел навстречу толпе, в панике спасавшийся бегством от воды. Она двигалась прочь от реки, в направлении леса, который предоставил бы им убежище. Через полмили от напряжения ему стало не хватать воздуха, но теперь он знал, куда ведет его дорога: не к иве, далеко на востоке за пределами города, нет, она ведет его на Южный берег, напротив Заячьего острова. Дождь хлестал в лицо, левое ухо оглохло от порывов ветра, приведшего реку почти в состояние покоя.

Нева выглядела опасной, почти черной, бездонной глоткой, жаждавшей поглотить город. Только по крышам домов можно было догадаться, где земля, а где река.

Еще издали Иоганн узнал Карпакова.

В своем длинном пальто, которого не касались волны, он стоял на деревянном помосте, воздвигнутом, вероятно, совсем недавно. Присмотревшись, Иоганн догадался, что это грузовой кран со многими блоками, которым обычно пользовались докеры. Деревянными островками лежали вокруг помоста пришвартованные лодки. «Для бегства с острова» — подумал Иоганн. Маленькие ковчеги для избранных, желавших пережить разрушение города. Он продолжал сражаться с водой, пока не споткнулся, и его почти сразу затянуло в поток. Он напряженно осмотрелся, но русалка не показывалась. Вместо нее он увидел Дережева. Страх своей холодной рукой сжал ему горло. Елена! Она извивалась, как дикий зверь, сидевший на цепи. Иоганну стало ясно, что жемчужина, на самом деле, уже у Карпакова. Ветер переменялся и доносил до него обрывки фраз.

— Зови ее! — крикнул Дережев Елене.

Иоганн увидел, что она стиснула зубы и упрямо покачала головой. Бледная, как русалка, но с горящими от ярости глазами. В этот момент он бесконечно гордился ею. Карпаков сделал неправильный выбор. Дережев размахнулся и ударил Елену по лицу.

— Пусти ее! — рявкнул Иоганн.

Солдат обернулся, обнаружил его, и, подняв ружье, прицелился. В воздухе хлестнул выстрел. Иоганн бросился в воду, нырнул и почувствовал, как его уносит потоком. Когда он снова вынырнул, то заметил, что солдат озирается, разыскивая его, и затем, вероятно, решил,

что поразил свою жертву. Иоганн плотнул воздуха и попробовал еще раз сориентироваться. Как бы ни сложились обстоятельства, ему нужно освободить Елену. Что-то в планах Дерезева и Карапакова пошло не так. Русалка не показывалась. Протащившись еще изрядное расстояние, Иоганн оказался в центре толпы, сгрудившейся вокруг помоста. Когда он поднял глаза, то увидел, что Дерезев толкнул Елену на Карапакова. Блеснуло лезвие ножа, и прежде чем Иоганн достиг помоста, провел им по руке Елены. Она закричала.

— Зови ее! — крикнул Карапов. Его хриплый голос звучал, как раскаты грома. Он поставил Елену на колени, держа ее руки над водой.

Теперь Иоганн увидел ножевую рану на ее руке. В первый момент это принесло облегчение, и он удвоил усилия, чтобы приблизиться к помосту. Ветер сдувал в воду кровь Елены. Иоганн верил, что слышал даже звук, с которым красные капли падали в реку. Толпа смолкла. Небо застыло, как на зловещей картине, даже ветер затаил дыхание. Вдруг заклокотала вода. Сначала эпизодически, потом забурлила во многих местах, прозвучали свист и шипение, рыбы хвосты захлестали по воде. Нева, казалось, переворачивалась снизу вверх. Как и все остальные, Иоганн пригнулся под, пролившимся над ними, мелким дождем.

Они расцветали, как морские цветы. Под водой начали появляться светлые пятна, едва различимые в черном зеркале, затем они приобретали очертания — глаза и жабы, древние суровые лица, спавшие под одеялом из жидкого, темного стекла. Одно за другим появлялись эти лица на поверхности реки. Люди, стоявшие по пояс в воде, застонали и отступили. Некоторые солдаты сжали в руках свои алебарды. Другие начали креститься.

Кое-кто из водяных тварей казался настолько старым, как древний мореный дуб на дне болота. Чешуя и костлявые горбы блестели в блеклом сиянии штормового неба. Они появлялись раненные и разъяренные, но полные надежд — их отделял от вечности один шаг. Целая армия существ, паривших между смертью и жизнью, таких непредсказуемых и опасных, как море. Страх овладел Иоганном — извечный страх, преследовавший и пожиравший. Он судорожно пытался найти свою русалку. Она тоже была там. Человечнее, чем ее собратья, но вся нежность и прелесть исчезли с ее лица. Лошади шарахнулись, соратники Карапакова жалобно попятились.

— Бегите! — закричала Елена русалкам. — Бегите! У него нет жемчужины! У него е... н...!

Крик оборвался, вместо него раздался глухой удар. Железный кулак Карапакова сбил Елену с ног. Девушка застонала и осела на колени. Иоганн бросился в волны. Карапов поставил ногу на бедро Елены, сталкивая ее в воду.

Этот момент показался Иоганну бесконечным. Он видел, как она перевернулась в воздухе, думал, что разглядел каждую каплю воды, пока жадная пасть Невы пожирала ее.

— Русалка! — заорал он. Но ветер бросил его собственные слова ему в лицо. Волны заливали ему рот и нос. Он продирался по воде, захлебываясь и плыл дальше, одержимый тем, чтобы не потерять из поля зрения место, где утонула Елена. Что-то быстрое и горячее проскользнуло возле его уха.

— Русалка! — отчаянно закричал он.

Лицо его русалки обратилось к нему. Казалось, она пробудилась от сна.

— Елена! — кричал он. — Вытащи ее на воздух!

Русалка посмотрела на него, и к облегчению, кажется, поняла. Она фыркнула и нырнула. Через несколько мгновений он увидел, как ее голова показалась ниже по течению — в руках Елена. Бескровное лицо без признаков жизни лежало на ее белом плече. Иоганн с

трудом обрел почву под ногами.

— Принеси ее ко мне! — крикнул он.

Но русалка не услышала, она посмотрела мимо него, на лице — грустное удивление. Оно неожиданно вновь стало человеческим и красивым, как и прежде, когда он ее впервые увидел. Внезапный испуг заставил Иоганна обернуться. Задыхаясь, он наблюдал, как Карпаков направился к берегу. Там стоял Дерезев, напротив него — долговязая фигура в развевающемся гренадерском мундире.

Митя поднял руку и выглядел, будто хотел помахать рукой русалке. Иоганн хорошо разглядел замешательство в его глазах.

Юродивый обнаружил свою любимую русалку и просиял.

— Русалка! — закричал он. — Сегодня волна принесет саранчу!

Иоганн с ужасом узнал потрепанный мешочек в руках Мити. «Юродивый и русалка» — как песня, вертелось у него в голове. — «Возможно, это разгадка».

— Она тебя не заберет с собой, — крикнул Карпаков юродивому. — Ты не можешь ей приказать. Это сделать могу только я. Я — хранитель сокровища!

Митя, хоть и сбитый с толку, выглядел серьезным, молодым человеком.

— Хранитель сокровища, — повторил он.

— Юродивый знает ответ! — крикнул Карпаков людям на берегу. — Сам Бог дал мне власть над царем. Я ваш спаситель от царского ига. Сдохнет этот кнехтер и вместе с ним его город! Все, кто за мной не последует, утонут.

Солдаты на берегу, до сего момента пребывавшие в безмолвном изумлении, забеспокоились. Началась паника.

Но Карпаков всерьез верил своим собственным словам.

— Дай мне жемчужину! — мягко произнес он.

Наконец, Иоганн сумел выбраться на берег.

— Он врет! — крикнул он Мите. — Ты — хранитель жемчужины, и она у тебя в руках. Отдай ее русалкам!

Митя заколебался. Лица повернулись к Иоганну. Теперь его увидел и Дерезев.

Митя бросил на него взгляд, посмотрел в ободранное лицо Иоганна и глянул на русалок в волнах. Узнавание, как солнечный луч, скользнуло по его чертам.

В следующий миг подскочил Дерезев и схватил юродивого.

— Дай ее мне! — хрипел он, протягивая руку к жемчужине.

Но Митя сопротивлялся. Дерезев вскинул пистолет. В следующий момент раздался выстрел. Плечо Иоганна обожгло огнем, удар откинул его обратно в воду. Последним, кого он увидел, был Дерезев с перекошенным от ненависти лицом, и Митя, вцепившийся в него, как медведь. Жалобный зов русалки рассек воду. В отчаянии Иоганн вновь попытался встать на ноги. К его изумлению, кровь не окрасила воду вокруг него, и когда он бросил мимолетный взгляд на свое плечо, то увидел не глубокую рану, а обожженную кожу и странные прямые следы на плоти. Зато Митя истекал кровью. На его мундире расплывалось красное пятно. Юродивый медленно упал на колени. От удара кулака Дерезева его рука, в которой он сжимал жемчужину русалок, опустилась.

— Он убил юродивого! — зашептались в толпе. — Юродивого!

Неожиданно Иоганн почувствовал, что это напоминает давнишнюю сцену, когда он стоял на берегу Невы возле тела утонувшей девушки.

Дерезев огляделся, над его головой хлестнул выстрел.

— Убийца! — раздался из толпы резкий голос.

Полковник одним махом добрался до помоста и взлетел на платформу. Оттуда вместе с Карпаковым он спрыгнул на баржу и отвязал канат. Карпаков улыбался, получив мешочек с жемчужиной. Старик, казалось, вырос, как тень. Его темные глаза нашли Иоганна, стоявшего в воде, растерянного, с горевшей огнем разочарования грудью.

— Поднимайте воду! — приказал русалкам старый боярин. — Пощади нас, утопи царя и разрушь город!

Его голос гремел над рекой. Валы, охранявшие крепость, были черны от людей, всматривавшихся в Неву.

«Застрелите его! — мысленно просил Иоганн. — Столько пушек для перекрестного огня, и никто не видит, что здесь происходит!».

Карпаков вынул жемчужину из мешочка и подбросил ее в воздух. Она закружилась, идеальная, как капля крови. Шипение прошло через ряды русалок, с глубоким вздохом поднималась вода. Иоганн почувствовал, что приказ Карпакова путами обвил волю русалки, все еще державшую Елену в руках. Но ненадолго она оставалась русалкой — его русалкой, чей взгляд лежал на Митином мертвом теле. Юродивый растянулся в воде, как ребенок на летнем лугу, рука его разжималась, поворачиваясь на волнах к небу.

— Не отпускай Елену! — умолял Иоганн против шторма. — Пожалуйста, не отпускай!

Но русалка теперь повиновалась только реке, слившись воедино с приказом, который ждала многие сотни лет. В последний раз их взгляды встретились, и Иоганн глянул в лицо смерти. Существо с черными и беспощадными глазами склонилось над Еленой, поцеловало ее и отпустило. Лицо Елены погружалось ко дну, как цветок, который тянули рыбы.

— Нет! — крикнул Иоганн, бросаясь, как одержимый в воду. Он плыл, пока не онемели руки.

Волны бросали его туда-сюда, но ему было безразлично, утонет он или нет. Краем глаза заметил гигантскую приливную волну, вздымавшуюся над горизонтом, почувствовал мощное течение, как при урагане, зная, что он и другие затерялись в этом городе. Нырнув, он ухватился за руку с глубоко врезавшимися оковами, но течение отняло добычу, перевернуло его, сдавив водой легкие, и завертело им, пока рот не наполнился песчаной грязью Невы. В нем кипела ненависть. Перед Иоганном появилось лицо, старше, чем другие — страшное морское чудовище, готовое, казалось, его сожрать. Чирикнув чешуей ему по горлу, речное существо прижало его к чему-то твердому. Иоганн инстинктивно ухватился. Баржа! Пробкой, дрейфовала она по воде, удерживаемая и охраняемая русалками. На ней на коленях стоял Карпаков. Они с Дерезевым пригнулись от выстрелов, которые в панике делали солдаты на берегу. Накатила огромная волна. В считанные минуты город будет уничтожен. Останутся лишь обломки разрушенной крепости, и слезы разочарованного ребенка.

Иоганн почти ослеп от боли, единственное, что он видел, это Карпаков. Все проповеди, услышанные в своей жизни, пришли ему на ум. Но думал он не о Елене, чтобы с ней проститься. Не желая отдавать месть небу, он с криком бросился на Карпакова. Старый боярин обернулся. Из его горла вырвался сдавленный крик, но Иоганн уже сомкнул пальцы на его шее. Он сжимал, пока бородатое лицо не покраснело, и глаза не вывалились из орбит. Вряд ли его удивляло, за пределами ненависти остался другой мир. Мир воды, сильных гладких рук и щелкающих зубов — мир русалок. Он увидел свою русалку. Но только ее глаза казались совсем черными, а зубы блестели в шторме. Русалка зашипела на него, и ему стало ясно, она его убьет. Извивающимся движением она разомкнула ему руки. По ним потекла

вода, русалка дернула Иоганна вверх и швырнула прочь. Пока его волны кидали туда-сюда, Карпаков, которого спасла русалка, схватился, задыхаясь, за горло и закашлялся.

Умер он или нет, Иоганн сказать не мог, но для преисподней было, однозначно, мокро. Кроме боли в плечах, он чувствовал маленькие волны, озорными щенками, лизавшие его голени. Это течение, но он лежал на чем-то жестком и холодном. Иоганн осторожно открыл один глаз. Горизонт оказался на месте. «Русалка спасла Карпакова» — подумал он. И следующая мысль каленым железом ударила ему в грудь: «А Елене она позволила утонуть». Воздух, которым он, черт возьми, дышал, был горьким. Голова поднималась с трудом. Он подумал, что его ничего уже не сможет удивить, но сильно ошибся. Он дрейфовал на большом куске сплавного леса, возможно, основе для баржи. Его ноги наполовину свисали в воду и непривычно мерзли. Горизонт простирался перед ним, как серебряная шаль, а справа проплывала песчаная отмель. Он, скорее всего, находился далеко за островом князя Меншикова. Впереди — Финский залив, справа в море, в пределах видимости — крепость Кронштадт. Приливная волна улеглась. Он видел лишь серебряный покой и ясность бриллиантового неба после шторма. Санкт-Петербург исчез, но Иоганну в данный момент, странным образом было все равно. Каждый удар волны приносил ему воспоминания о бледном, узком личике, которое безвозвратно и навсегда от него ускользнуло. Он променял бы любой город мира, чтобы еще раз услышать голос Елены.

— Жизнь за жизнь, — произнес рядом с ним тихий голос.

Он снова моргнул и различил фигуру на фоне горизонта. Белые руки лежали на деревяшке, девичье лицо смотрело на него. Глаза сверкали, как черные жемчужины.

— Что? — прошептал он раздраженным голосом, в горле скребло, как рубанком по покрытому песком дереву. Он откашлялся.

Русалка улыбнулась.

— Мы выполнили обещание, — пояснила она, положив подбородок на свои идеальные руки. Ее ноготки блестели.

— Да, — с горечью ответил Иоганн. — Вы убили по приказу Карпакова, а его самого спасли.

Ее улыбка стала еще нежнее.

— Ты не понимаешь, — снисходительно заметила она. — Пакт гласил так: «Отнять жизнь или дать жизнь». Он хотел, чтобы мы забрали жизнь, жизнь царя — вместо этого мы спасаем его жизнь. Обещание было выполнено.

Ее слова медленно проникали в его сознание.

— Если бы я не захотел его убить, вы последовали бы его приказу?

Она кивнула.

— Вам пришлось спасти ему жизнь, а приказ?

— Воду мы повернули обратно.

— А город...

— Он на месте, — у нее искривился рот, и Иоганн с глубокой скорбью осознал, что и русалка потерпела убыток.

— Только юродивый и Елена больше никогда не увидят Санкт-Петербург, — прошептал он, даже не подозревая, что одно лишь упоминание имени могло причинить больше боли, чем удар кулаком. Ему придется научиться еще многому. Жить, например.

— Ну, Митино желание исполнилось, — пробормотал он.

Русалка смущенным и печальным жестом пригладила на лбу изумрудно-черные волосы.

— Возможно. Для вас желать просто — жить выполненным желанием, напротив, тяжелее.

— Я не готов умереть, — ответил он.

— Да, — прошептала она. — Его душа теперь — часть моря. Я слышу его смех.

Видение расплылось в его глазах. Иоганну потребовалось время, чтобы осознать, что он плакал. На его холодном от ветра, мокром лице, как кипятком, горели слезы.

Русалка испуганно посмотрела на него.

— Что случилось? — закричала она. — Почему ты плачешь?

— Почему? — возмутился Иоганн. — Потому что ты — чудовище! Елена — ты помнишь ее? Как ты могла ее бросить? Ты слышишь ее? Ты слышишь ее смех?

— В данный момент нет, — ответила русалка. — Но, возможно, услышу, как только она проснется.

Глянув в его ошеломленное и разгневанное лицо, она захихикала. Дерево закачалось, когда Иоганн сместил свой вес и повернулся. Что-то, все время находившееся за его спиной, начало сползать. Он как раз успел за него ухватиться. Прежде чем тело, лежавшее на краю плавающего обломка, свалилось в воду, ему удалось схватить его за запястье. У него во рту мгновенно пересохло, будто его набили опилками. Он осторожно потянул за предплечье, ее он не отпустил бы никогда, даже за все сокровища мира. Под своими пальцами он почувствовал слабые удары пульса. Она жива! Ему удалось осторожно затащить Елену обратно на дерево. Сверкающий каскад фонтаном обрушился на лодку. Это русалка шаловливо бросилась в воду. Иоганн взял Елену на руки и прижал к себе.

— Я ей кое-что подарила, — сказала русалка. — Поцелуй. Чтобы заставить биться сердце и дышать, пока я ее вытаскивала со дна.

— Почему же ты меня не поцеловала, когда тащила через реку?

— Ты, возможно, и раздаешь свои поцелуи без разбора. Я, нет.

В этот момент тело в его руках напряглось. Елена закашлялась, ее веки затрепетали. Она с трудом разлепила глаза, и посмотрела на Иоганна, будто не узнавая его. Он с неохотой отпустил ее, потому что она выкручивалась из его объятий. Елена оперлась коленями и локтями и кашляла, пока Иоганн не испугался, что теперь, когда она не утонула, задохнется.

За спиной русалки появилось лицо, затем другое, образовался водоворот, когда постепенно выныривали русалки и окружали разбитую лодку. Елена прижала руки ко рту и разглядывала существа, будто видела их впервые. На русалке, их русалке, она остановилась.

— Спасибо тебе! — произнесла русалка своим текучим голосом.

Выглянуло солнце, и тела русалок засияли. Последняя улыбка зависла над водой, потом все лица погрузились. Одна за другой они молча прощались со своей хранительницей. Елена дрожала, отвечая на прощальный поклон. Последнее, что Елена и Иоганн увидели от невских русалок, был блеск под водой, как будто в глубине погасили свечу. Осталась лишь темная вода вечности.

***

Елена долго плакала, и Иоганн, не зная, как утешить, просто крепко прижимал ее к себе, проникаясь ее скорбью о потере жизни, русалок и бытия. Он представлял себе, как

русалки двигались по воде с сокровищем в руках — яркой, красной жемчужиной, которая, как маяк, вела их к сердцу моря. И он увидел перед собой Митю, юродивого, который попал туда, где всегда хотел находиться. Как обломок судна, осталась на берегу Елена. Через некоторое время она мягко высвободилась из его объятий. По безмолвному согласию они повернули обратно. Назад в город, где выжившие ждали, чтобы наводнение окончательно отошло. Деревяшку, проплывавшую мимо, они использовали в качестве весла. Развернув свою временную лодку, они молча гребли, в спину дул западный ветер, а солнце поднималось все выше и выше. Слева от них над морем возвышалась крепость Кронштадт. Наверное, солдаты разглядывали в подзорную трубу двух жертв кораблекрушения, которые храбро гребли дальше. Одна за другой в поле зрения появлялись лодки, затем и первые дома. Вода медленно отходила от берега. Люди сидели на деревьях, разбитые обломки плавали по Неве причудливой лентой.

— Извини, — произнес Иоганн через некоторое время.

Елена глянула на него и улыбнулась. Горизонт зеркальным стеклом скользил за ее спиной.

— За что? С тех пор, как я родилась, я предчувствовала, что однажды их потеряю. Они будут жить — это главное.

Ее улыбка ободрила его и под тенью смерти, которая все еще висела над ним и почти его забрала, он поклялся, никогда больше не тратить время впустую.

— Не теряй меня, — сказал он. — Я... буду строить корабли. Мы сможем переплыть море. Мы свободны, ты и я.

Улыбка исчезла, карие глаза, как темный янтарь, заблестели на солнце. Елена молчала, и Иоганн чувствовал себя человеком, который хотел спасти утопающего и в отчаянии пытался не упустить веревку.

— Ты никогда не мечтала переплыть море? — робко спросил он.

— О, да, — ответила она. — Об этом я мечтаю целую вечность. Но... — в ее слова закралась старая ирония, — не приносят ли женщины на корабле несчастье?

— На нашем, нет, — произнес он твердым голосом. — Мы поплывем под парусами до Копенгагена, Гамбурга или через Адриатическое море в Венецию.

— Поближе к русалкам? — спросила она тихо.

— Мы нарушим их сны, — ответил он и засмеялся.

Ее улыбка была тонкой и хрупкой, как стеклянная паутина. Он сделал ошибку и разбил ее своим голосом.

— Ты поедешь со мной?

К его удивлению она покачала головой. Он совершил вторую ошибку.

— Почему? — закричал он. — Что случилось? Я тебе вообще безразличен? Если, да, так и скажи!

— Прекрати! — бросила она ему резко. — Неужели ты не понимаешь? Ты возвращаешься в свою жизнь. А я свою жизнь только что потеряла. Я была раковинкой, в которой хранилась жемчужина. Теперь от меня осталась лишь оболочка.

— Но мы...

— Оставь это! — закричала она на него. — Ты не понимаешь.

Чтобы закончить ее слова, ему потребовалось бы мужество. Он беспомощно посмотрел на нее.

— Оставь это, Бремов, — произнесла она тише.

— Меня зовут Иоганн, — ответил он. Это прозвучало жалобно. Елена с безучастным лицом смотрела на берег, приближавшийся к ним с каждым ударом весла.

Глава 10

ТРЕТЬЕ ИСПЫТАНИЕ

Много дней пролежал он в лихорадке. Рана, нанесенная пистолетом Дерезева, и другие травмы, полученные в результате побоев, воспалились. После того, как он нашел Ивана, они вместе привели в порядок мастерскую. Иоганн вспомнил о длинной ночи, во время которой явь от него ускользнула, и об утреннем плавании по мертвой, пустой Неве. Следующим ощущением оказалась уверенность, что он страстно ненавидел Томаса Розентроста, так как врач многократно усиливал боль, очищая его раны. Аптеку и прилегающую к ней часть дома, где обычно хранились припасы, превратили в лазарет. Было множество раненых, которых посеколо обломками или вывернутыми с корнями деревьями, на которых они искали убежища.

Попадались и люди с огнестрельными ранениями. Когда солнце косо падало в окно, Иоганн мог наблюдать, как солнечный луч играет на сосудах с монстрами.

Из главного помещения до него доносились разговоры. Однажды он решил, что различил властный, оглушительный голос царя, которому Томас Розентрост резко, но вежливо отвечал. Он слышал громкие расспросы и вопросы шепотом, а однажды, в лихорадке, даже узнал голос Марфы. Улыбаясь, он потянулся к руке, гладившей его по лбу. Во время болезни ему снились странные сны. Он видел себя в синем мундире гренадера, плывущим куда-то под верхним слоем воды. Солнечный свет разлетался над ним, сердце его не билось, чтобы сэкономить затрудненное дыхание. Он чувствовал себя счастливым, но одновременно ощущал боль внезапной потери. Русалка баюкала его в руках, пока он не заснул.

Голос Томаса Розентроста вернул его на землю:

— Они нашли письма!

Иоганн, все еще находившийся под водой, открыл глаза. В комнате колыхалось лицо Розентроста.

— Письма? — спросил он.

Врач кивнул. В великолепно завитом парике, но с посеревшим лицом он выглядел, будто не спал несколько ночей.

— Письма, которыми обменивались Карпаков и Дерезев. Дерезев в этой истории, очевидно, чувствовал себя в полной безопасности, что даже не считал нужным, их уничтожить. И мнимые родственники Наташи Негловны вдруг вспомнили, что с ними за показания против семьи Брем должны были по-царски расплатиться.

— Это значит, дядя Михаэль...

— Вольный, как рыба, — произнес Розентрост, не обратив внимания, что Иоганн при его словах вздрогнул. — Вчера они вернулись домой.

Он сделал паузу и добавил:

— Мне жалко, что твой друг утонул.

Иоганн нахмурил лоб, судорожно сясь вспомнить, кого мог иметь в виду Розентрост, пока до него не дошло, что о Елене знали только он и Марфа.

— Да, — ответил он. — Что... произошло с Дерезевым? А с Карпаковым?

— Дерезев? Ну, он убил юродивого. Человек мог бы достичь много в царской империи, но вместо этого его убил один из гренадеров. Официально, он попал под случайный выстрел.

Его тело вытащили из воды возле крепости Кронштадт. А Карпаков в темнице.

Иоганн вздрогнул, подумав о безумном старике, и сжалился над ним.

— Как бы то ни было, — сказал Розентрост, — Ты в безопасности, твои тоже. За это ты должен благодарить небо.

Иоганн был все еще не удовлетворен.

— Что с русалками? Что царь сказал по этому поводу?

Розентрост втянул воздух сквозь зубы и посмотрел мимо него в окно.

— Ты должен был их видеть, Томас, — напирал на него Иоганн. — Они были там! Люди стояли на крепостных валах и смотрели на Неву. Даже сам царь должен был увидеть русалок.

— Ну, — медленно произнес доктор, — я не должен говорить то, что скажу. И тебе придется об этом сразу забыть.

Он склонился, чтобы никто в соседней комнате не мог понять его слова. В дневном свете его строгое лицо казалось вырезанным из кедрового дерева. Но неверующий Томас усмехнулся.

— О русалках больше никто не говорит. И менее всего царь. Ходят слухи, что группа заговорщиков слишком много взяла на себя. А наводнение помешало их планам. Свидетели признались, что были подкуплены Карпаковым. Это версия, которую ты должен запомнить. Тем не менее, если ты думаешь и веришь, что видел русалок, это твое дело, — он подмигнул Иоганну. — Может быть, даже я что-то видел при наводнении. Возможно, я несколько ночей не мог спать, и чувствовал, что мой старый ум встает на дыбы, как норовистый конь. Он отказывался признать разум в качестве своего Бога. Может быть, даже царь видел русалок, но дело не в этом. Петр не будет раздувать скандал, я думаю. Всегда помни: царь — это обоюдоострый меч. И самый надежный способ избежать смерти — научиться им пользоваться.

Иоганн сглотнул, слова застряли у него в горле. Конечно, он будет хранить молчание. И он бы здесь навсегда не остался. Но когда ему придется покинуть Санкт-Петербург, однажды это произойдет, то только на палубе собственного корабля.

***

Дядя Михаэль был бледен, но его лицо покраснело от радости, когда Иоганн живой и невредимый вошел в горницу. Их дом пострадал от наводнения. До сих пор еще сушились одеяла и намочшая кожа. Увидев входящего Иоганна, Иван не подал и виду, лишь коротко кивнул ему и снова согнулся над, затвердевшим от воды, кожаным фартуком, пробуя натереть его седельным жиром для мягкости.

Иоганну бросилось в глаза, что жизнь продолжалась. Каждый вновь принимался за свою работу. Подкопщики выроют новые каналы, на сей раз гораздо глубже, чтобы при следующем половодье сдерживать в узде подъем воды. Съедутся новые работники из царской империи, новые жители — из городов. Чертыхаясь, они приобретут дома, которые царь приказал им здесь построить, и однажды скажут, что этот город не так уж и плох.

— Томас настоящий волшебник! — воскликнула Марфа и обняла Иоганна. — Еще несколько дней назад ты лежал на носилках и выглядел, как обреченный на смерть. Ты

помнишь, что я тебя навещала?

Иоганн кивнул и прижал тетю к себе.

— Да, — пробормотал он. — Спасибо тебе, Марфа!

Смущаясь, она высвободилась, и он увидел, как она покраснела.

— Нам это дорого обошлось, — произнесла она тихо. В своей давнишней резкой манере Марфа обернулась и потянулась за деревянной миской, чтобы приготовить ему горячую кашу.

На мгновение его переполнило счастье. Такое чувство появлялось лишь при возвращении домой после долгих лет лишений. И Иоганн позволил себе насладиться этим благодным ощущением. Дядя Михаэль практически не произнес ни слова. Вместо этого он написал письмо красивым почерком и предоставил его Иоганну. Оно значило гораздо больше, чем слова. Иоганн смутился, читая строчку за строчкой. В нем излагалось то, чего дядя Михаэль никогда бы ему не сказал — расписание времени его ученичества, трактат о его умениях и сильных сторонах, и благодарность учителя за хорошую работу.

— Ты отстраняешь меня от работы, — констатировал Иоганн.

Михаэль кивнул:

— Это не свидетельство о присвоении тебе звания подмастерья, так как до экзамена не хватает еще двух годов ученичества. Но если ты хочешь, можешь начинать работать на верфи. Это твой путь, Иоганн. Но также, всегда добро пожаловать к нам, — с этими словами он встал и погнал помощников, с напряжением наблюдавших за этой сценой, в мастерскую.

Иван собрал кожи, также встал и, не оглядываясь, последовал за ними. Иоганн улыбнулся.

Он уже знал, что Марфу и Михаэля взяли под стражу и разделили. Тетя прерывающимся голосом поведала ему о пережитых ужасах. После ее рассказа сложились последние части головоломки.

Позднее Марфа зажгла свечу и присела к Иоганну за стол. Она вынула ценные хрустальные чашечки и налила Иоганну красного вина, которое он никогда раньше не пробовал. Молча выпили за здоровье. На улице похолодало, вскоре конец лета сменится первыми осенними штормами. Наступят зимние ночи, непроглядные, как замороженные чернила. Самое время вернуться в стан существ Томаса Розентроста.

Иоганн уставился на ящик, который Марфа водрузила на стол. Дерево оказалось перекошенным и раскисшим. Ему стоило немало сил, чтобы открыть крышку. Она поднялась неохотно и с жалобным скрипом. Настроение упало при виде того, что он и ожидал увидеть, но все равно было жалко и грустно. Его жизнь связана с кучей грязных, пожелтевших и намокших бумаг. Затхлый запах ударил в нос. Расплывшиеся чернила образовали причудливый узор и шириы — письмо его утонувшего брата Симона соединило его с дядей Михаэлем. Осторожно отделял он слой от слоя, все больше осознавая, что его старая жизнь закончилась. Показалось размытое изображение сундука Карпакова, и в самом низу, ставший неузнаваемым портрет Кристины.

— Ты должен ей написать, — заметила Марфа. — Даже если она тебя не любила, она имеет право на завершение отношений.

Он кивнул. Тоска по Елене снова сдавила ему горло. Как хорошо чувствовать руку Марфы на своем плече.

— Ты правильно поступил, — произнесла она к его удивлению. — Иногда нужно отпустить человека, чтобы потом его поймать.

Задыхаясь, он добрался до ивы. Горячка обессилила его, пройдет еще несколько дней, пока силы восстановятся. Каким-то чудом ива находилась на своем месте. Кривым корнем она упорно цеплялась за землю. Иоганн разочаровался, не найдя новых знаков на стволе, но голос разума прошептал ему, что лодку Елены, наверняка, поглотило наводнение. Мысль, что Елена могла покинуть дельту Невы, сдвинула его с места. Нет, пока жива Катька, Елена никуда не уйдет. Долго он наблюдал за противоположным берегом, потом решил сделать следующий шаг. Иван сдержал слово — чуть подальше на берегу лежала маленькая лодка. Особо внушающей доверие она, однако, не выглядела. Весла закрипели. Руки Иоганна еще не набрали былую силу, так что лодка быстро сошла с курса. Доски и инструменты неоднократно соскальзывали. Он еще не придумал, как справиться с ее лачугой, все зависело от того, найдет ли он ее вообще. В мешке уложены склянки с мазями и травами, которыми с подробными инструкциями снабдил Томас Розентрост, помимо них лежал и котелок, в котором можно сварить суп. Пот лил у Иоганна по лбу, когда он, наконец, добрался до северной стороны. В этом месте он наполовину вытащил лодку на берег и крепко привязал. Путь оказался гораздо длиннее, чем он помнил. Его мешок был тяжелый, как чугун. После наводнения повсюду валялись обломки. Постепенно дорога пошла немного в гору. В поле зрения попали кустики и первые деревья, цеплявшиеся за торфяную почву. Когда вдали показался приземистый домишко, ему пришлось ненадолго остановиться и отдышаться. Он совсем бы не удивился, если бы избушка на самом деле имела куриные ножки и от его вида удалилась бы большими прыжками. Иоганн понял, что волнуется гораздо больше, чем когда-либо в своей жизни. Не раз в чулане Карпакова он чувствовал себя в панике. Возможно поэтому, он и не заметил движения рядом с ним. Он обернулся и в то же мгновение обратил внимание, что рефлекторно сжал кулаки.

Елена с сомнением смотрела на него. Он тщетно искал улыбку, но она стояла неприступная и выжидательная, какой он ее помнил. Ну, ничего другого он и не ожидал. На ее плече он обнаружил зажившую рану в том месте, где Карпаков ее ударил ножом.

— Я... у меня есть мазь, — начал он и показал на склянку. — Ее дал мне Томас Розентрост.

Брови Елены озадаченно полезли вверх.

— Ты пришел сюда, чтобы принести мне мазь?

Он плотно сжал губы, обдумывая ответ. Его нерешительность, казалось, изумила ее. К своей радости он заметил, что в ее позе появился намек на неуверенность. Чувствовалось, как у нее колотилось сердце.

— Нет, — произнес он твердым голосом. — Не только, я имею в виду.

Он опустил свою поклажу и собрался с духом. Его руки казались нервными птицами, которых он едва мог удержать, но, по крайней мере, в этот раз ему пришли в голову правильные слова.

— Ты, Елена, отвергла меня дважды. Но в каждой сказке у главного героя есть три попытки.

Наконец, на ее лице промелькнула веселая улыбка.

— А герой — это ты? — насмешливо поинтересовалась она.

Надежда, что все могло стать как раньше, когда они были друзьями, заставила его вздрогнуть.

— В первый раз ты меня отвергла, — продолжил он. — Хорошо, это была моя ошибка, я повел себя нагло и тебя поцеловал. За эту первую попытку я извиняюсь. Во второй раз ты

отказалась от моего корабля, это смело, учитывая то, что ты единственный человек, которому я сделал такое предложение. Ну, хорошо. Елена Прекрасная привередлива. В третий раз я начну не с поцелуя и корабля, а с избушки Бабы Яги.

Взгляд Елены вернулся к его свертку, из которого торчала ручка топора. Она поняла.

— Катька? — воскликнула она. — Она тебе голову оторвет. Я не верю, что она внезапно полюбит немца.

— Меня совершенно не заботит Катькина ненависть, если меня полюбишь ты, — вырвалось у него. В этот момент он напряженно ругал себя, что лучше бы прикусил язык, но потом понял, что она не перечит. Он поспешил развить свою мысль дальше. — После наводнения стало холодно. Вскоре начнутся зимние вьюги. У меня есть снадобья от Катькиного кашля. Ваш дом — это шедевр для любого плотника. Деревяшек, которые я привез в лодке, конечно же, не хватит. Мы должны будем срубить новый, — он сделал глубокий вдох и посмотрел на нее твердым взглядом, пришло время для заключительной части речи. — На сей раз ты меня не выгонишь, Елена Михайловна. По крайней мере, пока я не помогу вам отремонтировать дом. Однако если ты потом захочешь, чтобы я ушел, я уйду. И, если ты в дальнейшем захочешь ступить на наш корабль, ты знаешь, где меня найти.

Уголки ее рта дрогнули, но перекрещенные руки она все еще держала под мышками. Пару мгновений она еще продержалась, потом бастион рухнул. И солнечный луч озорной улыбки пробил стену.

— Хорошо сказано, Иоганн. Ты понимаешь, с кем связываешься? С Катькой! Ты думаешь, Карпаков был твердым орешком?

— Нет, — быстро ответил Иоганн. — Крепкий орешек — это ты.

Она посмотрела на него изумленно, а затем рассмеялась. Внезапно исчезли боль, усталость и сомнения. Он тоже засмеялся, и ничего не мог с этим поделать. Его фасад рухнул, остался только Иоганн — влюбленный дурак. Некоторое время они вновь молча стояли друг напротив друга, отчуждение превратилось во что-то другое, все еще имеющееся, но уже не пугающее.

— Ну, хорошо — произнесла, наконец, Елена. — Тогда покажи, как хорошо ты умеешь сражаться с драконами.

Она повернулась к дому, и поманила его, следовать за собой. Иоганн взвалил свой багаж на плечи, и поспешил догнать ее. По крайней мере, Елену он рассмешил. Для нового дома, нового города и нового времени это являлось, наверняка, не худшим началом!

ИСТОРИИ, ПРИЗРАКИ И СЛУХИ — ПОСЛЕСЛОВИЕ

Устье Невы летом 1706 года: тысячи крепостных вколачивали дубовые сваи в грунт, сгребали голыми руками землю в мешки, а часто даже просто в подола или армяки насыпали болотистую землю. На Заячьем острове уже началась замена земляных валов Петропавловской крепости на каменные стены. Город, вырванный у болот, во многих местах еще походил на грязные барачные поселения. Условия труда были бесчеловечны, работники, рекрутированные со всех частей Российской империи для принудительных работ, страдали от комаров и болезней, зимних выюгов и скудного питания. Многие из них погибли. Всего несколько лет назад, после Северной войны против Швеции при Карле XII, пала шведская крепость Ниеншанц, стоявшая на этом месте. Город, чей первый фундаментный камень (вероятно, торфяной кирпич) заложили в мае 1703 года, еще долгое время не был до конца укреплен. Иногда рабочим на суше доводилось слышать артиллерийский огонь морских сражений. Решение, создать по мановению волшебной палочки посреди этого болотистого участка берега в устье Невы, буквально на голой земле большой город, принял один из величайших российских правителей — царь Петр I, названный Петром Великим. Санкт-Петербург должен был стать городом-крепостью, с огромной верфью и портом, который давал прямой выход в Балтийское море. Петр стремился сделать Российскую империю великой морской державой.

Ранее страна располагала лишь одним морским портом — Архангельском на побережье Белого моря.

По представлениям Петра на чертежной доске набросали план города — дома и дворцы из камня, а не из дерева, как в Москве, каналы, как в Амстердаме и Венеции, великолепные сады и каменную красоту улиц. Для осуществления этого строительства Петр привлек огромное количество архитекторов, гидротехников, строителей каналов и плотников из Германии, Голландии, Франции, Италии и других стран. Некоторые прибыли из-за границы, но многие — из Москвы, из Немецкой слободы, где жили переселенцы из разных стран. Они вызывали подозрения у местных жителей, и нередко их оскорбляли «еретиками».

Через несколько лет город, в действительности выросший из болот, предназначался для новой столицы Российской империи — идея, вероятно, пришедшая царю Петру во время строительства. Сегодня Санкт-Петербург называют «Петровы врата на запад» или «Окно в Европу». Заселение города представлялось наименьшей проблемой. Петр приказал переселить туда дворян, горожан и рабочих, которым так же необходимо привезти свой строительный материал.

Некоторые историки убеждены, что значение «великий» могло относиться и к росту царя (рост Петра превышал два метра) и прозвище «кошмарный» подошло бы ему больше. Железной рукой перестраивал он по-новому свою империю, создав управление по западноевропейскому образцу, построив четко организованную армию, проявив заботу о промышленности и медицине. Он говорил на немецком и голландском языках и любил останавливаться в «иностранной слободе» Москвы.

Характер Петра один историк описал термином «варварская жестокость».

Без сомнения, Петр I являлся яркой и противоречивой личностью — порой мягкий и великодушный, но чаще непредсказуемый, вспыльчивый и беспощадный.

Неудивительно, что вокруг царя и его нового города возникло множество небылиц. «Санкт-Петербург, как звучит в часто цитируемых фразах, построен на костях многочисленных крепостных». В некоторых источниках говорится о десятках или даже сотнях тысяч погибших. Реальное число покойников, предположительно, обросло легендами и сильно преувеличено. Так, по меньшей мере, утверждает знаток Санкт-Петербурга Николай фон Михалевский, более известный, как автор научной фантастики Марк Брандис. Здесь я придерживалась его цифр и фактов.

Очень интересно было читать старый «Дневник путешествия в Россию», который в конце 17-го века написал посланник Иоганн Георг Корб. Изображение обычаев и быта Немецкой слободы Москвы, а также происхождение царя основано на описаниях Корба, как и воспроизведение «Кровавого суда», учиненного царем Петром над стрельцами. В книге «Врачи в России 18-го века» я нашла прототип лекаря Томаса Розентроста, сыгравшего в романе одну из главных ролей. В действительности, этого лекаря звали Лаврентий Блюментрост, он заведовал Кунсткамерой царя Петра.

Кстати, о времени: действие романа происходит в 1706 году, но я кое-где смухлевала, немного сдвинув по необходимости некоторые события, чтобы они лучше вписывались в сюжет романа.

Например: Невские ворота Петропавловской крепости построены в 1714-1716-х годах, указ царя Петра «О монстрах» заимствован тоже из более поздних времен. При изображении города я опиралась на план 1712 года, который предусматривал сделать центром Васильевский остров. Этот проект не претворили в жизнь по техническим причинам. Для действительно реалистичного представления о работах на болотистой местности, не следовало опускать и описания мучений от комаров. Кустарник и деревья вдоль берега, в качестве защиты от нежелательных взглядов, изображались на некоторых старых гравюрах на меди. Они росли ближе к берегу. Я их немного увеличила, добавив кое-где «лесок». Есенгород — это вымышленный город, находившийся по тем временам в совершенно нереальном месте. Он, как и некоторые районы нынешней России, принадлежал тогда Швеции, а не являлся древнерусским городом. Вместо него показан вымышленный Есенгород, и несколько аутентичных архитектурных особенностей Москвы тех лет. Держатель для лучины или, так называемая, «обезьянья морда» в средние века уже являлся анахронизмом, но на столе в покоях Карпакова он смотрелся очень убедительно. Неправдоподобно, конечно, что великий архитектор Доменико Трезини пришел в мастерскую обычного ремесленника, невероятны также и многие другие сцены и ситуации, но исторические выдумки расцветают не только на жесткой основе реальности. Я надеюсь, что мне удалось, как в русских сказках, ловко перемешать факты и фантастику. Ведь в них в конце стоит мечтательная и реалистичная фраза: «Они жили долго и счастливо». Что мы и видим в сказочной части истории! Будь то леший — дух леса или банник — дух бани, в русских легендах и сказках кишмя кишит сверхъестественными образами. Говорят, в России до сегодняшнего дня существует обычай при переезде в новый дом, первой за порог пускать кошку, чтобы умиловить домового. Среди этих мифических персонажей резвится также особенное природное существо, в славянском варианте мелюзина, наяда, ундина — русалка.

Не только русские поэты Александр Пушкин и Михаил Лермонтов воспевали ее, она дома и на оперной сцене. Творит в сказках свои бесчинства и сегодня, как мне сказали, появляясь часто на детских площадках. Как классическая русалочка с рыбьим хвостом, наблюдает она за детьми. И если посмотреть на роскошный дворцовый сад в Санкт-

Петербурге, то русалка, как фигура, найдется на том или ином фонтане. Испокон веков русалок описывали по-разному. Часто, как нимфу с рыбьим телом, иногда даже красавицей, появляющейся после захода солнца на берегу рек или на кладбищах. С распущенными волосами танцует она летними ночами в лунном свете на лугах, делая землю плодородной. В некоторых историях говорится, что русалка — это дух утонувшей девушки, живущий в пруду и заманивающий людей в свою сырую могилу.

В старину первую неделю лета называли русальной. На празднике во время церковной службы проводили специальные похоронные ритуалы, которые должны были изгнать русалок.

Предполагается, что в большинстве легенд и сказок, возможно, скрывается зерно истины, и игра мысли «А если бы они были на самом деле?» особенно интересна. Я дала русалкам жилище в Неве, их жизнь без биения сердца находилась под угрозой, когда державный царь решил, в центре их среды обитания возвести свой новый город-крепость.

От всего сердца я хочу поблагодарить в содействии в вопросах поиска информации мою бывшую коллегу доцента д-ра Доротею Кёниг и д-ра Йорга Эннена из государственной библиотеки Баден-Вюртемберга. Господин Эннен отважно проник в глубину тайного книгохранилища, вытащив на дневной свет информацию о русско-немецкой истории медицины, кроме того, он разыскал такую драгоценность, как «Гирудотерапия в 17–18 веках». Героическими поисками я и обязана Оскару Гепперту, которого, своим первым романом «В плену носителя проклятия», к счастью, завоевала, как поклонника. Случайно оказалось, что он по служебным делам часто ездит в нынешнее время в Санкт-Петербург. И искренняя благодарность от русалки, конечно, российско-немецким читателям!